Наталья Цветаева

«Милость Твоя на мне»

Наталья Цветаева

«Милость Твоя на мне»

О путях человеческих
и путях Божиих

Москва
2008 год

…Когда автор этой книги пришла к Православию, с ней случилось невероятное. Она подробно изложила всё на бумаге, и её благословили поехать к отцу Николаю Гурьянову. И Псковоозерский старец, благословляя рукопись к изданию, неожиданно добавил тогда:

– Пиши, пиши обо всём. Это твоё дело. Благословение свыше на всю твою жизнь…

С тех пор прошло много лет, и старческое благословение батюшки Николая, упокоившегося в Вечности, благостно сопутствует автору.

В этой книге «Милость Твоя на мне» наши современники и соотечественники рассказывают о том, как они шли к Богу, как спотыкались и падали, как утопали в земных страстях и скорбях, как оказывались в сетях духовных заблуждений и едва не погибали, но милостивый Господь чудесным образом поднимал их из греховной скверны, омывал покаянием и выправлял жизненные пути, подавая надежду на грядущее спасение.

УДК 242
ББК 86.372
Ц 27

Цветаева Н.О.

Ц 27 **«Милость Твоя на мне»** / О путях человеческих и путях Божиих / – Издательство «Смирение», М, 2008. — 384 с., ил.

Псковоозерский старец отец Николай (Гурьянов)
(фото автора)

«В последние дни излию от Духа Моего на всякую плоть; сыны и дщери будут пророчествовать; юноши ваши будут иметь видения, и старцы ваши снами вразумляемы будут».
(Иоиль 2,28)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наше время великих земных потрясений происходит множество чудесных явлений. И вопрос истинности или ложности чудес является для людей жизненно важным. Как не ошибиться и не принять за правду лукавый обман? На это давно есть чёткий ответ. Творители лжечудес, духи злобы, преследуют одну цель: ввергнуть человека в адскую погибель. Но истинное чудо ведёт нас ко спасению в Боге и вечной радости на Небесах.

Милость Божия к многогрешному человеку поистине безгранична. И представленные здесь рассказы из реальной жизни наших современников и соотечественников – красноречивое тому подтверждение.

Как сказано в Священном Писании, Господь терпеливо ждёт у дверей нашей заблудшей души. Порой нужны долгие годы

мучительных земных скитаний, чтобы отчаявшийся грешник пришёл к истинному покаянию... Но самым великим чудом являются не те многие дары, щедро изливаемые на нас Отцом Небесным. Возвращение души к своему Создателю и есть наивысшее, спасительное чудо для каждого, обретшего с помощью Божией Православную веру...

ИСПЫТАНИЕ ВО СПАСЕНИЕ

Поведала о себе раба Божия Алевтина. Записано в ноябре 2006 года в г. Нижнем Новгороде.

...Был в моей жизни эпизод, который до сих пор я не могу вспоминать без слёз… Мне было в ту пору всего лет девять, а родилась я в 1934 году. Мы шли с младшим братом пешком, сорок километров, через пустыню казахских степей в Астраханскую область, спасаясь от голода. Мама послала нас к бабушке, своей маме, пожить у неё в деревне, чтобы мы не умерли, так как у нас дома совсем нечего было есть.

Мы были в семье самые старшие дети. И в том нелёгком для нас, ещё маленьких, пути нам приходилось ночевать у совсем незнакомых людей, а не всякий человек пускал к себе посторонних.

Как-то в одном населённом пункте, отказав нам с братишкой в ночлеге, нам всё же посоветовали:

– Пойдите в тот дом, там живут верующие. Они принимают к себе странников и вас тоже пустят. – И указали на добротный деревянный дом.

Дверь нам открыла женщина средних лет и сразу предложила зайти. В горнице была

ещё пожилая женщина. Видимо, это были мать и дочь. Они, приютив нас у себя, даже не стали ни о чём расспрашивать. Сразу расстелили на полу чистенькую постель, несмотря на то, что времена тогда были военные, очень трудные, и у многих людей не имелось ничего лишнего.

У нас с братом был хлеб, и, скушав по кусочку, мы легли спать.

Комната, в которой мы находились, была очень уютная, просторная и чистая. И мне запомнилось хорошо всё, что произошло со мной в тот вечер.

Были сумерки. Я лежала и невольно наблюдала за молодой хозяйкой. А она в белоснежной ночной рубашке встала перед иконами на колени…

Святые образа висели в углу, у кровати. И когда она начала молиться, воцарилась такая всеобъемлющая тишина... и такая несказанная благодать, что мне сразу тоже захотелось обратиться к Господу. Меня так потянуло сделать это, что и не знаю, как выразить словами… но ноги сами понесли меня. Я тут же вскочила с постели и встала с нею рядом.

…Молилась я тогда так, словно у меня было живое общение с Богом. Я чувствовала Его всем сердцем, казалось, что Он тут, рядом со мной, а я пред Ним… В душе царили безмерная радость и такое огромное желание

непрестанно пребывать в этом месте и общаться с Господом!!.

Это необыкновенное, светлое чувство запечатлелось в моей душе на всю жизнь…

К тому времени в связи с частыми переездами мы совсем оставили Бога и за помощью к Нему не обращались, хотя в раннем детстве всегда молились. В нашей большой многодетной семье было пятеро детей. И жили мы в бедности, нищете. Чтобы как-то выжить, маме и пришлось отправить нас одних, за много километров, к бабушке.

У самой мамы была очень крепкая вера в Бога. И она пронесла её по жизни, не взирая на то, что в тех местах, куда мы переселялись, храмов не было. На родине мамы после революции, когда она сама была девочкой, также было очень голодно. Поэтому вся её семья переехала с Украины, из Харьковской области, в низовье Астраханской области. Вместе с её семьей на новое местожительство перебралось ещё несколько семей родственников. И все они также были верующими.

Когда мама выросла, то вышла замуж за моего отца. Правда, они не повенчались, а расписались в сельсовете, как это уже было принято тогда по мирским традициям.

До революции отец моего отца был из очень богатых людей. Он занимался торговлей, и я знаю, что у него имелись свои паро-

Икона Господа нашего Иисуса Христа

ходы. Во время гражданской войны дедушка пошёл воевать с красными, за Отечество и батюшку-Царя, и пропал без вести. В те годы мой отец был ещё ребёнком. А когда он стал взрослым и женился на моей маме, то где бы ни трудоустраивался, везде на него были гонения. И он был вынужден, завербовавшись, уехать на Камчатку. Мама была тогда со мной на последнем месяце беременности. Но отец с Камчатки уже не вернулся. От родственников я узнала, что и там на него были постоянные гонения. Потом он умер.

Мне было два годика, когда мама встретила моего отчима, человека очень хорошего, он всегда относился ко мне по-доброму. Они поженились, и у них родилось ещё четверо детей. Жизнь была крайне трудная, и наша семья переезжала в разные населённые пункты, где отчим пытался найти себе подходящую работу и как-то всех нас прокормить.

Бабушка Татьяна (мама нашей мамы), у которой мы с братом жили потом, была одинокой бедной вдовой, воспитавшая одна троих детей. День и ночь она шила, зарабатывая на пропитание, была малограмотной, но очень верующей. Бабушка часто просила меня почитать ей что-нибудь из любых мирских книг, так как духовной литературы в ту пору уже не было. Всю жизнь она прожила в деревне, а ей, видимо, так хотелось хоть что-

то знать… Бабушка была очень чувствительная. И когда я читала ей какой-то рассказ, она продолжала шить, а сама плакала. Она словно соучаствовала читаемому, её всегда что-то трогало в судьбе того или иного персонажа, и она слёзно сострадала чужой душе. Ведь души все Господни, и через сострадание им она будто общалась с Богом и молилась Ему… В доме у бабушки были иконы, она привезла их, наверное, с родины. Особенно мне запомнилась икона Иисуса Христа, Которого я воспринимала как живого. Тогда я ещё верила, что Господь – это радость для души, что Он поможет мне в трудную минуту. И однажды случилось нечто необычное.

Моя мама держала меня всегда строго, я была старшей из детей, помощницей в доме. И если вдруг заиграюсь где-то, в назначенное время домой не приду, то мне обязательно была «трёпка»… Как-то я загулялась с подружками допоздна, домой возвращалась, когда уже совсем стемнело, бежала и боялась, чувствуя, что сейчас мне будет… Я обратилась тогда к Богу с молитвой: «Господи! Помоги мне, чтобы мама меня не била!..» Со страхом, предчувствуя неизбежное наказание, осторожно зашла домой, но произошло что-то непонятное… Никто из домашних на меня и малейшего внимания не обратил. Все занимались своими делами: мама с отчимом

как ни в чём не бывало продолжали разговаривать о чём-то между собой, а маленькие ребятишки увлечённо играли… Я так была удивлена, что меня не только не тронули, но даже потом не ругали! Вся обстановка дома в тот вечер была необыкновенно мирная, и на душе у меня было так хорошо!.. И я понимала, что Господь услышал меня и помог! Но тогда я совершенно не осознавала, что надо всегда благодарить Господа за чудесно оказанную Им помощь…

Каждый год на Рождество Христово мама посылала нас, ещё маленьких, к родственникам и знакомым славить Бога. Она поднимала нас раненько утром, и мы все вместе, и старшие, и младшие, шли по домам. Стучались в дверь и спрашивали хозяев, можно ли нам пославить Христа. Нас приглашали в горницу, и мы, встав перед иконами, от души и всего сердца пели: «Рождество Твое, Христе Боже наш…» И хотя путали отдельные слова, быть может, из-за украинского языка (на нем продолжали разговаривать у нас в семье), но люди, к которым мы приходили, всегда очень радовались, благодарили нас и угощали конфетами. Несмотря на то, что храма в нашей деревне, как и в соседних деревнях, не было, вера в людях продолжала жить. Было очень голодно, но к большим церковным праздникам, таким как Рождество Христово,

Христос родился! Славьте!
Икона «Рождество Христово»

Крещение Господне и Пасха, все обязательно готовились: наводили в жилище чистоту, приобретали что-нибудь из продуктов, дабы непременно отметить этот праздник.

Наша бабушка во все посты скоромную пищу не принимала, а всегда очень строго постилась и много молилась. Она просила меня не ходить под церковные праздники в кино и на танцы. А коммунисты в те годы делали всё, чтобы народ наш навсегда оставил Господа. И под все православные праздники обязательно устраивали танцы, привозили разные фильмы, чтобы полностью искоренить в русских людях веру… К тому времени я стала уже взрослой, мне было шестнадцать-семнадцать лет, и моя душа, как и души многих людей, совершенно очерствела и на Божие не отзывалась. Помню, произошло со мной тогда следующее.

Бабушка очень просила меня не ходить на увеселительные мероприятия накануне Пасхи. Но всё равно, не внимая её убедительным просьбам, я пошла в кино, а потом на танцы, вернувшись домой уже поздно ночью. А когда на следующее утро я проснулась, то увидела, что моя бабушка необыкновенно радостная. Великий пост закончился, и она пекла что-то на кухне.

– Эх, ты, – укорила она меня, – посмотри, какой день сегодня! Так солнышко Пасхе радуется!..

На Пасху играло солнце...

Я посмотрела в окно и увидела, что оно действительно всё как-то необычно переливается… а вокруг него можно было увидеть яркое сияние!.. И у меня на душе сразу сделалось тоже так радостно!.. Но потом солнце у меня на глазах начало вдруг колебаться и вмиг померкло. Я подумала, что мне до этого всё просто показалось. И радость из души сразу же ушла…

Сейчас, много лет спустя, я понимаю, что Господь лишь на какой-то миг открыл мне Свою радость, дал почувствовать Свою благодать. Но далее, видимо, помешал враг. Он испортил всю ту удивительную картину, и мне показалось уже, что всё было искусственным, нереальным, нерадостным…

Потом в моей жизни на длительное время укоренилось безверие. Я совсем забыла Бога, очень долго не молилась. Муж у меня был военным. И мы с двумя дочками постоянно колесили за ним по разным республикам. Времена были такие, что в переезде за переездами никто о Боге не вспоминал. Везде, где мы жили, храмы были закрыты. И некому было подсказать, как жить праведно, рядом с нами никогда не оказывалось верующих людей. Сама я трудилась на любых работах в воинских гарнизонах. И жила мирскими заботами, полагаясь только на свои силы. Но вот, пройдя больше половины жизненного пути, я снова вспомни-

ла о Господе и обратилась к Нему с молитвой. А причина этому была такая.

До 1986 года мы жили в Таджикистане. Потом, явно предчувствуя негативные перемены в нашей стране, решили перебраться на родину мужа в Нижний Новгород, который назывался тогда Горьким, и стали менять квартиру. Тогда ещё возможен был обмен, и я, развесив везде объявления, стала ждать результата. Но шло время, и никто ничего нам не предлагал... В этой неразрешимой ситуации я и стала молиться: «Господи, помоги мне поменяться квартирами и переехать в тот город. Помоги мне, Господи!..»

Буквально вскоре вдруг нашёлся подходящий обмен. И с самим переездом всё решилось моментально. Казалось бы, жизнь обретала стабильное состояние. Но... в Нижнем Новгороде со мной произошло по неведению то, что до сих пор заставляет меня сильно страдать и мучаться.

Я была в пенсионном возрасте, когда мы перебрались на окончательное место жительства, и уже не работала. И как-то, читая газету, я наткнулась на статью со странным названием «Магнитная ладонь». На фотографии стояла женщина с протянутыми руками, а на них... висели вилки и ложки... Недолго думая, с чем связана такая необычная способность (кто даёт её и в обмен на что), я приня-

лась «вешать» металлические ложки и вилки и на свои руки. А они прикреплялись ко мне, словно к магниту. Тогда я попыталась проделать то же с мужем. Но на нём ничего не держалось. «Странно, – подумала я, – почему же на мне висят, а на муже нет?!.» Я разделась и стала прикладывать ложки и вилки на грудь... И даже металлический консервный ключ-открывашка, а потом и утюг держались на моём теле. Я попросила посмотреть дочку, что это у меня за магнетизм, и она «повесила» мне на спину половник, он тоже словно приклеился ко мне. При этом я абсолютно ничего не ощущала, металлические предметы просто висели на мне – и всё... Потом я увидела по телевизору, как какой-то мужчина прикладывает к своей груди большую металлическую плиту, и она у него тоже держалась. Я поняла, что у меня есть некие скрытые способности и я, наверное, могу даже лечить людей.

Никогда прежде не помышляя заниматься оккультизмом, я закончила вскоре специальные курсы под названием «Чёрный лотос». О Боге я тогда даже и не вспомнила. При этом у меня не столько было желание помогать больным, сколько хотелось развивать свои «духовные» способности далее. И я закончила ещё одни курсы по оккультизму, о которых узнала из объявления, назывались они уже по-другому, но по сути были так же душе-

пагубными. Там нас учили различным методикам, в том числе тому, как вырабатывать в себе силу для лечения других людей. Но меня тянуло всё дальше неведомо куда, постигать новые и новые тайные знания. Видимо, враг упорно направлял меня как можно дальше от Бога, пытаясь завести в безвозвратные дебри. И я снова попала в одну группу, в которой занималась после курсов ещё два года.

События развивались в то время необычным образом. Всё у этой оккультной группы шло словно «по маслу». Помещение для занятий дали сразу безплатное, и вскоре мы занялись «лечением» людей. Мы безпрепятственно ходили по разным организациям, успешно предлагая свою «помощь». Народу к нам стало ходить очень много. А я лично занималась целительством по методу небезызвестной Джуны. И даже привлекла в группу свою младшую дочь. Она жила в Москве, но, тоже весьма заинтересовавшись этим делом, приезжала на занятия в наш город.

Руководитель группы убеждал нас, что наши учителя – это святые ангелы. Он говорил, что обращаться к ним надо не иначе как «учитель». И вот мы куролесили тогда: разные миры «чистили», к Господу на поклоны ходили… А на самом деле враг показывал нам мнимые духовные миры и многое другое разное – невообразимое, завораживающее,

но страшно пагубное для души… В то время со мной произошёл необычный случай, через который Господь явно давал понять, что я занимаюсь лжедуховностью.

Как-то я познакомилась в нашей группе с одной женщиной и вскоре стала тесно дружить с ней. Мы часто ходили друг к другу в гости и подолгу общались на духовные темы. Но однажды, когда я в очередной раз побывала у неё и собралась уже уходить домой, она, стоя у порога, вдруг попросила меня научить её молиться.

Дело в том, что в нашей группе считалось необходимым посещать храмы и «чистить» их от «черноты», читая православные молитвы. С той же целью неоднократно ездили и в Дивеево… Но, как я поняла много позже, Господь Бог поругаем никогда не бывает, и оккультисты, дерзая заходить в православные храмы, не имеют и малейшей власти творить что-либо в Доме, где живет Дух Святой, где Сам Господь Иисус Христос преображает души верующих людей, соединяющихся с Ним в Причастии… Но тогда я во многом не разбиралась и следовала всему, чему нас учили. А руководитель группы требовал от нас посылать всех «пациентов» в храмы и сам всегда говорил им: «Обязательно идите в храм…» Делалось это, как видно, с тем, чтобы окончательно усыпить бдительность ду-

Дивеево. Четвертый удел Богородицы, куда не ступит враг рода человеческого (фото автора)

ховно заблудших. И я, не сомневаясь, что занимаюсь духовностью, совершенно не видела разницы между черным и белым. А на самом деле это дьявол при помощи разных уловок (даже пытаясь выдавать нас за православных) старался привлечь под своё водительство как можно больше доверчивых русских людей…

Я рассказала тогда знакомой, что читаю «Отче наш…», 3 раза «Богородице Дево…» и молитвы святым. После этого мы попрощались, и она закрыла за мной дверь. Но только я хотела поставить ногу на первую ступень, чтобы начать спускаться, как ощутила сильнейший толчок в ноги, словно это была ударная волна. А далее меня мгновенно подхватила некая сила, приподняла и швырнула вниз на каменные ступени…

Летела я по лестнице кубарем, будто меня несло каким-то ураганом… Моя знакомая жила на третьем этаже в доме сталинской постройки с высокими потолками, и при приближении к следующей лестничной площадке в голове у меня мелькнуло, что теперь я или совсем разобьюсь, или серьёзно покалечусь… Но на какой-то момент я вдруг задержалась в своём жутком полёте… А когда уже рухнула грудью на бетонную плиту, то было такое ощущение, будто упала я на подушку…

Я сразу самостоятельно поднялась, но почувствовала в правой ноге ломоту, из неё

текла кровь. В остальном всё было нормально, я даже не испугалась тогда и отправилась на остановку. По дороге люди отряхивали мою испачканную одежду. А когда я ехала в трамвае, то гладила рукой разбитую ногу и просила Богородицу: «Помоги мне, Пресвятая Богородица, останови кровь и избавь от боли!» И Матерь Божия была ко мне, нечестивой, столь милостива, что вскоре всё успокоилось. Рана на моей ноге потом быстро зажила, остался лишь небольшой шрам. Но я, невзирая на случившееся, была тогда по-прежнему уверена, что занимаюсь хорошими делами. И решила, что так отомстила мне тёмная сила за то, что я учу других людей молиться. А вскоре руководитель вдруг заявил, не объясняя причины, что женщин в группе больше быть не должно…

Теперь я понимаю, что это Господь смягчил моё страшное падение с высокой лестницы. И Он же удалил меня с другими женщинами из оккультной группы, чтобы мы в том тёмном служении совсем не погибли… Но тогда я была крайне огорчена. Мне хотелось и далее получать недоступные для простого ума знания. Тогда Премудрый Господь, чтобы ум мой и душа окончательно не повредились, попустил нечистым силам войти в меня. К тому времени враг постепенно отключал меня от нормального мышления и

Владычице Небесная, моли Бога о нас!
Икона Божией Матери «Умиление»

восприятия окружающей действительности, и я во многом уже не понимала, что делала. А когда я оставила группу, то, вернувшись с последнего занятия домой, внезапно начала слышать разные голоса. С тех пор день и ночь они звучали во мне – в голове и в душе, и мучили меня непрестанно, много голосов... Так, по попущению Божию, я сделалась одержимым нечистыми силами человеком...

Враг очень быстро целиком взял меня в свои железные тиски. Голос стал предлагать мне: «Будете с нами работать?» – «С кем?» – спрашивала я. И мне откровенно отвечали: «С дьяволом». – «Нет, не буду», – говорила я, и меня принимались нещадно запугивать. Мне говорили: «Ты называла нас учителями и теперь тебе не отвертеться – ты будешь с нами работать!» – «Не буду!» – пыталась сопротивляться я... Тогда я сразу поняла, что происходящее не от Бога, что со мной говорит враг. Я пробовала молиться, но тотчас слышала: «Вернёшься к Богу – мы убьём тебя!.. Пойдёшь в церковь – мы убьём тебя!..» И я не знала, как мне быть, как избавиться от этих умопомрачающих бесовских голосов... Стремясь окончательно запугать меня, дьявол угрожал, что погубит весь мой род. А это ещё хуже действовало на моё состояние – на меня нападал безудержный страх. Ближние видели, что со мной происходит что-то не-

понятное, и уговаривали обратиться за помощью ко врачу. И когда мне стало совсем плохо, я согласилась на лечение.

...Много лет я пребывала в психотерапевтическом диспансере. Но от лекарств, которые давали день и ночь, становилось только хуже. Никакие препараты не помогали, а делали из меня полностью безпомощного человека. От большого количества таблеток с головой происходило что-то ужасное, было очень плохо с памятью. Я часто блуждала по городу, не могла вспомнить, где находится диспансер, и всё ходила и искала его... Меня постоянно трясло, я словно безостановочно плясала, особенно правой ногой... Врач в стационаре говорил, что мне необходимо как можно больше спать, и назначал сильнодействующие снотворные. И я целыми сутками спала, и физически и духовно. Но душа моя продолжала страдать. Я ощущала, как меня давит вражья сила...

Наверное, у дьявола была цель – навсегда лишить меня рассудка, чтобы я совершенно утратила способность к разумной человеческой жизни. Но Господь все-таки препятствовал этому. И временами я была трудоспособная, могла заниматься домашним хозяйством, помогала старшей дочери с внуками. А порой совсем ничего не соображала и не понимала, что со мной происходит.

Однажды, когда мне было очень плохо, дочка повела меня в парк, погулять и подышать свежим воздухом, в надежде, что на природе мне будет полегче. Она посадила меня на скамеечку среди деревьев, в парке на берегу реки Оки, а сама решила немного прогуляться, полюбоваться красотой окских пейзажей.

Прошло немного времени, и меня вдруг сильно потянуло в сон. И я мгновенно уснула, словно потеряла сознание. Быть может, это враг, пытаясь причинить мне вред, отключил меня от жизни. Я упала тогда со скамейки близ крутого, высокого склона и не знаю, сколько пролежала так на земле. Но в какой-то миг неожиданно пробудилась, открыла глаза и увидела небо и смыкавшиеся надо мной зелёненькие верхушки берёз. «Уже лето… – подумала я и удивилась: – Как же я этого не знала?!.» Я продолжала лежать, беспомощно распластавшись на земле, и стала просить: «Земелька, дай мне силы встать…» Но потом подумала: «Почему я у земли попросила помощи, а не у Бога?!» – И очень испугалась тогда этому.

Но, как ни странно, с того момента я почувствовала некоторое облегчение: начала лучше соображать и больше ориентироваться в действительности. И уже не настолько страдала от голосов, они меньше на меня воз-

действовали. Потом я поняла, что земля тоже дает человеку силу, она живая и рождает, и она от Бога – Им создана. И что вся природа молится Господу: и деревья молятся, и птицы, и звери, и всё вокруг… Из православных песнопений я узнала в дальнейшем, что «каждое дыхание – хвалит Господа!..»

Однажды я самостоятельно пошла в храм. Меня потянуло туда душой. Но, придя в него, я никак не могла понять, что мне делать. А надо было сразу упасть Господу в ноги и просить у Него прощения, что столько времени я совсем не вспоминала о Нём, лишь обратилась за помощью, когда никак не получался обмен квартиры. Но я, неблагодарная, получив тогда просимое, сразу же забыла Его и, более того, занялась оккультизмом…

Кто-то из знакомых, чтобы помочь мне, стал водить меня по разным храмам, в один, в другой, третий, но я всё равно долго не могла в них ориентироваться. В храме со мной происходило что-то непонятное. Меня туда влекло, но когда я в него приходила, то была там словно чужая, моя душа ничего не ощущала, хотя в детстве так тянулась к Господу!.. А тут я приходила в храм Божий, когда шла служба, но не участвовала в ней. Вместо того, чтобы слушать молитвы, я стояла и блуждала взглядом по сторонам. Постою-постою так какое-то время, покручусь-покручусь и, не

поняв ничего, уйду... Душа моя тогда была совершенно закрыта для духовного. Она спала мёртвым сном. Наверное, Сам Господь не открывал мне её, чтобы она пострадала за своё отступление столько, сколько ей было положено по многим грехам... И страдала я очень сильно. Голоса были постоянными. Они заговаривали меня, сбивая с толку, угрожали, нецензурно бранились, настраивали против меня окружающих и внушали отчаяние.

Однажды, долго изводя меня, голос цинично спросил: «Тебе плохо?!» В это время я стояла у раскрытой балконной двери. «Да, – отвечаю, – плохо». «А ты спрыгни с балкона», – предложил вдруг голос... Несмотря на мою греховность, Господь всё же хранил меня. Я сразу поняла, что этого делать нельзя, и ответила: «Ни за что!..»

Господь попустил мне непрестанные мучения от тёмных сил, наверное, затем, чтобы я, прочувствовав всё это, поняла, за что страдаю, и понесла как заслуженное наказание... И до сих пор я прохожу этот скорбный путь в надежде на спасение своей грешной души...

Постепенно я стала всё больше обращаться за помощью к Богу и начала ездить по монастырям. Я спрашивала там батюшек:

– Почему люди не слышат голоса, а я слышу? – Говорила, что занималась оккультизмом. А они только руками разводили.

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!..

Несколько раз я ездила на отчитки в разные места. Но они мне не помогали – голоса продолжали безостановочно меня мучить. И я поняла, что отчитки не годятся. А вот после поездок к батюшке преподобному Серафиму Саровскому – мне существенно становилось лучше.

Но кардинально помогли мне на Крутицком подворье в Москве, где занимаются с наркоманами и такими, как я, пострадавшими от оккультизма. С того момента, как я оказалась в этом монастыре, моё духовное состояние стало заметно меняться. Правда, сразу попасть туда было непросто, так как много страждущих жаждет исцеления.

Жила я на этом подворье три месяца. И лечилась у православного врача. Я рассказала ей о своём предыдущем лечении и о том, что от него мне становилось всё хуже и хуже, – я совершенно ничего не понимала и не помнила. И врач назначила мне совсем иное лечение, прописав маленькую дозу успокаивающих лекарств и объяснив, что проблемы у меня не столько с головой, сколько на самом деле с душой.

Когда я впервые на этом подворье пришла в церковь, там было много народа. И иеромонах стал спрашивать, кто из нас за какие неправедные деяния пострадал. Таких, как я, оказалось ещё несколько. И нам объяснили,

что, если человек занимается оккультизмом, Господь исключает его из Своей Церкви. Поэтому всех нас надо было снова вводить обратно в Церковь. Я не помню точно, что происходило тогда, запомнила лишь, что батюшка прочитал какие-то молитвы, а потом стал помазывать всех, как на соборовании, семь раз с молитвами. Но я, как и прежде в других храмах, совершенно ничего не чувствовала, душа была словно мертвая. Потом нас причастили. И душа стала потихонечку оживать.

Мало-помалу, в процессе лечения у православного врача, посещения служб и молебнов, состояние моей души улучшалось. Хотя по-прежнему я слышала голоса, но уже начала понемножечку понимать, почему и для чего Господь попускает мне такие страдания. Он постепенно открывал мою душу, отчего у меня началось слёзное покаяние. Я приходила на службы и плакала, всё ещё не понимая происходящего в храме… В какой-то момент душа моя раскрылась настолько, что я почувствовала Бога, и мне тогда сделалось очень стыдно перед Ним. Каждый раз я падала в храме на колени и, обливаясь слезами, умоляла Господа, чтобы Он простил меня и спас мою душу. Постепенно пришло полное понимание своей греховности и вины перед Богом, того, что я оставила Его, большую часть жизни жила не по совести, а в конечном итоге занялась оккультизмом…

Спаси нас, Спасе!.. (фото автора)

Все свои грехи я принесла тогда к Господу, но… очевидно, мне должно пострадать ещё. До сих пор я слышу вражьи голоса. И они мне очень мешают молиться. Несколько раз я просила Господа: «Если можно, Господи, помоги мне не слышать их!..» Но пока я их слышу, а значит, так надо для спасения моей души, чтобы она, в этой борьбе с врагом, укреплялась… Нередко враг действует целенаправленно. Он гонит меня через окружающих людей из храма или, наоборот, настраивает меня против них, внушая неприязнь и осуждение. Порой голоса непрестанно твердят, сбивая меня с толку, что я должна слушаться только их, что так повелел Господь. И это также препятствует молитве, которую верующий человек должен творить постоянно.

А теперь враг отыгрывается за мои грехи ещё и на моей старшей дочери. Раньше сама она в церковь не ходила, но и не была против неё. И даже как-то причастилась вместе с детьми. Но потом вдруг стала говорить про меня, возмущаясь всё больше: «Что это она постоянно в эту церковь бегает? Так нельзя!» А как только я пытаюсь объяснить внукам, что надо обязательно молиться, сразу начинается шум, крик: «Не смей! Детей не трогай, иначе и с ними будет такое, как с тобой!..»

Враг запугал мою дочь и отвращает её и внуков от дома Божиего. И она в церковь

больше не ходит, решив, что это для неё вредно. Но теперь сама страдает от сильных головных болей. У неё обнаружили опухоль мозга, отчего она уже длительное время лечится и в настоящий момент лежит в больнице.

А вот моя мама всякий раз очень радовалась, когда я шла в церковь. Её звали Евдокией, ей было уже восемьдесят семь лет, и последние годы жизни она провела с нами. Сама она в церковь ходить не могла и молилась дома. К сожалению, перед смертью маму исповедовать и причастить не удалось, я была в то время ещё невменяемая и просто не понимала, что необходимо пригласить священника. Но я надеюсь, что Господь принял мамину душу, так как у неё всю жизнь была очень большая вера в Бога.

Храм, в который я сейчас хожу, построен в честь Воскресения Христова. А до него долгое время я ходила в разные храмы. И дважды слышала на проповеди, как батюшки призывали верующих людей участвовать в восстановлении храма. Они просили прийти и помочь, кто чем сможет. Но до моего сознания сразу не доходило, что это касается и меня. Я просто слушала и думала: «Что я могу?!.» Но однажды, когда в храме Воскресения Христова я в третий раз услышала призыв священника: «Приходите помочь, по силам, по мере своей возможности… где что-то под-

Возрождение из руин. Храм Воскресения Христова (фото автора)

мести, где кирпичики переложить...» – мне это будто Господь сказал. И я вдруг поняла, что Он от меня хочет. Господь указывал место моего спасения – чтобы я трудилась в стенах этого храма, участвовала в церковной жизни и не только спасалась сама, но и помогала другим людям.

Я хорошо помню, как мне было в храме поначалу трудно без каких-либо знаний. И когда теперь вижу человека, впервые пришедшего в храм, который, не зная, что ему делать, безпомощно постоит на пороге и уходит, это очень волнует меня. «Вернитесь, – прошу его, – побудьте здесь, подойдите к иконам...» Я стараюсь обязательно принять живое участие в человеке, вспоминая, как сама тяжело шла к Богу.

Порой человек приходит в храм по зову души, умом даже не понимая, зачем пришел сюда, вроде как только записку подать. В таком далеком от веры состоянии он не умеет правильно и крестным знамением себя осенить. И мне хочется с этим человеком поговорить и поделиться всем, что я уже знаю. А потом, побыв в нашем храме, многие говорят: «Здесь такая благодать!..» И как может быть иначе в храме Воскресения Христова!..

Но больно становится за людей, когда они, только войдя в дом Божий, получают негативный заряд. Они приходят, женщины, по

незнанию, без платка, в брюках, не умеют правильно свечку поставить, не ведают, как с Богом общаться, и сталкиваются с человеческой грубостью... Часто, препятствуя людям спасаться, враг действует через пожилых людей, которые трудятся у подсвечников. К прискорбию, нередко приходится слышать от новоначальных: «Нам больше не хочется идти в храм, там на нас нападают...» И порой эти люди надолго отходят от Бога. А это в наше время такая беда!.. Всем нам, уже сколько-то воцерковленным, необходимо помнить, что совсем недавно мы и сами делали первые робкие шаги в храме... Господь заповедовал чадам Христовым любить своих ближних. И наша обязанность – донести всем людям, окружающим нас, Божию любовь, свет Христовой Истины. Мы должны с добром встречать каждого входящего в храм, терпеливо общаться с ним, заботливо относясь к его ранимой, хрупкой душе, измученной многими грехами.

Да, трудиться в храме – это нелёгкое испытание, порою тяжкий, искусительный крест для многих. Но это и их спасение. И я счастлива, что Господь по Своей милости призвал меня сюда. В храме я получаю столько огромной, настоящей радости, сколько её не было во всей моей жизни! Мне уже 73-й год, и я тружусь во славу Божию по мере своей возможности. А когда прибираюсь в храме,

то чувствую, как Господь даёт мне дополнительные силы. Без Его помощи я бы вообще не смогла трудиться. Раньше я целыми сутками была не в состоянии подняться с постели, но теперь у меня хватает сил и на работу дома. И каждый раз, приходя потрудиться в храм, я чувствую, что отдыхаю душой, здесь незримо присутствует Господь, здесь Дух Божий, здесь Его благодать!..

Каждого человека Господь одаривает талантами, никого не оставляя без внимания. А мы, не понимая этого в полной мере, порой «закапываем» свои таланты, не замечая их или попросту ленясь. И сама я всегда считала других людей более талантливыми. Но мне, уже в преклонном возрасте, Господь показал, что я всю жизнь ошибалась. Девочкой я очень любила петь вместе с другими детьми. Ещё тогда почувствовала, что, понизив голос, можно украсить общее пение, и пела всегда вторым голосом. Но я не понимала, что этот талант надо развивать. А во взрослом возрасте любовь к пению привела меня в самодеятельность, где я приобрела некоторый дополнительный опыт в пении. И когда я пришла в храм Воскресения Христова, прихожан просили петь на молебнах и панихидах, так как было трудно с певчими. (Ведь как, например, важна панихида! Она напоминает нам о недолговечности человеческой

жизни и о непременном Божьем Суде над всеми людьми.) В нашем церковном хоре не было второго голоса, и я стала иногда помогать петь на службах.

А потом при хоре появилась молодая преподавательница церковнославянского языка. И она предложила мне учиться церковному пению по нотам. Но я стала отговариваться тем, что у меня нет данных и я не могу запомнить ноты.

– Я буду вам помогать. И Господь вам обязательно поможет, – сказала она, – приходите на занятия.

Тогда я ничего не пообещала ей и на занятия не пошла. Но когда я встретила эту преподавательницу снова, она спросила:

– Ну что же вы не пришли?

– Я не смогу, – ответила я, – у меня не получится…

– Вы всё сможете! Это необходимо вашей душе, – вдруг сказала она.

Может быть, Господь наставлял её говорить мне так. Ведь у меня, когда я участвовала в самодеятельности, уже был поставлен голос. И вот я пошла за советом к батюшке, а он благословил меня петь в церковном хоре.

Но через некоторое время враг забрал у меня голос, и теперь мне нечем петь… В происшедшем я вижу для себя испытание. Поэтому хоть с трудом, но стараюсь подпевать хору.

Храм Воскресения Христова до революции

И голос у меня в последнее время стал возвращаться. Я просила об этом в молитвах Господа и Пресвятую Богородицу, так как поняла, что талант мой – пение в храме. И я не отступлюсь, буду по мере возможностей петь. Ведь необходимо не только открыть в себе талант, но и служить им Господу и ближним своим, во славу Божию и во спасение своей души.

В храм Воскресения Христова я пришла не случайно, меня привёл сюда Господь. Оказалось, что дедушка моего мужа был до революции настоятелем этого храма. А когда я ходила в оккультную группу, то хотела привлечь в неё и своего мужа. Но его, вероятно, хранила молитва деда – новомученика протоиерея Александра, и он не увлекся тогда душепагубным делом.

В настоящее время мой муж, окончив катехизаторские курсы, ведёт занятия в воскресной школе храма Воскресения Христова, а также работает с иностранными студентами, которые помогают восстанавливать наш храм. Я так рада, что мы с мужем спасаемся теперь вместе, и за всё благодарю Господа, надеясь, что и моих дочерей с внуками Он тоже обязательно приведёт к Себе!..

«БЕЗКОРЫСТНАЯ ПОМОЩЬ»*

Это произошло в 2006 году с жителем г. Нижнего Новгорода.

...Виктор только что пришёл в себя после операции и сразу же испытал необычное чувство, очень удивившись ему. Он никогда не предполагал, что можно вот *так* отходить от наркоза...

Будучи на протяжении многих лет оперирующим хирургом, Виктор всегда наблюдал послеоперационных больных, подолгу пребывавших в безсознательном состоянии. Они мотали в разные стороны головой, хаотично двигали конечностями, порой их даже приходилось привязывать к кровати, чтобы они не могли себе навредить. Но сам Виктор отошёл после наркоза мгновенно и тут же отчётливо осознал, что операция уже закончилась. Он надеялся увидеть рядом с собой своего коллегу-анестезиолога и хотел узнать у него, как всё прошло, но, очевидно, его уже сменил на

* Следующие три рассказа написаны от третьего лица. И по ряду серьезных жизненных обстоятельств мы не всегда могли указать в них настоящие имена рассказчиков. Но, как и в предыдущей истории о непростой судьбе воцерковляющегося человека, все события в этих рассказах изложены совершенно правдиво и точно.

дежурстве другой врач. И тут Виктор услышал голос знакомой медсестры:

– Он открыл глаза и приходит в себя.

– Значит, всё нормально, – ответил мужской голос, хирурга из реанимационного отделения, – давайте его экстубировать.

Виктор ощутил, как у него из трахеи начали вынимать трубку, которая была подключена к аппарату искусственного дыхания. Но в его сознании было на этот счёт своё мнение. «У меня ещё не те силы, чтобы держать самостоятельно дыхание…» – хотел сказать он медикам (понимая это, как специалист), но не смог – мешала та самая трубка. А когда её достали, Виктор вновь попытался произнести: «Рано ещё экстубировать, рано!..» Но и это снова прозвучало у него лишь в мыслях. Его дыхание так и не смогло восстановиться самостоятельно – язык запал в гортань, не было сил выдвинуть челюсть вперед, и, задыхаясь без живительного воздуха, он вдруг понял, что умирает…

Оперируя других людей, Виктор никогда не терял присутствия духа даже в самые трудные минуты. Но теперь в его душе, ясно ощутившей некий запредельно таинственный момент, неожиданно возник панический страх. Виктору отчётливо представилось, будто он стоит у критической жизненной черты, за порогом которой нет ничего земного, а

только гнетущая, тёмная, безкрайняя пустота… И если ещё секунду назад он мысленно ругал коллег за их поспешные действия, то тут впервые в жизни обратился к Господу о помощи лично для себя:

– Боже, помоги мне… выведи из этого состояния!..

Он взмолился неосознанно всей душой, как сын, ищущий поддержки у родного отца, позабыв, что сам давно стал взрослым, самостоятельным мужчиной… И в ответ на свою детскую, искреннюю молитву Виктор почувствовал, что Бог – рядом с ним. А в следующий момент он неожиданно услышал внутри себя обращенный к нему успокаивающий голос:

– *Не волнуйся. Всё будет нормально.*

В это время, торопясь как можно быстрее восстановить дыхание, медики вставили воздуховод обратно, и Виктор наконец-то сделал несколько глубоких вздохов, сразу вернувших его к жизни. Но, несмотря на это, внутри него совершенно отчетливо снова прозвучал всё тот же мягкий голос:

– *Ты уже дышишь и можешь совсем не волноваться. Теперь твоё дело – отдыхать…*

Мгновенно перестав безпокоиться после этих прозвучавших непостижимым образом умиротворяющих слов, Виктор безмятежно заснул. А наутро следующего дня действительно чувствовал себя нормально. При этом

он абсолютно чётко помнил, что произошло с ним сразу после операции, как его экстубировали и как помог ему **Господь**…

Спустя два дня Виктора перевели из реанимации в отделение хирургии. На первой перевязке ему должны были убрать тампоны, что, казалось, было не таким уж сложным делом. И Виктор шутя обратился к коллегам:

– Ну что мне из-за такой ерунды тащиться куда-то со своей кровати?! Я лягу на бочок и буду по телевизору футбол смотреть, а вы делайте, что вам нужно.

Но его друзья решили лишний раз не рисковать:

– Если положено в перевязочной – значит, положено, – ответили они, – так что пошли во избежание неприятностей.

Виктор своими ногами дошёл до перевязочной и лёг на стол, всё продолжая шутить, пока ему не ввели слабый наркоз. Сделали это для того, чтобы он совсем не чувствовал боли. Но когда начали убирать из раны тампоны, вдруг открылось очень сильное кровотечение. За короткий промежуток времени Виктор потерял около двух литров крови, в результате чего резко упало давление. И, выражаясь на медицинском языке, «пациент начал уходить»…

Никак не удавалось поставить Виктору капельницу, так как все вены у него букваль-

но пропали. Но, пока врачи бились за жизнь своего коллеги, тщетно пытаясь остановить кровотечение, душа его, в отличие от тела, жила уже самостоятельной жизнью.

Неожиданно для себя Виктор увидел… Господа. И сразу обратился к Нему с нескрываемой детской радостью:

– Господи, это Ты пришёл?!

– *Да, это Я*, – услышал он в ответ.

От Господа исходило необыкновенное умиротворение, и Виктор тут же успокоился, словно понял, что наконец-то пришёл Родной Отец и всё будет хорошо.

Он выглядел как крепкий, солидный мужчина в возрасте пятидесяти-шестидесяти лет, с правильными чертами лица и пышной седой бородой. Его волнистые с проседью волосы спускались до плеч. Он был в длинном, просторном и подпоясанном белом одеянии. Виктор видел Его рядом с собой почти в полный рост…

Господь подошёл к нему и взял за запястье правой руки. Он потянул Виктора за Собой и спокойно молвил:

– *Ну что, пошли.*

И Виктор, безоговорочно доверившись Господу, без колебаний ответил:

– Пошли.

Он ощущал, что Господь, находясь несколько впереди, продолжает держать его за

руку. Они двигались так по некому тоннелю-коридору, и Господь произнес, поторапливая Виктора:

– *Пойдём со Мной быстрее…*

Оглядываясь в полумраке по сторонам, Виктор подумал: «Где это мы идём, что это за странная пещера?..»

Через некоторое время прямоугольная конфигурация свода коридора и его серый цвет навели Виктора на мысль. «Это же вентиляция, – неожиданно понял он, – да-да, металлический воздуховод в операционной…»

Совершая резкие повороты направо и налево, Виктор ещё удивился: «Сколько же их в воздуховоде!?» А потом спросил у Господа:

– Почему Ты так спешишь?

– *Надо быстрее…* – прозвучало в ответ.

– А куда мы идём? – вновь спросил Виктор.

Но Господь и на этот раз молвил неопределённо:

– *Идём туда, куда необходимо,* – и добавил, – *не останавливайся.*

Какое-то время шли молча. Виктора очень удивляло, что Господь разговаривал с ним так просто, как человек с человеком... Но тут впереди неожиданно возник открытый люк. И Господь переступил через него, явно собираясь продолжить движение. А Виктор, подойдя ближе, понял, что это окно воздуховода. Он остановился и заглянул в него. И вдруг увидел там, внизу… самого себя…

Виктор смотрел на своё лишённое каких-либо признаков жизни тело. Оно, бездыханное, с мертвенно бледной кожей, лежало на операционном столе, а вокруг него озабоченно хлопотали медики, тщетно пытаясь что-то сделать. Но это обстоятельство не вызвало у Виктора даже малейшего безпокойства, как, впрочем, никаких эмоций, кроме неподдельного интереса к происходящему.

– Господи, подожди, – обратился он к Державшему его за руку.

– *Что ты хочешь?* – спросил Господь, словно ничего не ведая.

– Смотри, Господи! – с изумлением произнес Виктор. – Они со мной ещё занимаются!..

И Господь, заглянув в люк, тоже стал наблюдать за происходившим в операционной. На Его лике, как показалось Виктору, отразился интерес. Но потом Он невозмутимо отметил:

– *Да, действительно, занимаются...*

– Так я, значит, ещё не умер? – предположил Виктор и, не получив ответа на свой вопрос, продолжил: – Господи, ну тогда я туда пошёл... – торопливо проговорил он, словно спрашивая разрешения.

– *Ну, раз с тобой всё ещё занимаются, то иди,* – согласился Господь и добавил: – *Может быть, у них что-нибудь и получится...*

Он сразу отпустил руку Виктора. Но тот медлил.

– А как же Ты?! – растерянно спросил Виктор.

– *Мне уже пора*, – спокойно ответил Господь и чтобы, наверное, подбодрить его, повторил:

– *Ну, иди же. И я тоже пойду…*

После этих слов Виктор сразу прыгнул в люк и тут же оказался в своём теле. Он открыл глаза и удивлённо подумал: «Только что я был ещё с Господом, в том коридоре и вдруг оказался здесь – в операционной!..»

Как и в первый раз, Виктор пришёл в сознание сразу. Ещё миг назад за его жизнь тщетно боролись уже несколько минут, теряя последние надежды… И когда он резко открыл глаза, кто-то из медиков от неожиданности отпрянул. А Виктор, словно у него и не было никакого наркоза, вдруг связно заговорил, обращаясь к медсестре и к одному из врачей, своему другу:

– Наташенька, Коля! Где я сейчас был! Кого сейчас видел!

Но врач, который почти смирился с тем, что теряет близкого друга, недослушав Виктора, прервал его предостережением:

– Витя, лежи, пожалуйста, спокойно, не двигайся…

Врачу лишь несколько секунд назад наконец-то удалось ввести иглу капельницы в подключичную вену, после чего препарат, необходимый для восстановления жизни, на-

чал поступать в кровь, и ему вовсе не хотелось повторения только что пережитого. Но Виктор продолжил с восторгом, выпалив без остановки:

– Я видел Бога, Он вёл меня за руку и сказал мне, что всё будет хорошо, что вы меня спасёте. Он меня сюда, опять к вам, сверху опустил…

Коллега в это время старался удержать в покое голову Виктора, чтобы игла, поставленная с таким неимоверным трудом, не выскочила из вены.

– Ну ладно-ладно, потом расскажешь, кого ты там видел… – произнес он, пытаясь угомонить своего безпокойного пациента.

Только тут до Виктора дошло, что медперсонал может воспринять его слова по-своему и решить, что у него в результате клинической смерти помутился рассудок. Подумав так, Виктор закрыл глаза. С этого момента у него не возникало желания рассказывать кому-то о происшедшем с ним. Он лежал, продолжая молча переживать эту необыкновенную встречу с Господом, которую запомнил в мельчайших подробностях, хотя ранее никогда не отличался хорошей памятью. Но на этот раз в сознании Виктора отчетливо запечатлелась как внешность Господа, Которого он воспринял как Бога Отца, так и то, что душа его ощутила, находясь рядом с Ним.

Виктор не испытал тогда ни страха, ни каких-либо других отрицательных эмоций, ведь от Господа исходили лишь живое участие и желание помочь ему...

Прошло несколько дней, и Виктор уже немного окреп после большой потери крови. Он даже начал потихоньку ходить по палате, когда к нему пришли ставить очередную капельницу. На этот раз должны были вводить очень редкий препарат, который удалось достать для Виктора его сотрудникам.

Медсестра без особого труда ввела иглу в вену и, убедившись, что всё в порядке, вышла из палаты. А буквально через секунду дверь вновь открылась, и Виктор увидел своего давнего приятеля. Он неожиданно без предупреждения приехал его навестить.

– Что это ты такой бледный?! – чуть не с порога, успев лишь поздороваться, спросил знакомый.

Виктор ответил:

– Не безпокойся за меня, Дима, после операции я чувствую себя уже вполне нормально. Просто, как поставили капельницу, появилась небольшая слабость.

Дмитрий подошёл к больному и на всякий случай потрогал его лоб – он был влажным.

– Может быть, здесь жарко? – предположил Виктор.

Но когда померили его давление, оно оказалось очень низким. Дмитрий сразу же вы-

тащил из вены Виктора иглу капельницы и вызвал дежурного врача.

Спустя время удалось уже другими препаратами поднять давление до нормы. Выяснилось, что новое лекарство вызвало в организме Виктора сильнейшую аллергическую реакцию. И не навести его в тот момент приятель (по счастью, тоже врач), могло произойти непоправимое…

Тогда Виктор ясно осознал, что Господь вновь уберёг его от неминуемой гибели.

За последние дни это был уже третий случай, когда Виктор чуть не переступил жизненную черту. Он прекрасно понимал как медик, что и в первой, и во второй, и в третьей ситуации мог реально отправиться на тот свет… Это невольно навело его на определённые размышления. Да и сам факт, что у Виктора внезапно обострилась врожденная аномалия (ранее совершенно не тревожившая, но сейчас приведшая к операции), заставлял серьёзно задуматься о причинах происходящего в его жизни.

Подобная наследственная патология была у многих родственников Виктора, но некоторые из них даже не подозревали об этом. Например, его мать живёт с ней вот уже 80 лет. А дед прожил с тем же доброкачественным образованием свою долгую жизнь, и оно его никогда не безпокоило. С таким же диагно-

зом живёт и здравствует его взрослый сын. И сам Виктор дожил до своего пятидесятилетия, никогда не волнуясь по поводу тех внутриполостных образований, пока в его жизни не произошло одно необычное знакомство…

Однажды Виктора пригласили в гости, но не на застолье, а для встречи с очень интересными людьми. И он, не отказавшись от этого мероприятия, поначалу не жалел о проведённом времени.

Среди собравшихся оказались не только медики, но и специалисты из различных областей науки. Это были учёные, занимающие высокое положение, и преподаватели вузов. Весь вечер проходил в увлекательном, серьёзном общении. И был в этой интеллигентной компании человек, который особо привлёк внимание Виктора.

Александр, как звали его, являлся преподавателем одного технического вуза. Внешне приятной наружности, культурный, хорошо образованный, он очень располагал к себе. На вид ему было лет сорок пять или чуть больше. И Виктору захотелось познакомиться с ним поближе.

Общение быстро перешло в дружескую беседу. Казалось, что возникло полное взаимопонимание в обсуждении весьма разных вопросов. А постепенно разговор перешёл на тему энергетических полей и их влияния

на человека. И Александр неожиданно признался Виктору, что может управлять этими полями и к тому же обладает способностями внутреннего видения.

– Я вижу твоё тело насквозь, все твои органы и в каком они состоянии, – сказал он.

Далее Александр стал говорить о том, какие проблемы существуют в организме Виктора, конкретно с каждым внутренним органом. И это очень его удивило, так как всё было изложено верно, до мельчайших подробностей.

– Мне хочется помочь тебе справиться с твоими болезнями, – продолжил Александр. – В моей практике есть уже немало случаев, когда я оказывал реальную помощь другим людям… Совершенно безвозмездно, – добавил он после некоторой паузы.

И Виктор, не раздумывая долго, согласился с этим, как казалось тогда, искренним, дружеским предложением. После чего Александр, приободрившись, заявил, что владеет методом коррекции энергетических каналов организма и что Виктору необходимо все их прочистить.

– Сперва мы немного попробуем придать тебе хорошее общее самочувствие при помощи концентрации биоэнергии. Для этого расслабься… – И Александр принялся водить около Виктора руками, производя ими различные манипуляции.

Вскоре Виктор ощутил, что ему действительно стало как-то легко, на чём первый сеанс был закончен. И Александр пояснил, что в начале лечения этого вполне достаточно, но для скорейшего достижения требуемого эффекта нужно продолжить «энергетическое» воздействие в самое ближайшее время.

– Мы поработаем тогда конкретно уже с твоими доброкачественными образованиями, чтобы совсем убрать их, – сказал он Виктору, когда они вместе выходили из гостей…

Как врачу-материалисту, Виктору было непросто сразу поверить в то, что какие-то «энергетические каналы» могут иметь реальную связь со структурой физического тела человека, что «сгустками энергии» можно воздействовать на болезни и полностью устранять их. Однако по телевизору неоднократно показывали разных «уникумов», будто бы умеющих влиять своей энергией на других людей. Их называли по-разному: целителями, экстрасенсами, врачевателями, магами, колдунами. Но Виктор даже не задумывался над всеми этими ненаучными терминами, не видя в них существенной разницы. И ему захотелось попробовать на себе это необычное лечение. Было любопытно проверить потом на УЗИ, действительно ли в результате направленного энергетического влияния на организм пропадет его врожденная патология. Но

кроме экспериментального интереса у него возникло простое человеческое желание исцелиться. «А вдруг поможет?» – подумал он. И по прошествии полутора недель, как только позволило время, Виктор опять встретился с Александром, пригласив его к себе домой.

– Всё будет нормально – кистозные образования у тебя очень скоро исчезнут, – твёрдо заверил Александр своего нового пациента, усаживая его на стул.

Он предложил Виктору несколько раз сделать глубокий вдох и выдох, а сам, закрыв глаза, стал снова водить вокруг него руками.

«Это чтобы, наверное, передать свою энергию...» – подумал Виктор, с интересом взирая на уверенные действия врачевателя.

– Теперь задержи дыхание и не дыши, сколько сможешь, – приказал в какой-то момент Александр.

После выполнения этой команды Виктор вдруг почувствовал в себе не сравнимый ни с чем мощный прилив сил.

Спустя минуту, произведя ещё несколько замысловатых пассов ладонями, Александр спросил:

– Ну, как ты чувствуешь себя теперь?

Виктор ощущал во всём своём теле весьма необычную, будоражащую бодрость, словно он подзарядился энергией, полностью обновившей его жизненные ресурсы.

– Отлично! – с радостью ответил он своему целителю и горячо поблагодарил его за проведённый сеанс.

Ещё некоторое время, пока не ушёл Александр, Виктор чувствовал в себе огромный прилив сил. Но к вечеру это эйфорическое состояние начало словно таять. А в течение последующих трёх суток общее самочувствие (прежде всегда ровное) стало качественно меняться – оно резко ухудшилось. Ночью Виктора мучили невообразимые кошмары, а наутро, едва проснувшись, он ощутил в каждой клеточке своего тела полную разбитость. Так, в невозможно дурном состоянии, прошло ещё трое суток…

Тяжёлое это было для Виктора время и совсем нерадостное, хотя шли приготовления к свадьбе сына. Виктор крепился из последних сил, пытался не обращать внимания на свои телесные недомогания, стараясь во что бы то ни стало не омрачать праздник родственникам. Но изнуряющая слабость не давала справляться с множеством дел. Виктору становилось всё хуже уже с каждым часом, как врач он отдавал себе отчёт в том, что с его ранее вполне здоровым организмом творится что-то неладное и весьма непонятное. Кроме изматывающей усталости и неотвратимо нараставших болей он ощущал в себе и некую раздвоенность. Виктор будто сделался

другим человеком, полностью утратившим внутреннюю цельность. Временами ему казалось, что это вовсе не он, а кто-то другой, что его сознание пребывает где-то очень далеко, в другом месте, а тело, словно чужое, живёт и двигается через силу, само по себе. И Виктору приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы как-то управляться со своими совершенно расслабленными членами…

На свадьбу сына совсем не пойти Виктор не мог. Он поздравил молодых, произнеся за них тост, лишь немного посидел за праздничным столом, при этом не выпив ни капли спиртного, а потом попросил родственника отвезти его домой. Ему было так плохо, что к машине его вели под руки. А дома, теряя сознание, он буквально свалился на кровать. Когда померили температуру, она оказалась за тридцать восемь, и Виктора тут же отправили на «скорой помощи» в больницу, где он давно работал.

Вначале Виктор надеялся, что немного полежит в стационаре под наблюдением коллег и просто подлечится. Но после обследования ему сказали, что необходимо срочно делать операцию по удалению тех самых кистозных образований…

Виктора очень расстроило такое внезапное сообщение. А друзья-врачи успокаивали его, что сделают всё хорошо за полчаса. Однако, вопреки их уверениям, операция оказалась

весьма серьёзной. И Виктору ещё долго пришлось пребывать потом в стенах больницы.

Какое-то время ему было трудно понять, что явилось причиной внезапного обострения врожденной патологии, подобные вещи в медицинской практике встречаются крайне редко, к тому же Виктор вёл всегда очень осмотрительную и умеренную во всех отношениях жизнь.

«Так что же стало причиной для столь серьёзного осложнения?» – всё задавался он как врач вопросом, пытаясь досконально проанализировать свою ситуацию. И тогда в нём впервые закралось подозрение, что причиной всему стало «энергетическое лечение». Именно после него у Виктора в течение трёх дней наступило резкое ухудшение самочувствия, а через семь дней его организму потребовалось немедленное оперативное вмешательство.

Но одновременно Виктор недоумевал по поводу своего краткого общения с врачевателем: «Ведь он лечил меня всего два раза… Неужели настолько сильно подействовала его энергия?!.» Ещё Виктору хотелось понять, почему «чисто искреннее» желание помочь обернулось для него чуть ли не смертельным исходом. И отчего их общение, начавшееся так активно, прервалось буквально сразу же, как только Виктор почувствовал себя плохо? А до этого, с момента знакомства в гостях, они перезванивались очень часто и подолгу раз-

говаривали по телефону, так как Александр очень интересовался всеми делами Виктора. Всякий раз он спрашивал, когда у него будет свободный от работы день, чтобы наконец-то встретиться и пообщаться. Но стоило Виктору попасть в больницу, как врачеватель исчез. Он больше не звонил Виктору и не отвечал на его телефонные звонки.

Стараясь объяснить для себя происшедшее, Виктор вспоминал подробности общения с этим неординарным человеком. В его памяти всё яснее всплывали моменты, на которые он не обратил тогда никакого внимания (и, как выяснилось позже, напрасно).

Расспрашивать напрямую, каким образом Александр овладел методом «энергетического» лечения, было как-то неловко. Но ещё из первого разговора с ним Виктор понял, что «искусству» врачевания он нигде не обучался, что «целительные» способности возникли у него «сами по себе», лет пять тому назад. И Виктор, имея лишь «телевизионные» познания в этой коварной теме (а в ту пору всевозможные экстрасенсы продолжали свободно «разгуливать» по голубым экранам), посчитал «энергетическую» деятельность врачевателя не противоречащей медицине. Ему даже не показалось странным, что Александр совершенно не относил свои способности к духовным. Он заверял Виктора в том, что «энергия», которой он пользуется, по сути

«биоэнергия», не что иное как «материя». Оправдывая своё мировоззрение, врачеватель утверждал, что, так же как и медицина (являющаяся материалистической наукой), знания, которыми он обладает, – «из области материализма». А в итоге заявил, что получил свой «дар» вовсе не от Бога. Врачеватель не скрывал, что в Бога совсем не верит, более того, настаивал на том, что Бога попросту нет.

Виктору бы насторожиться тогда при таких откровенных заявлениях и категорически отвергнуть эту «безкорыстную помощь». Ведь если человек имеет свои таланты не от Господа, то сам собой напрашивается вывод, что их «даровал» ему лукавый, который ищет лишь погибели людей... Но в момент общения с лжецелителем Виктор не придавал никакого значения его «странным» убеждениям, так как сам был ещё очень далёк от истинной веры. Нет, он и не являлся атеистом, просто из-за малой осведомлённости в духовных сферах жизни понятия об Истине были в его сознании очень искажены. По той же причине, ранее никогда не посещая православного храма, Виктор считал себя, как и немало современных русских людей, без сомнения верующим человеком. Но при этом его не смущало, что Церковь категорически против гадания, ворожбы, знахарства и любого другого вида оккультного общения человека. И это открытое мнение православной Церкви, опять же по духовной

безграмотности, даже несколько удивляло Виктора. Он полагал, что такие вещи, как гадание и прочее, являются обычным мирским делом, что деятельность знахарей и врачевателей совершенно не идет вразрез с Церковью, а напротив, их пути параллельны, так как «все они (выражаясь его словами) стремятся помочь людям». Виктор продолжал считать так до тех пор, пока с ним не случилось той беды и он на собственном опыте, едва не лишившись жизни, не убедился в обратном...

До начала своего воцерковления Виктор не понимал в полной мере, что нельзя так бездумно и безоглядно позволять кому бы то ни было вторгаться в свой организм, а тем более в душу. Заблуждаясь в духовных вопросах, он не знал, что подлинным умением исцелять обладали испокон веков только люди праведной, святой жизни. Они многими трудами и самоотреченными подвигами настолько очищали себя от греха, что становились проводниками силы Божией, и через них, как через чистый сосуд, Господь подавал помощь больным и страждущим. А сегодня появляется всё больше и больше шарлатанов, не имеющих и малой тени духовной чистоты, но дерзающих называться целителями. Вот через такой греховный сосуд Виктор и был уловлен лукавым...

Ещё ранее верующие знакомые не раз говорили Виктору, что ему необходимо начать

ходить в церковь, каяться и причащаться, потому что все мы в своей жизни совершили немало грехов, порой очень тяжких, и если не очистить свою душу покаянием, то душа в конечном итоге может погибнуть. Виктор не прислушивался тогда к разумным советам, полагая, что ему достаточно и «внутренней связи» с Богом. Но после всего случившегося за короткий период жизни он окончательно осознал, за что был наказан столь внезапной болезнью. И этому нелегкому осознанию во многом помогли православные родственники.

Узнав об опасном недуге Виктора, они стали усиленно молиться за него и подавать о его здравии сорокоусты. Вероятно, по их неустанным молитвенным трудам Господь и проявил благосклонность к Виктору, даровав ему жизнь и дальнейшую возможность спасения.

Перенеся за время своего лечения две клинических смерти и получив от Господа неоднократную помощь, Виктор внутренне сокрушался о своих заблуждениях. Ему было очень стыдно, что, являясь врачом, специалистом в области точной науки, он легко поддался на уловку лжецелителя. Но благодаря происшедшему Виктор окончательно понял, что «безкорыстная помощь» так называемых «врачевателей» разрушительна для тела и погибельна для души человека, что их непонятная энергия является на самом деле темной и не имеет ничего общего ни с Церковью, ни с Богом.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДУШИ

Эта история была поведана на праздник собора трёх святителей, вселенских учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого 12 февраля 2006 года и произошла в г. Нижнем Новгороде.

...В семье Никита был самым младшим. Но, рано став самостоятельным, он поступил после десятого класса в московский вуз и осел в столице, казалось, навсегда. И его мама, полагая, что в жизни у сына всё нормально: есть и дом, и семья, и дети, к тому же неизменно хороший заработок, давно считала его «отрезанным ломтём». Она не сомневалась, что только старшие дети будут с ней до конца её дней, и потому распорядилась всеми земными делами по-своему. Но у жизни, как оказалось, имелся на то свой расчет. Судьба далеко отодвинула от неё старших детей. И так получилось, что именно Никита оказался рядом со своей матерью в очень тесном общении последние десять лет её жизни...

Одним святым подвижником сказано, что на каждого человека, встречающегося в твоей жизни, надо смотреть как на посланника Божия... И все мы, несомненно, даны друг

другу во спасение... Но что может быть более крепким и неразрывным, чем невидимая связь дитяти с родной матерью?! Это поистине духовный факт, мистический по своей сути и природе. Ведь и родитель дается каждому человеку Господом во обоюдное спасение...

О матери Никиты никто сказать хоть малости худого никогда не мог. Окружающие знали её как замечательного человека, щедрого на любовь, она со всеми была всегда исключительно добра. И тем более было печально и горько Никите оттого, что с ним обнаруживались совершенно противоположные черты её характера. Его мама, как ни странно звучит это, была по отношению к младшему сыну очень гневлива.

Вернувшись на родину промыслом Божиим, Никита был вынужден проживать вместе с мамой в маленькой однокомнатной квартирке. И каждое утро неизменно начиналось для него со вспышки гнева – мама раздражалась и кричала буквально по каждому поводу. Она всю жизнь очень любила аккуратность, чистоту и порядок в доме, и малая пылинка или соринка, внезапно замеченные, сдвинутый стул или вещь, лежавшая не на своём месте, становились причиной безконечных раздоров. А гневный возглас: «Ты ещё не причёсан?!», когда Никита только поднимался с кровати, был уже привычным. Словом, пово-

дом для негативного проявления могла стать любая нелепая малость.

Постоянно издёрганный и удручённый, не зная, как угодить своей маме, Никита часто думал, почему всё плохое вдруг стало проявляться только с ним. Порой мама впадала в такую слепую ярость, что он недоумевал от того, как самый родной и близкий ему человек, его мама (которая без сомнения любит его), может одновременно издеваться и глумиться над ним?!. Так поначалу воспринимал Никита всё происходящее… Но его неожиданное возвращение на родину стало не случайным. Оно было связано со внезапным и стремительным воцерковлением.

Слова молитвы «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» знают многие, но осознают их в полноте, а тем более живут по ним – единицы. И Никита долго не мог понять, как это: заставить себя прощать людей, делающих нам плохое?!. Будучи сам по натуре всегда очень независимым, он воспринимал это обязательное условие спасения человека как некое насилие над своей личностью.

Однажды Никита прочитал книгу о старце, который всем приходящим к нему говорил: «сотвори любы», иными словами, соделай, создай любовь, прояви её по отношению к ближним... Но Никита всё думал: «Как вооб-

ще заставлять себя любить кого-то?!.» Можно, конечно, работая над собой, постараться и всё же переломить себя... Что и пытался делать он первые годы своего воцерковления, понуждаясь на раздражение отвечать молчанием, на вспышки немотивированной агрессии мамы – терпением и видимым смирением... Но внутренне Никита продолжал протестовать против такого «немилостивого» (в его понимании) отношения к себе своей матери, а стало быть, на самом деле не приобретая духовного смирения...

Когда-то один святой сказал, что любить – это не видеть грехов ближних... Всего-то-навсего! Просто не видеть грехов других людей (независимо от их поведения), а видеть свои. Вот и всё – вся премудрость. Казалось бы, так просто!.. Но путь к пониманию этого духовного положения был у Никиты длительным и тернистым. И лишь Господь посылал силы превозмочь все трудности, чтобы в определённый момент даровать ему осознание происходящего в отношениях с самым близким человеком...

Мама всё чаще болела и перенесла инфаркт. Брат и сестра, занятые своей жизнью, давно устранились от семейных забот. И Никита, ухаживая за мамой, старался делать для неё всё как можно лучше. Но в ответ на хорошее продолжал выслушивать прежнее: что всё от-

вратительно, безобразно и мерзко, и вообще он самый плохой из детей, при этом старшие дети обязательно ставились ему в пример…

Происходящее совершенно не укладывалось в нравственные принципы интеллигентного человека (каковым являлась по жизни мама Никиты) и было настолько абсурдным, что Никита был не в состоянии объяснить порой просто безумные вспышки ненависти по отношению к себе. С болью в душе он взирал на то, как бранится его мама, и с горечью думал: «Ну как же так… милая, что ж ты делаешь?!. Ведь это ужас, что будет с тобой!.. Как же за всё это тебе придется отвечать потом?!.»

Однако путь каждого человека к Богу настолько индивидуален и порой непрост, что судить по внешним проявлениям о его духовном состоянии невозможно и неправильно, хотя некоторые из нас и пытаются сделать это, сами едва успев перешагнуть церковный порог…

Никита постоянно мучительно переживал за духовно бедственное состояние своей мамы. Но говорить с ней напрямую о необходимости церковных Таинств – исповеди и причащения, как и вообще о человеческом спасении, было безсмысленно, если не сказать, что даже и не полезно для её души – это только могло вызвать дополнительное возмущение. Однажды его мама сама зашла в цер-

ковь, но, как она рассказывала потом, «церковные» бабушки тут же бросились учить её, что бывает в некоторых храмах, а это с её независимым характером было недопустимо. С тех пор мама Никиты и слышать ничего не желала о воцерковлении…

Большинство из нас, начав свой путь к Богу, с жаждой тянется к новым знаниям. И, прочитав всего несколько православных книг, мы порой начинаем считать, что уже овладели духовной азбукой. Оттого, желая поделиться опытом со своими ближними, стремимся неотступно наставлять их, как те «церковные» бабушки… Однако знание – лишь принадлежность горделивого ума, способного привести спасающегося к заблуждению – прелести всезнания. Потому для спасения важно, чтобы знание сделалось в конечном итоге *со-знанием*, неотъемлемой частью души…

Никита в своей жизни уже получил определённый опыт, когда пытался помочь кому-то. Встретив умного, интересного человека, живущего без веры, он часто уделял ему много времени и сил, стараясь максимально облегчить и ускорить его духовное возрастание. Но кроме опустошения, усталости и разочарования Никита ничего не получал, пока не понял одного очень важного и основополагающего условия в деле спасения: тщетны

все наши усилия, пока Сам Господь не даст человеку веру. Ведь вера – это дар Божий!..

Да, не мы ведём человека к вере, а Господь. Но это не является оправданием для нашего бездействия и равнодушия. Мы должны делать всё, что в наших силах, чтобы помочь ближнему, и за это с нас потом обязательно спросится. Святые отцы Церкви говорят, что мы дадим ответ перед Господом не только за всякое праздное слово, но и за слово, не сказанное вовремя… И у каждого православного человека в искреннем желании помочь своим ближним воцерковляться есть три надёжных опоры – вера, надежда, любовь. И, безусловно, мать всему – премудрость, софия. Необходимо как можно внимательнее смотреть на тех, кто рядом с нами, и, не творя насилие над их душами, не ломая их воли (что может вызвать лишь отторжение от веры), своим личным примером богоугодной, благочестивой жизни показывать спасительный ориентир – Христову Церковь.

Спасение каждой человеческой души есть некая великая тайна, часто сокрытая от постороннего взора. Но одновременно она так проста, как всё в Боге, стоит лишь открыть на неё глаза... И Никита стал замечать, что многие неприятные вещи мама говорила ему будто неосознанно, сразу забывая сказанное. А со временем у него стали возникать мысли, что

все испытания, связанные с мамой, не случайны, а даются ему с определённой целью.

Зная свои греховные наклонности, над искоренением которых приходилось трудиться постоянно, Никита постепенно всё больше стал осознавать, что через маму его воспитывает и учит Господь… Момент этого осознания происходил на очень тонком уровне и был для Никиты удивительным и потрясающим. Он явно ощущал, что в нём рождается нечто духовно новое, то, что станет отныне частью его со-знания и будет уже всецело принадлежать душе…

Когда Никита наконец понял, что, согрешая, мама принимает многие удары врага на себя и, не замечая того, спасает его, в нём многое переменилось. Он стал совсем по-другому смотреть на происходящее. И то, что раньше давалось ему с трудом, сделалось уже естественным и очень необходимым. К тому времени у мамы случился второй инфаркт. Никита каждое утро бежал к ней в больницу и порой даже ночи не спал, с нетерпением ожидая часа посещения.

Иногда Никита задавался в душе вопросом: что вдруг стало происходить с ним и почему?!. На его голову по-прежнему изливалось неукротимое раздражение, однако через болезнь матери в нём пробуждалось земное, но такое необыкновенное чувство глубокой

сыновней любви и нежности… Эта духовная связь становилась всё ощутимее и ярче, и Никита делался для своей матери буквально заботливым отцом, он смотрел на неё уже как старший в духовном смысле этого слова…

После больницы мама в основном находилась дома. Она всё реже выходила погулять и бывала на улице сначала раз в неделю, потом раз в две недели, а затем всего раз в месяц. И Никита, отказавшись от многих рабочих командировок, всё больше времени посвящал своей маме, всецело погрузившись в заботы о ней. В конечном итоге тот, на кого она меньше всего надеялась, провел с ней последние часы и последние минуты её жизни…

Мама Никиты никогда не носила нательный крест. А незадолго до кончины он лежал у неё на тумбочке, вместе с лекарствами. И Никита не раз убеждал маму надеть крестик. Иногда она и надевала его, но тут же потом снимала. Ей то не подходила форма крестика, то цепочка не нравилась (металлическая и холодная) или гайтан жесткий – трёт… Всякий раз мама находила логические объяснения, почему она не может носить крестик на теле. И Никита снова отправлялся в церковную лавку...

Ещё за три дня до смерти мамы не было никаких внешних проявлений ухудшения её здоровья. Но внутри происходило некое незримое, при этом совершенно явное движе-

ние. Действиями Никиты будто руководил Господь. Он вдруг взял крестик и, буквально преодолевая сопротивление, решительно надел его на маму, твёрдо сказав:

– Всё, больше не снимай крест!

Ещё вчера Никита и представить себе не мог, что он отважится на такое… А за день до кончины мамы произошло следующее.

Это было 19 января, Крещение Господне. Посетив праздничную службу, а потом сходив за святой крещенской водой, Никита в этот день больше никуда не собирался. Но вдруг он уверенно сказал маме, что ей необходимо причаститься, для чего он пойдёт к знакомому батюшке Василию и пригласит его. Интересно, но со стороны мамы было только малое возражение, мол, зачем ради неё так утруждать себя… Но Никита снова твёрдо сказал ей:

– Это нужно во исцеление души и тела. Всё, мам, я пошёл!..

Откуда взялась такая решимость по отношению к матери, которой раньше никогда не было, Никита и сам понять в тот момент не мог. А мама, ещё немало удивив его, вдруг спокойно ответила ему:

– Раз надо причаститься, значит, надо…

Никита быстро собрался и отправился к батюшке. На улице был сильнейший, крайне редкий в их регионе мороз – минус 45 гра-

Икона «Крещение Господне»

дусов, а добираться пришлось целых сорок минут пешком. Но, одевшись очень легко, Никита не замерз, даже возвращаясь обратно... Когда он попросил батюшку причастить завтра свою маму, выяснилось, что весь этот день у отца Василия уже заранее расписан. Но он всё же не отказал Никите, а пообещал, что если будет хоть маленькое окошечко, то обязательно к ним заедет.

Понимая всю важность этого церковного Таинства, Никита, однако, не стал переживать, состоится ли причащение мамы, он согласился с тем, что будет, как устроится всё свыше. У него самого на этот день были назначены две серьёзные встречи по работе, что предполагало длительное общение с разными людьми. Но они неожиданно, один за другим, стали звонить по телефону и по разным причинам отказываться от запланированного...

Утром следующего дня мама вдруг встала на два часа раньше. Никита сразу сообщил ей, что к ним может прийти батюшка. И мама сама помылась в ванне, привела себя в полный порядок, лишь попросив сына расправить на ней одежду и устроить поаккуратнее постель. Она даже не стала расспрашивать Никиту о Таинстве, о котором, по сути, ничего не знала, и, дожидаясь батюшку, была внешне очень спокойна.

Когда днём неожиданно пришёл отец Василий, мама тихо лежала в своей кровати. Она была в удивительном состоянии, словно ребёнок, затаивший дыхание, в ожидании большого праздника… А Никита всё переживал, сможет ли мама правильно исповедоваться… Он и не подозревал, что это были её последние земные часы и что уже Сам Господь ведёт его маму к Вечной Жизни...

Раньше нередко случалось, что, если требовалось причастить кого-то вне церкви, отец Василий просил Никиту помочь ему вместо псаломщика. А тут батюшка, немного поговорив с Никитой на кухне и взяв всё необходимое для совершения Таинств, отправился в комнату к маме один… Время тянулось медленно, но нахлынувшее было волнение быстро исчезло, и на душе у Никиты сделалось необыкновенно тихо и хорошо…

Батюшка Василий вообще по жизни всегда радостный. Но когда он открыл дверь и сказал, что всё замечательно, у Никиты от его светлого, праздничного вида возликовало сердце!.. Когда Никита вошёл в комнату, то глазам своим не поверил: его мама просто преобразилась!.. Уже давно из-за болезней она очень плохо выглядела. А после исповеди и причащения взор её стал живым, излучающим удивительно мягкий свет…

Отец Василий собирался уже уходить, но мама внезапно остановила его:

– Батюшка, дорогой!.. – только вымолвила она и сразу испугалась. – Ой! Что с моим голосом?!.

Последнее время она еле-еле говорила, горло было будто сковано. Но после Таинств голос мамы сделался чистым и зазвенел по-юношески… Многомесячное пассивное отношение к жизни сменилось на восторженно-радостное… Мама расцвела тогда внешне, а душа её безудержно ликовала.

– Батюшка, дорогой, – снова обратилась она к отцу Василию, – спойте ещё! Уж больно голос у вас хороший!

И батюшка, улыбаясь, молвил:

– Специально для вас программу подготовлю и обязательно на днях спою…

Отец Василий был также очень рад, что мама Никиты наконец-то исповедовалась и причастилась, и даже не подозревал, что всего через три дня будет действительно петь ради неё…

Когда батюшка ушёл, с мамой продолжало происходить нечто необычное. У неё внезапно возник молитвенный порыв. Она всем существом устремилась к образу «Воскресение Христово» и долго молилась вслух своими словами, выражая Господу благодарность и искренне признаваясь Ему в безмерной любви… Её внешность ещё более преобразилась, лицо излучало неземную радость…

Икона «Воскресение Христово»

После этого длительного молитвенного откровения мама попросила Никиту сесть с ней рядом на диване. Она склонила ему на плечо голову и первый раз в жизни сказала:

– Никитушка, прости меня за всё, замучила я тебя…

Это были её последние слова. И Никита даже не заметил, как мама, через пять часов после своего первого причащения, мирно и тихо отошла в Вечность… Ещё минут двадцать Никита не понимал, что произошло, и, нежно обняв её, сидел, не шелохнувшись, пребывая в безконечно блаженном и светлом состоянии…

Когда тело мамы стало остывать, Никита находился рядом. И на глазах у него продолжало происходить необыкновенное преображение облика мамы. Она давно страдала от аллергии, и кожа её лица всегда была воспалена и покрыта коростой… Но внезапно лицо пожилого, очень больного и только что умершего 75-летнего человека стало разглаживаться, и все глубокие морщины постепенно исчезли, от них не осталось и следа… Не появилось позже и синевы под глазами, которая обычно бывает у усопших… В своей жизни мама Никиты была когда-то очень красивой и давно переживала, что болезнь и возраст так необратимо изменили её… Но со смертью в Боге к её былой внешней красоте прибави-

лась и внутренняя, духовная красота...

Каждый день до погребения Никита подолгу сидел у одра матери и любовался ею… Несколько раз в его душу, заполненную светлой радостью, врывались безцеремонные помыслы, что он просто сошёл с ума… Но стоило прочитать определённые молитвы, как тёмное одоление тут же отступало. И Никита вновь молитвенно благодарил свою мать, которая подарила ему жизнь, воспитала и духовно спасала его…

Мама умерла сразу после праздника Крещения, 20 января, на собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Её отпевание и похороны проходили в воскресенье. Девятый день пришёлся на субботу, когда православная Церковь обращается к Небесному Судии о упокоении душ усопших. Сороковой же день выпал на самый конец февраля, начало масличной, последней недели перед Великим постом… Маму Никиты звали Тамарой…

НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА С ГОСПОДОМ

Эта история изложена по рассказу о своем трудном пути к Богу рабы Божией Светланы, жительницы г. Нижнего Новгорода, ноябрь 2006 г.

Как сказано в святом Евангелии, Сам Господь, вочеловечившись, пришёл на землю не к здравым, а к больным.

Многострадальный российский народ наш, переживший семидесятилетний безбожный плен, несомненно, духовно болен, и болен глубоко. Утрачена связь времён, порушены многовековые устои, и часто некому из старших поколений научить молодёжь праведному, богоугодному бытию. Оттого до сих пор многие и очень многие начинающие самостоятельное существование люди, несмотря на то, что ныне уже открыты двери православных церквей, идут по жизни своим мирским, запутанным и скорбным путём. Сколько же всевозможных бед и горестей приходится претерпевать им, совершающим, в неведении Истины, нелепые ошибки и опрометчивые действия! И нередко поступки современников столь безобразны, что стыд

за них является для кого-то серьёзным препятствием, чтобы переступить с отягощённой совестью церковный порог.

Но, как гласит устами святых евангелистов Новый Завет, Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, пришёл не к праведникам, а к грешникам. И пусть этот рассказ об истории длительного и очень непростого воцерковления нашей современницы, изложенный со всевозможными, порой неприглядными подробностями, будет для сомневающихся в православной вере красноречивым подтверждением того непреложного факта, что Господь не отринет от Себя ни одной осквернённой и испачканной земными делами, но **кающейся** души! И пусть надежда на милость Божию не покинет никого, даже самого последнего грешника. Ведь в утешение уповающим на грядущее спасение в святоотеческих писаниях сказано ещё, что возвращению лишь одной заблудшей души радуются Небеса, все небесные жители!

Когда Светлана выходила в девятнадцать лет замуж, её представления о семейной жизни были идеалистическими, не замутненными жизненным опытом и весьма расходившимися с суровой реальностью наших дней,

далекой от праведных устоев верующего человека. И хотя сама Света не была тогда верующей, но, воспитанная набожной бабушкой, она считала, что раз люди скрепляют себя семейным союзом, то это навсегда, и выходя замуж девушкой, она будет у своего супруга единственной, как и он у неё – единственным на всю оставшуюся жизнь.

Но, к сожалению, у её избранника были свои понятия о семье и супружеской верности. Спустя время Светлана вдруг узнала, что муж давно встречается с другими женщинами.

Теория «свободной любви», не обязывающих ни к чему серьёзному межполовых отношений, коварно навязывалась нашему народу ещё до революции. Общая развращённость во всех сферах жизни и стала результатом духовной катастрофы России. А за годы советской власти ростки так называемого «свободомыслия», крепнущие с каждым новым поколением, успели дать могучие всходы. Но и по сей день всеми способами, всеми средствами информации идёт неусыпная работа по развращению русского человека. С треском провалившаяся на Западе программа так называемого «полового воспитания» до сих пор навязывается в российских школах. Преданные служители этой душегубительной программы оправдывают свою гнусную деятельность тем, что ребёнку как можно рань-

ше надо дать знания о... (даже не хочется произносить это слово, оскверняющее чистые, Богом установленные отношения супругов в законном, церковном браке). По мнению этих «специалистов», подобные знания помогут избежать ранней беременности и абортов. Но любой здравый ум понимает: чтобы научить ребёнка аккуратному обращению с опасными вещами, например с острым ножом, не стоит давать ему этот нож в руки в раннем возрасте, стараясь обезопасить ситуацию лишь предупреждением малыша, что нож очень острый и может порезать. Несмышленый маленький человек, самостоятельно исследуя жизнь, непременно испробует в действии на себе предупреждения взрослых и в результате покалечится.

Говоря о теме «отношения полов», напомним, что недаром наши верующие предки разумно скрывали от детей интимные подробности взрослой жизни, всячески оберегая юную душу от возможного осквернения. Это позволяло хранить целомудрие всего русского народа...

Светлана, с детства впитавшая отношение к жизни своей верующей бабушки, восприняла известие о измене мужа как низкое предательство когда-то близкого ей человека, которое столь оглушительно подействовало на неё, что она тут же разорвала с ним всякие отношения.

Остро переживая случившееся, Светлана чувствовала себя униженной, буквально растоптанной, подло брошенной и никому уже не нужной. Брак не состоялся, и казалось, что надежда на счастливую семейную жизнь навсегда покинула её.

Столь безутешные мысли были связаны у Светланы и с другим, очень серьёзным обстоятельством. Прожив более двух лет в браке, она так и не смогла родить ребёнка. За это время у неё было две беременности, которые по неясной причине закончились на раннем сроке выкидышами.

Но Светлане так хотелось ребенка! И она долго лечилась у разных специалистов, пока они не сказали, что помочь не смогут. А её родители старались хранить от дочери тайну, почему она была не в состоянии иметь детей. И Светлана, не понимая в чём дело, ещё сильнее чувствовала себя неполноценной, всё более замыкаясь в себе…

Как-то одна давно знакомая девушка сказала Светлане:

– Что ты всё дома сидишь? Пошли с нами гулять, у нас там такая компания собирается…

Поддавшись в итоге на упорные уговоры подруги, Светлана отправилась на вечеринку, где её познакомили с мужчиной по имени Вадим. Он был старше на одиннадцать лет и показался ей очень серьёзным, а потому надёж-

ным. И вскоре Светлана стала встречаться с ним. Не зная до этого никого, кроме мужа, она совсем не разбиралась в противоположном поле. Родители воспитали её в строгости, большой самостоятельности никогда не давали. Но Светлане, как и любой другой женщине, стремящейся быть счастливой, очень хотелось своей семьи, и вскоре она переехала жить к Вадиму, даже не помышляя уже о законном оформлении с ним отношений.

Нашим современникам приходится существовать в духовно нелегкое время, когда растлеваются души и не каждый может устоять перед многими соблазнами и искушениями развращённого мира. И неосмотрительные, скоропалительные действия человека нередко приводят его к новым жизненным испытаниям и трагедиям…

В совместном проживании прошло ещё какое-то время, прежде чем Светлана узнала, что на самом деле представлял собой человек, с которым она решилась связать свою дальнейшую судьбу. Выяснилось, что Вадим отсидел двенадцать лет за убийство. И убийство это произошло не по неосторожности, что могло бы хоть как-то смягчить тяжесть подобного преступления. Вадим совершил его с особой жестокостью: он нанёс человеку более тридцати ножевых ранений.

Подобная правда не могла не встрево-

жить. Но, по-прежнему питая себя иллюзиями о счастливой семейной жизни, Светлана рассматривала ситуацию с иной стороны. Ведь Вадим относился к ней самой очень хорошо, никогда не обижал ни словом, ни делом. Он даже всячески оберегал её от своих друзей-уголовников, с которыми познакомился в тюрьме, они часто собирались у него на квартире. Вадим всякий раз заставлял их замолчать, когда они допускали в разговорах нецензурные выражения или ещё что-то, неприемлемое для нормального человека. И доверчивой, простодушной Свете, у которой муж не отличался и малейшей заботливостью, было приятно это бережное, даже трепетное, как ей казалось, со стороны Вадима отношение.

Делая попытки изменить Вадима в лучшую сторону, Светлана неоднократно заводила с ним разговор о том, за что он столько лет отсидел в тюрьме. Ей очень хотелось, чтобы он покаялся, и с надеждой задавала ему один и тот же вопрос:

– Ведь ты же наверняка жалеешь о том, что совершил такое?

– Нет, – кратко отвечал ей всегда Вадим.

– Но как же так?! Ты человека убил!.. Покайся! – просила Светлана.

Только логика Вадима по-прежнему оставалась неизменно жестокой:

– Если бы я тогда не убил его, он бы убил меня…

– Но ты всё равно должен покаяться! Хотя бы в себе… – Искренне желая помочь, настаивала Светлана.

– Нет, – всё так же упорно повторял Вадим, считая себя правым…

Однажды Светлана почувствовала, что снова забеременела. К тому моменту она уже не уповала на то, что Вадим когда-нибудь изменит свои взгляды на жизнь. И ей, конечно же, хотелось для своего ребёнка другого отца. Но когда у неё после длительного безуспешного лечения вновь появилась надежда родить, было уже без разницы, от кого. Победило естественное женское желание иметь детей. Она очень сильно хотела этого, любой ценой, и всё! И о дальнейшем совместном будущем с Вадимом думать она тогда не стала.

Вадима посадили за убийство, когда ему было всего двадцать лет. У него никогда не было ни семьи, ни детей. И он отнёсся к известию, что может стать отцом, положительно.

Родители Вадима, хорошие люди, очень полюбили Светлану. Они весьма переживали по поводу непутёвой жизни своего единственного сына, но ничего поделать с ним не могли. И Светлане чисто по-человечески было жаль эту пожилую чету, поэтому она сразу сообщила им, что ждёт от Вадима ребёнка.

В связи со сложностями вынашивания беременности Светлане требовалось обязательное медицинское наблюдение. А у мамы Вадима в женской консультации была знакомая врач-гинеколог. И когда Света сходила к ней, та определила срок беременности и порадовала её тем, что на данный момент всё замечательно.

Но своим родителям Светлана тогда ни о чём не сказала. Делать этого было просто нельзя, так как они изначально пришли в шок, узнав, что дочь встречается с таким человеком, и были всегда категорически против их совместного проживания.

В конечном итоге, как и думали родители, ничего хорошего из отношений Светланы и Вадима не получилось. И события в их жизни развивались чрезвычайно неприятным образом.

У мамы Светланы, воспитанной в безбожном обществе и очень далёкой от Церкви, была одна знакомая, Галина, которая лечила людей. Эта способность, насколько знала Светлана, возникла у неё в тридцать пять лет в результате сильной болезни, когда она чуть не умерла. Прежде этого Галина была совершенно обычной женщиной, но после своего исцеления она вдруг стала контактировать с некими сущностями, которые сообщали ей, чем болен тот или иной человек и каким способом лечить его.

Надо отметить, что подобные явления, происходящие с простыми смертными, особенно участились с начала перестройки. Наряду с тем, что в нашей стране начался бурный духовный подъём, активизировал свои силы и извечный враг православной Церкви, дьявол. Напряженная борьба за души людей идёт и поныне. И в наше время случаи внезапно открывшихся запредельных способностей у прежде рядового человека нередки. Связано это с тем, что нецерковный человек, не защищенный Богом, всегда имеет потенциальную опасность посвоему незнанию (особенно в критический момент жизни) войти в контакт с тёмными сущностями. А сущности эти, иными словами бесы, всегда преследуют лишь единственную цель – всевозможными уловками, в том числе так называемыми «дарами» в виде сверхчеловеческих способностей, заполучить в своё владение душу человека, с тем чтобы ввергнуть её в окончательную, адскую погибель. Подобная ситуация, как станет ясно из этого рассказа, и произошла со знакомой матери Светланы, Галиной. Светлане же общение с ней обошлось очень и очень дорого.

Постепенно Галину, которая вдруг прослыла целительницей, начало посещать всё больше народа. Но соседям по дому это не понравилось, они часто ругались. В результа-

те Галина продала свою квартиру в городе и купила дом в сельской местности. И даже несмотря на то, что она перебралась довольно далеко, к ней на приём в деревне собирались огромные толпы людей, жаждавших во что бы ни стало получить от неё здоровье для себя и своих близких.

Как не печально, но до сих пор находится немало желающих, стремящихся за деньги быстро купить телесное здравие. И эти несчастные, совершенно не вникающие в духовную природу многих человеческих болезней, рискуют лишь окончательно погубить себя, свою безсмертную душу…

Воцерковлённым человеком Светлана в то время не являлась. Потому, совершенно не разбираясь в невесть откуда взявшихся «дарах» Галины, она и сама ещё во время замужества дважды обращалась к целительнице за помощью со своей женской проблемой. И Галина сказала ей, что дети у неё обязательно будут. Но шло время, а нетрадиционное врачевание никаких положительных результатов так и не давало. Удивительно, но, несмотря на это, мама Светланы буквально сдружилась с целительницей. В ту пору было очень плохо с продуктами, и она, работая в торговле, могла кое-что доставать и снабжать этим Галину. Поэтому она стала приезжать к ней по-свойски, пообщаться, чайку попить.

А когда Света забеременела, мама непонятно почему вдруг начала настаивать на том, чтобы дочка обязательно поехала с ней к целительнице. Это обстоятельство очень удивило тогда Светлану, ведь о своей беременности она молчала.

У Галины был неприёмный день, никого из пациентов в её доме не было, когда из города к ней приехала мать Светы вместе с дочерью. Целительница сидела с гостями за столом, пила чай и разговаривала на отвлечённые темы, как неожиданно обратилась к Светлане:

– Я знаю, с кем ты встречаешься... – Она пристально посмотрела на затаившую дыхание Свету и, помолчав, добавила: – И я вижу около него нож, а ещё много крови, очень много...

Светлана от таких откровенных слов Галины опешила. Но можно было допустить, что о тюремном прошлом Вадима Галина знала от её матери. Однако та вдруг продолжила:

– А ведь ты беременная...

Срок у Светланы был небольшой. И ни токсикоза, никаких других признаков беременности у неё ещё не наблюдалось. К тому же, опасаясь реакции матери, она по-прежнему ни о чём не рассказывала ей. Поэтому про беременность Галина узнать никак не могла. И Светлана не стала ни в чём сознаваться, а коротко ответила:

– Нет.

Но Галина спокойно изрекла ей на это:

– Ты можешь обманывать свою маму и кого угодно, а меня не обманешь…

Светлана, хотя и старалась скрыть свои эмоции, но очень растерялась. Ей было неведомо, что подобного рода целители, знахари, врачеватели и прочие «ясновидцы» получают всю свою информацию от тёмных сил, которые, как существа безтелесные, легко перемещаясь в пространстве и во времени, располагают о человеке немалой информацией (но, отметим, далеко не всей). Таким образом, Галина, вошедшая в тесное сотрудничество с лукавыми духами и, по сути, служившая им, получала от них взамен своему служению всевозможные сведения о разных людях, в том числе и о Свете.

Уже провожая своих гостей, стоя на пороге, Галина вдруг обняла Светлану, похлопала её ладонью по плечу и с усмешкой молвила:

– А ведь я могу сделать так, что у тебя раз! – и всё рассосётся…

Светлана не хотела верить сказанному. Однако от слов целительницы ей сделалось не по себе. И, чтобы не выдавать матери своё положение, она, переведя всё в шутку, посмеялась тогда вместе с ней над словами Галины и поехала домой. Но когда Света вернулась к Вадиму, у неё начались сильнейшие боли в

животе. Ощущения были такие, словно внутри всё разрывалось на части, а потом открылось кровотечение.

«Скорая помощь» привезла Светлану в больницу поздно вечером. Врач посмотрел её и определил тот же срок беременности, что и в консультации. В те годы было очень напряжённо с медикаментами, и Светлане дали лишь таблетку но-шпы, оставив так до утра. Но лекарство совсем не помогло, и она всю ночь промучилась от нестерпимых болей. А наутро пришла уже новая смена врачей. Свету послали на УЗИ, и после обследования вдруг сообщили, что никакой беременности у неё нет.

Происшедшее стало для Светланы очередным жестоким ударом её несчастливой личной судьбы. Но и это было не всё. Жизнь не по Богу, а по мирским законам преследует человека всё новыми и новыми внезапными потрясениями. Ещё одним серьёзным ударом для Светы явилась новость, что Вадим был наркоманом.

У Вадима давно случались странные приступы, при которых температура поднималась за сорок и он метался в бреду и поту. Но, по своему неведению, Света не понимала, что это наркотические ломки. Она всё думала, что Вадим вновь серьёзно простудился, и не раз пыталась вызвать «скорую

помощь», но он всегда категорически от этого отказывался.

После каждого такого приступа Вадим вдруг резко менялся, становился очень грубым и злым. Было страшно подумать, каким от такого отца мог родиться ребёнок. И Света, наконец, решилась с ним расстаться. Но стоило ей заикнуться об этом, как Вадим угрожающе заявил:

– Или ты со мной, или ни с кем – я тебя убью!

Эти страшные слова прозвучали из уст Вадима с особой жестокой убедительностью. Он стал силой удерживать Светлану, никуда не отпуская от себя. Ещё раньше он устроил её на работу к своему знакомому и уже каждый вечер встречал и отвозил к себе домой. При этом Вадим продолжал всё чаще употреблять наркотики, и совместная жизнь с ним становилась невыносимой.

Однажды, когда Света была с Вадимом в центре города, она заметила, что у него неплохое настроение. Прогуливаясь по скверу и надеясь воспользоваться моментом, Света постаралась спокойно сказать Вадиму:

– Давай расстанемся по-хорошему.

Но от такого предложения Вадим лишь пришёл в бешенство. Он вытащил из кармана бритву и с нечеловеческой яростью вцепился в Светлану:

– Я порежу тебя сейчас, прямо здесь!.. – хрипел он от злости. – Всё лицо твоё и тебя всю изуродую! И ты уже никому такая не будешь нужна!..

Светлана кричала от ужаса, изо всех сил старалась увернуться, чтобы лезвие бритвы, которой в неистовстве размахивал Вадим, не полоснуло её по лицу… Вокруг было много народа, и никто не решался прийти ей на помощь. Лишь одна бабушка с внуком подошла и хотела сказать что-то. Но вконец озверевший Вадим крикнул ей:

– Иди, пока здорова!..

Светлана ещё более испугалась за эту пожилую женщину с ребёнком и стала умолять Вадима:

– Всё будет хорошо! Ты только успокойся! Всё будет хорошо!..

После этого жуткого инцидента она стала искать случая сбежать от такого страшного человека. Только сделать это было непросто, Вадим продолжал постоянно контролировать её. И жизнь Светланы с каждым днём делалась всё ужаснее. Этому способствовали, усугубляя общее состояние Светланы, и ночные кошмары, которые начали мучить её с тех пор, как она, после посещения Галины, вновь лишилась долгожданной беременности.

Очередное общение с «целительницей», а на деле с тёмными духами, не прошло да-

ром. Каждую ночь Светлану стала преследовать невообразимая, отвратительного вида нечисть. Она окружала её плотной стеной и неотступно давила со всех сторон, не давая малейшей возможности освободиться… После продолжительного и безвыходного сопротивления в её руках всегда неожиданно появлялся большой острый меч, и она отчаянно сражалась им, срубая чудовищам головы. Те отлетали в сторону, но потом снова восстанавливались со своими омерзительными туловищами, после чего нечисть нападала на Светлану с ещё большей яростью. Всё происходило словно наяву, и Светлана после пробуждения помнила те кошмарные сны во всех подробностях.

Такие ночные схватки были всегда долгими, и Светлана боролась и боролась со вновь появляющимися монстрами… В какой-то момент она понимала, что её вот-вот одолеют, что всё вокруг неё уже рушится и она сейчас погибнет, провалится в неожиданно разверзающуюся под её ногами бездну!.. Но… в самый последний момент, когда оставалась лишь последняя капля сил… вдруг появлялся *он* и спасал её. С его неожиданным появлением все чудовища вмиг исчезали. И сразу делалось очень хорошо!.. Это был Ангел Хранитель…

Светлана отчётливо видела его и ощущала его защиту и надёжность. Она всякий

Икона Ангела Хранителя

раз пыталась поговорить с ним, у неё было к нему множество вопросов, но он старался скрыться. Она бежала за ним и никак не могла догнать, он внезапно исчезал. Света сразу просыпалась, продолжая ясно ощущать рядом с собой его живое присутствие.

Светлана и в реальной жизни всегда знала, что *он* рядом, особенно явственно чувствуя это в моменты жизненных опасностей. Случаев, когда с ней могло произойти крайне плохое, было несколько. Но, как и во сне, в самый последний момент её нежданно-негаданно что-то спасало, и Светлана испытывала то же ощущение явного присутствия рядом с собой *кого-то*, никогда не сомневаясь, что это Ангел Хранитель оберегает её...

Примечательно, что многие, даже нецерковные люди, которые прошли Таинство Крещения хоть и в неосознанном, детском возрасте, ощущают в своей жизни нечто подобное так же часто в периоды земных испытаний. Это лишний аргумент в пользу мнения Православной Церкви о необходимости крещения человека в младенчестве, а не во взрослых летах, как утверждают представители некоторых сект. Ангел Хранитель милостиво даётся нам свыше в Таинстве Крещения Самим Господом на всю нашу жизнь, дабы вовремя уберечь нас, неразумных, от погибели. И пусть человек не сра-

зу начинает ценить эту милость Божию. Но пройдёт для каждого своё время, и, незримо водимый своим Ангелом Хранителем, кто-то придёт, наконец, к православной Истине и начнёт спасаться…

Путь самой Светы к деятельной вере и осознанному спасению в Боге был долог. Её сны-кошмары продолжались уже целый год, практически каждую ночь. Они изматывали и буквально одолевали Светлану, и она не знала, к кому обратиться с этой серьезной проблемой за помощью. Но на работе (которую она продолжала посещать под бдительным наблюдением Вадима) у неё была одна пожилая женщина, Римма Николаевна, часто ходившая в храм. И однажды Света решилась рассказать ей о своих ночных ужасах.

– Тебе срочно нужно в церковь, – тут же заметила Римма Николаевна.

Она объяснила Светлане, что ей необходимо исповедоваться и причаститься, а перед этим обязательно попоститься. Ещё она научила её молитве перед образом Божией Матери «Нечаянная Радость». Римма Николаевна поведала Светлане о том, что когда на неё саму обрушились несчастья, ей дали эту же молитву. Она стала читать её, и у неё в жизни всё сразу наладилось.

Разговор с верующим человеком неожиданно придал новых сил, и Света стала поститься

Заступнице Усердная... Икона Божией Матери «Нечаянная Радость»

и читать молитву Богородице. В это время начался пост, и, никогда раньше не соблюдая его, Светлана, к своему удивлению, легко перенесла первое духовное испытание, словно кто-то помогал ей в этом спасительном деле. Она питалась одной варёной картошкой с солёными огурцами, сотрудники часто подтрунивали над ней, и она сама была не уверена, сможет ли продержаться до конца. Но это было явной милостью Божией, и она выдержала весь пост. По-видимому, Сам Господь давал ей такую силу и продолжал поддерживать, постепенно выправляя жизненный путь.

По прошествии некоторого времени Римма Николаевна договорилась со Светой встретиться в храме. А за несколько дней до этой встречи, улучив момент, Светлане удалось сбежать от Вадима прямо с работы. И она начала скрываться от него у своей подруги. Её адреса он, по счастью, не знал, но стал наведываться к маме Светланы и вырезал у неё во всю входную дверь угрожающее слово «умри».

Вадим держал в постоянном страхе близких Светланы, и её мама была тоже вынуждена спасаться от бывшего убийцы у подруги дочери.

Эта неприятная история продолжалась довольно долго. К кому только не пришлось обращаться за помощью, и в милицию, и в

прокуратуру, лишь бы избавиться от преследований этого опасного человека. И постепенно, наверняка не без помощи свыше, Вадим всё же оставил Свету в покое.

Через несколько лет Света узнала, как Вадим окончил свою жизнь. Спустя два года после их неприятного расставания он трагически погиб при неизвестных обстоятельствах, его самого буквально изрезали на куски…

Но вернемся к условленной встрече Светланы с Риммой Николаевной.

В тот день в Староярмарочном кафедральном Спасском соборе собралось множество народа. Был какой-то очень большой церковный праздник, но какой, об этом Светлана задумалась лишь спустя много лет, когда начала воцерковляться. Она вошла в переполненный собор и встала в очередь на исповедь, о чем была договорённость с Риммой Николаевной.

Всё происшедшее тогда запомнилось Светлане со всеми малейшими подробностями. Как только она оказалась в храме, ей внезапно сделалось плохо. И чем ближе подходил её черёд к священнику, тем хуже она чувствовала себя. Ступни ног словно кололо что-то очень острое. По всей спине будто скребли когтями. А живот… – он вдруг начал странно надуваться и тянуть своей тяжестью вниз, причиняя сильную боль… Всё

это было невозможно переносить. И Светлана неоднократно выбиралась из очереди. Она с трудом добредала до входных дверей храма и садилась прямо на полу, так как не было никаких сил стоять.

Удивительно, но невзирая на происходящее у Светланы даже и в мыслях не возникало желания покинуть храм, её удерживало там что-то необъяснимое. Отсидевшись какое-то время, она снова возвращалась в очередь на исповедь, но вставала уже в самый конец, потому что не помнила, где была прежде. Так повторялось не один раз. Светлана никак не могла добраться до батюшки и в итоге подошла к нему самая последняя.

До этого она никогда не исповедовалась и не знала, как это делать. Она думала, что, когда подойдёт к священнику, он спросит её: «В чём ты грешна?», и она уже приготовилась искренне отвечать на все его вопросы. Но, вероятно, исповедь из-за огромного стечения народа была общей. И когда Света подошла к аналою, батюшка лишь спросил её:

– Каешься?

– Да, – ответила она, несколько растерявшись, и, немного помолчав, добавила, – грешная, – как слышала это от стоявшей впереди неё женщины.

Батюшка сразу накрыл голову Светланы епитрахилью и прочитал над ней разреши-

тельную молитву. И она, вслед за исповедниками, перешла в другую очередь, где ожидали причастия. Там Света встретилась с Риммой Николаевной.

Народу было море. Очередь на причастие растянулась через весь огромный собор. И ждать наверняка было ещё долго. А у Светы все те ужасные ощущения только усиливались. Казалось, что от нестерпимой боли её вот-вот разорвет на части…

Подобные вещи нередко случаются с людьми, впервые за долгие годы вошедшими в храм, они начинают испытывать в доме Божием как телесный, так и душевный дискомфорт. Кто-то совершенно не переносит запаха ладана и даже может упасть из-за этого в обморок. Кому-то в храме совсем не хватает воздуха, словно кто-то невидимый душит его. У некоторых возникают сильные боли в различных частях тела. А у кого-то в стенах храма вдруг начинает странным образом урчать в животе или неожиданно появляется, особенно в моменты чтения Евангелия, молитвы «Отче наш» и Символа веры, неприличная громкая икота… Но, пожалуй, хуже всех тех неприятных телесных ощущений – искушающие помыслы, которые действуют на сознание крайне угнетающим образом, внушая человеку как можно быстрее сбежать из храма. Эти необычные явления объясняются

тем, что тёмные духи всеми силами стараются не допустить воцерковления человека. Они всячески терзают его, как своё, ранее занятое ими жилище. И бывает, что проходит не один год, когда воцерковляющемуся с помощью Божией удается избавиться от своих злобных мучителей... Но если испугаться происходящего и перестать ходить в церковь – цель нечистыми будет достигнута. А без помощи Господа, без Его защиты человека очень легко погубить для Жизни Вечной. Ведь по сравнению с нашей короткой жизнью опыт в делах погубления людей у лукавых демонов исчисляется многими тысячами лет...

Постепенно причастники, стоявшие в конце толпы верующих, протиснулись к середине собора. И Света с сотрудницей оказалась под самым центром огромного купола. Её и без того дурное состояние вдруг стало ухудшаться ещё более, как ни странно, из-за церковного пения. Чем громче пел хор, тем хуже делалось ей. И с каждой взятой выше нотой казалось, что она уже не сможет выдержать этого...

Как известно, церковное пение обладает колоссальной духовной силой, потому его очень не любят тёмные духи, завладевшие человеком.

В сознании Светы пронеслось: «Если сейчас запоют ещё выше – я просто умру». Хор

продолжал петь по нарастающей, и в следующий миг Светлана начала падать. Верующие стояли плотной стеной, плечом к плечу, и она буквально сползла между ними на пол. Народ вокруг неё сразу же расступился, и женщины сочувственно заговорили:

– Давайте вынесем её на свежий воздух, – предложила одна.

– Нет, нельзя, – отреагировала другая, – пускай лучше здесь, в храме лежит… – И это было грамотным мнением.

Со стороны казалось, что Света полностью потеряла сознание. Но она слышала всё, что происходило в храме, при этом ничего совершенно не видела, вокруг неё была темнота. Светлана попыталась сказать что-то людям, а они её не услышали. Пробовала даже кричать им, чтобы её вынесли из церкви, потому что она сейчас умрёт!.. Но язык был словно скован, и сама она вообще не могла пошевелиться. Ей только казалось, что она изо всех сил кричит, просит о помощи, а её по-прежнему никто не слышал…

Верующие люди, имеющие за плечами духовный багаж, поняли происходящее. И одна из стоящих рядом бабушек сказала:

– Это в ней нечисть сидит, и сейчас она, наверное, выходит.

Потом Света ясно услышала голос Риммы Николаевны, которая сообщила верующим

её имя. И тогда они встали вокруг неё кружочком и начали читать какие-то молитвы. А Светлана, продолжая недвижимо лежать на полу, стала испытывать ещё бóльшую, просто невыносимую боль. Ей было больно везде, в теле, в душе... Она явственно чувствовала, что всё идет к смерти, что она вот-вот умрёт, она совершенно была уверена в этом... За её душу шла незримая ожесточенная борьба двух сил, светлой и тёмной...

А церковное песнопение звучало всё выше. Оно поднялось до определённой ноты, и в сознании Светы промелькнуло: «Я умираю...» Затем всё в одно мгновение оборвалось – она полностью отключилась, провалившись в кромешную темноту, и уже ничего не слышала, её будто вообще не стало...

Сколько времени Светлана пролежала в таком состоянии, она не знала, наверное недолго. Потому что когда она так же внезапно очнулась, звучало то же песнопение. Но ощущения от него были уже совершенно иными – приятными. И чем выше церковные певчие брали ноту, тем радостнее становилось у неё на душе, словно всё поменялось от минуса к плюсу. Очевидно, усиленная молитва окружающих её верующих людей возымела благотворное действие на критическую ситуацию, которая тут же кардинально изменилась.

Из глаз Светланы неожиданно сами собой потекли слёзы. В следующее мгновение она без чьей-либо помощи, легко поднялась с пола. И Светлана совершенно не испытывала уже ни в душе, ни в теле прежних, даже малейших отрицательных ощущений, будто с ней ничего и не случилось. Но слёзы попрежнему продолжали обильно струиться по щекам без её на то соизволения…

Необычное изменение произошло тогда не только в Светлане, но и в окружающем её. Если до обморока всё в храме казалось ей сумрачным, тёмным, то теперь сияло удивительным, неземным светом, наполняющим внутреннее существо чем-то невыразимым, не поддающимся описанию человеческим языком… Душа внезапно очистилась от черноты и, вмиг просветлённая, несказанно ликовала…

После того, как Света с необыкновенной лёгкостью встала на ноги, она вдруг почувствовала, что её будто приподняло от пола. А в следующий миг она всем своим сознанием и душой ощутила Господа, Его явное, живое присутствие буквально во всём! Пространство под куполом снизу доверху, весь этот объём заливал удивительный, неземной свет, в котором чувствовалось *реальное*, всепронизывающее присутствие Божие!.. И с Господом было так хорошо! От Него исходили необык-

новенное, неземное, удивительное тепло, безконечная доброта и всеобъемлющая, всепокрывающая ЛЮБОВЬ!!!

Даже спустя пятнадцать лет Светлане трудно было найти слова в рассказе о пережитом, голос дрожал от слёз невыразимой радости…

Ей было очень нелегко передать словами и то, что происходило с ней далее.

Едва она делала вдох, как реально, физически ощущала, что её приподнимает от пола. Она была уверена, что если хоть чуть-чуть оттолкнётся от земли, то непременно поднимется выше голов людей!.. И Светлана весьма испугалась этого необычного состояния, подумав: «Вдруг я сейчас вот так поднимусь – а все люди в храме на меня смотреть будут!..»

Рядом была незнакомая женщина, и Света, вцепившись в неё обеими руками, какоето время стояла, стараясь не дышать…

После того, как она так «перетерпела», ощущение, что она может оторваться от земли, пропало. Но вслед за этим постепенно стало ослабевать и чувство невыразимо сладостного для её души присутствия Божия в храме…

…Причащалась Светлана почти самая последняя. Потому что долго приходила в себя после этой необыкновенной встречи с Господом. И когда она уже приложилась ко кресту, Римма Николаевна спросила её:

– Как ты чувствуешь себя теперь?

– Мне так хорошо!!. – только и смогла вымолвить Светлана.

А Римма Николаевна сказала, что всё это время молилась за неё…

Когда Светлана вышла из собора, новые, ни с чем не сравнимые чувства переполняли её… И лишь спустя много лет, задумавшись о том, какой это был праздник, сопоставив все факты, она поняла, что побывала тогда впервые в жизни на пасхальном богослужении. Именно на нем Господь и явил ей чудо Своего реального присутствия в православном храме!... Это был 1992 год, когда народ наш, пробуждаясь от атеистического дурмана, всё более тянулся за спасением к Православной вере…

Кто-то из особо ревностных читателей может задаться вопросом: достойна ли была Света, сделавшая только первый шаг в храме, такой несказанной милости – встретиться с Господом, реально ощутить Его живое, лучезарное присутствие всем своим грешным и недостойным существом? Ответ на этот вопрос есть в святоотеческих писаниях. Вспомним: достойна ли была милости Божией Матери одна из великих грешниц – блудница Мария?! Или, задавшись вопросом, был ли достоин милости Самого Сына Божиего злостный разбойник, вспомним Евангелие, подающее надежду на спасение

каждому грешнику!.. И умолчим в осознании своего недостоинства, критически освежив в памяти собственный, далеко не праведный путь к Богу…

Да, сколь трудна и терниста дорога наших современников к Истине!.. До начала настоящего воцерковления Светлане предстояло идти ещё очень нелёгкой жизненной стезёй, полной тревог, человеческих предательств и смертельных опасностей. И мы продолжим подробное повествование о непрямой, извилистой дороге этой молодой женщины к Православной вере в надежде на то, что кому-то из людей оно поможет избежать жизненных ошибок…

Но вернёмся сперва к тому памятному дню. Возвратившись после праздничной службы домой, Светлане так хотелось поведать ближним о происшедшем с ней чуде, щедро поделиться со всеми окружающими небесной радостью!.. Её душа после встречи с Господом была доверчиво открыта. И Светлана, в первую очередь, рассказала обо всём своей маме, не сомневаясь, что она обязательно поймет её и тоже порадуется вместе с ней… Но мама, к изумлению и разочарованию Светланы, никак не отреагировала на сердечные откровения дочери. Она даже не сказала, что сомневается в этом, а лишь равнодушно выслушала рассказ о происшедшем со Светланой в храме,

и всё. В отличие от душ людей, коих коснулась вера в Господа, души неверующих чаще всего глухи и совершенно невосприимчивы к духовной радости…

Через несколько дней Света попыталась излить свою душу близкой подруге, которая так же, как и её мама, была далека от Церкви. По своей искренности и неведению Светлана продолжала надеяться, что ей поверят, поймут её, а главное – порадуются вместе с ней той удивительной, неземной радостью... Но, чтобы донести до неверующего человека духовные вещи, у Светланы, очевидно, вновь не нашлось подходящих слов, дабы выразить невыразимое, и земных ощущений, чтобы с чем-то сравнить ни с чем не сравнимое… И Светлана осознала, что если и далее рассказывать кому-либо о происшедшем с ней, люди могут посчитать её ненормальной… К прискорбию, «норма» в понимании многих мирских людей – это существование в постоянной внутренней темноте… Не найдя отклика в душах самых близких людей, Светлана с тех пор больше никому уже не открывалась…

После того как Света побывала в храме, исповедовалась и причастилась, духи злобы на какое-то время отступили от неё, и ужасные сны полностью оставили её тогда. А вскоре в жизни Светланы произошло ещё одно и очень

значимое для неё чудо. Она, вопреки уверенным прогнозам медиков, родила. Однако продолжала существование вне церковной ограды, а потому все её радости омрачались скорбями, о чём поведаем по порядку.

Светлана встретилась с отцом своего первенца, Сергеем, когда он разводился с женой. Это был его первый брак, но супружеская жизнь не сложилась, хотя и был общий ребёнок... Многие люди в наше время разводятся в надежде найти себе в дальнейшем более подходящего спутника жизни. Но часто, обвиняя в разводе лишь противоположную сторону, человек снова идёт ошибочным путём... Ничего серьёзного не получилось тогда у Сергея и со Светланой. А не успели они расстаться, как Светлана вдруг поняла, что беременна. И это, несмотря на очередное разочарование в мужчинах, стало для неё настоящим подарком свыше.

Иметь своё чадо было для Светланы самым главным в жизни, ведь она совершенно отчаялась стать когда-нибудь матерью и уже была готова взять ребёнка из детского дома. И тогда она полностью отдалась заботам о том, чтобы эта беременность наконец подарила ей безконечно желаемое дитя...

А события в нашей стране развивались в ту пору непредсказуемо и стремительно. Выживать людям в нелёгких перестроечных

условиях становилось с каждым днём всё сложнее и сложнее. Серьёзные материальные трудности не миновали тогда и Светину семью. Устроиться на работу по старой специальности не удавалось. И чтобы как-то зарабатывать на свою жизнь и жизнь будущего ребёнка, Светлана по настоянию подруги (которая в их многолетней, ещё со школьных лет дружбе была всегда ведущей) закончила месячные курсы бухгалтеров. И подруга устроила её к себе в компанию.

Всевозможные стихийно возникавшие компании и коммерческие предприятия множились в годы так называемой перестройки с судорожной быстротой, создавая многочисленные ответвления – филиалы. Смекалистые на дармовые деньги, предприимчивые жулики, как безжалостные пираньи, раздирали на куски прежде огромное финансовое состояние страны, стараясь урвать себе в то расхитительное время как можно больше.

Вот в такую грабительскую структуру и попала тогда по своей природной простоте и профессиональной неопытности Светлана. В результате обманным путём на неё «повесили» весьма огромную сумму денег. И почти каждый день её стали шантажировать и запугивать, вынуждая пойти на криминальный шаг, махинацию с банковскими документа-

ми. Но она наотрез отказалась от преступного содействия.

Жизнь Светланы оказалась под угрозой, с такими беззащитными людьми, как она, тогда вообще не церемонились… Но именно в этот безысходный момент к ней на помощь были посланы люди, способные справиться с опасной ситуацией. Правда, при этом Свете пришлось стать невольной свидетельницей «криминальных разборок» с огнестрельным оружием, которое лишь по некой случайности не было пущено в действие.

На какое-то время угроза для жизни Светланы отступила, и она уже надеялась, что опасность миновала. Светлана лежала в роддоме на сохранении, когда ей вновь стали упорно досаждать требованиями вернуть никогда не существовавшие деньги. У Светы был строгий постельный режим, так как в любой момент мог снова произойти выкидыш. Но её обманным путем выманили из палаты, и когда она спустилась на первый этаж роддома, двое здоровяков затащили её в дверь, ведущую в подвал… Можно считать чудом то, что после очередных запугиваний с заламыванием рук Светлана не лишилась на последнем сроке безценного для неё ребёнка.

Ещё около года, когда она уже родила, ей приходилось жить в постоянном страхе. К ней под видом милиции наведывались, порой

ежедневно, некие типы, которые обманом и угрозами пытались завладеть её паспортом. И Светлана вновь впала в отчаяние. Она и без того переживала вместе с маленькой дочкой материально очень трудные, голодные времена и полную жилищную неустроенность... Возможно, из-за всех этих обстоятельств, а главное, от незащищённости церковным общением Светлане снова приснился кошмарный, пугающий своей реальностью сон, который тоже запомнился ей во всех подробностях.

Как-то, уже засыпая, Светлана почувствовала, что даже во сне ей угрожает смертельная опасность. А в следующее мгновенье она вдруг осознала, что бежит по городу между высотными домами, спасаясь от преследования голодной стаи собак-волков. В ужасе она забежала в один из дворов, в котором почему-то оказалось кладбище. И Светлана продолжала бежать между могил с крестами, пытаясь скрыться от кровожадных монстроподобных существ, пока не увидела некое маленькое строение.

Оно стояло посередине кладбища, напоминая собой деревенскую баньку. И Светлана бросилась к его двери. Но когда она вбежала в предбанник, который по всем признакам должен был быть крохотным, то с удивлением обнаружила, что он внутри непомерно большой.

В этом огромном помещении множество людей стояли в общей очереди. И Светлана сразу подумала, что ей тоже надо занять очередь. А когда она встала в её конец, то спросила ожидавших:

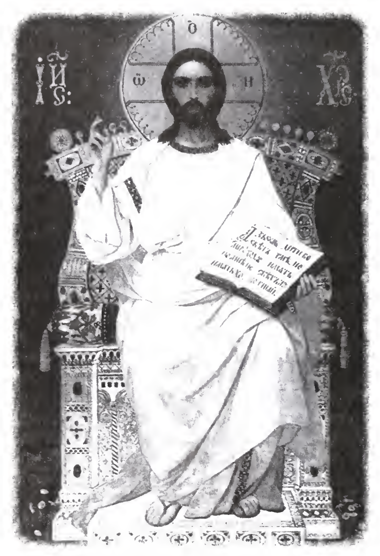
– Это что?

И из толпы ей кратко ответили:

– Преисподняя...

Ещё раньше Светлана слышала это слово, но толком не понимала его значения. Она считала, что «преисподняя» – это место, где Господь распределяет умерших: кому в рай, а кому в ад... Тут она увидела, что очередь тянется через всё это огромное пространство-помещение до конца за угол, где стоит один не похожий ни на кого человек. И Светлана вдруг сразу поняла, что Он – Сам Господь!

Очередь к Господу была всего одна. Но когда люди подходили к Нему, то одному Он говорил «прощаю», а другому – «не прощаю». И так повторялось через одного человека. После этого рядом с каждым сразу появлялись некие гигантские, жуткие существа с маленькими головками. Они отводили осуждённого за угол, сопровождая его с двух сторон. И если Господь говорил человеку «не прощаю», он сразу же рассыпался в песок, который образовывал собой маленькую кучку. А те, кто были прощены, неожиданно бесследно исчезали...

Небесный Судия. Икона «Господь Вседержитель»

Света, испытывая жуткий страх попасть в число непрощённых, принялась метаться, чтобы избежать гибельного для себя определения. Она вставала впереди то одного человека, то другого, то вновь возвращалась на своё место. И никто при этом ничего не говорил ей, все молчали, ожидая решения своей участи…

Черёд определения судьбы Светланы неминуемо приближался. Но её панические попытки не подпасть под Божие осуждение не дали результата. Когда она предстала перед Господом, Он произнёс Своё грозное: «Не прощаю!..»

Эти слова прозвучали для Светланы как раскат оглушительного грома с разящей молнией. Её объял неописуемый ужас, и из глаз тут же градом полились слёзы. Она взмолилась тогда перед Господом с отчаянием:

– Христа ради! Оставьте меня!.. Оставьте!.. – взывала она. – У меня маленькая дочка, она будет совсем одна!.. Я согласна на всё, – продолжала безудержно умолять Светлана, – но мне только нужно ребёнка вырастить, на ноги его поставить!.. Кто защитит без меня мою маленькую девочку?! Кто её воспитает?!. Я умоляю!.. Христа ради!!.

На пределе этих реально переживаемых надрывных чувств Светлана неожиданно очнулась от сна. Она села в кровати, пытаясь

прийти в себя после кошмарного видения. Возникло совершенно ясное осознание того, что её действительно оставили жить! И ещё она отчётливо поняла, что её могли бы и не оставить… тогда бы она уже не проснулась!..

Сразу же после этого поражающего своей реальностью сновидения Светлана вновь получила помощь свыше. При странном стечении обстоятельств ей были опять посланы необходимые люди, которые окончательно разрешили все затянувшиеся, жизнеопасные проблемы…

Но отголоски прежнего, далекого от Церкви бытия ещё не раз врывались в жизнь Светланы.

Однажды ей позвонила незнакомая пожилая женщина и, назвавшись Зоей Терентьевной, стала просить встретиться с ней. Постепенно из разговора выяснилось, что она также ездила к целительнице. И Света вспомнила, что действительно как-то видела её у Галины. Она предположила, что телефон ей могла дать мама, которая там часто бывала. При этом Светлана не понимала, что этой женщине от неё нужно. А Зоя Терентьевна, невзирая на Светины отказы, по-прежнему настойчиво уговаривала встретиться с ней.

Не умея твердо отказывать людям по причине своего мягкого характера, Света всё же согласилась на эту непонятную встречу.

Только ей совсем не хотелось пускать незнакомого человека к себе домой, где была новорождённая дочка. Что-то внутри подсказывало Светлане, что следует избежать визита непрошенной гостьи. И она, оставив ребёнка с подругой, решила сама ненадолго сходить к этой женщине, которая, как оказалось, жила неподалёку.

Когда Света вошла в её квартиру, то увидела, что в большой комнате все стены, от потолка и почти до пола, были сплошь увешаны разными иконами, а ещё везде были кресты и стояли свечи. Светлана очень удивилась, так как ничего подобного ни у кого в доме раньше не видела.

Но не успела она оглядеться, как хозяйка сказала ей:

– Сейчас я тебя своей водичкой напою, она у меня особая, и тогда у нас с тобой всё будет хорошо…

Она тут же протянула Светлане стакан с какой-то прозрачной жидкостью, и по её решительным действиям стало ясно, что отказаться не получится, хотя Света вначале и попыталась сделать это. Но тут же в голову пришла словно чужая, назойливая мысль, что неудобно обижать человека. И она сделала несколько глотков. А Зоя Терентьевна, весьма удовлетворившись этим, отметила:

– Ведь тебя Господь ко мне прислал.

После такого неожиданного заявления хозяйка необычного жилища властно продолжила:

– Мне нужно, чтобы ты своим внутренним зрением посмотрела на одну икону.

Светлана была очень удивлена такой странной просьбе.

– Разве у меня есть подобный дар? – попыталась возразить она. – Ничего такого, как Галина, я не умею!..

При упоминании имени целительницы Зоя Терентьевна внезапно пришла в сильное возбуждение:

– Я Галину тоже не сразу раскусила!.. – гневно заявила она. – Это она только поначалу, для виду, благодатью с людьми делилась! А затем, наоборот, всю их благодать от них к себе забирала!.. Ещё она на вещах пациентов ворожбой занималась: тряпки всякие жгла – делала людям плохое, здоровье у них отнимала!..

Свете всё это было не по душе. Она всегда старалась держаться подальше от всякого рода колдовства и каких-либо разговоров о нём… А Зоя Терентьевна не умолкала, продолжая пуще прежнего поносить целительницу, в необычных и благотворных способностях которой Светлана до сих пор не сомневалась. Невзирая на свой неудачный опыт обращения к Галине (поверив, что её

ситуация попросту безнадёжная), Света, несведущая в делах тьмы, многократно наблюдала, как целительница с ходу определяла все скрытые недуги у разных больных, подтверждая их диагнозы. Ещё ей было известно от мамы, что Галина издала книгу своих стихов, которые тоже обладали способностью лечить. А тут вдруг она слышит такие обвинения в адрес доброй, помогавшей людям целительницы!..

Отвлечённая раздумьями, Светлана почти уже не слышала Зою Терентьевну, когда та вдруг небрежно протянула ей небольшую икону:

– Посмотри: что ты видишь на ней?

Перед Светланой была икона Божией Матери с Младенцем.

– Богородицу… – ответила Светлана недоуменно, бережно взяв икону в руки, но неожиданно услышала от Зои Терентьевны следующее:

– Галина спрятала где-то в этой иконе своё астральное тело, и я никак не могу его найти!.. – раздраженно изрекла она вдруг нечто непонятное.

Видя недоумение Светланы, она принялась возбужденно разъяснять ей при помощи оккультной терминологии какие-то магические вещи. Но потом, заметив, что гостья ничего в этом деле не смыслит, сказала:

– Ну ладно, я буду читать про себя молитвы, а ты смотри на икону и рассказывай, что увидишь…

Светлана была уже не рада, что пришла к этой женщине, которая внешне (в широком, словно монашеском чёрном одеянии, в таком же чёрном платке) и со всей своей домашней обстановкой выглядела вроде бы православной… Но странные разговоры и поведение Зои Терентьевны вызывали у Светы неосознанный страх, хоть беги из этого неуютного дома. Вот только встать Светлана почему-то не могла, её ноги словно сковало… А хозяйка в это время молча, сосредоточенно шевелила пухлыми губами, усердно крестясь и низко кланяясь на образа.

Светлана растерянно посмотрела на икону, которую продолжала держать в руках… Что она могла увидеть на ней, кроме Божией Матери с Младенцем Христом?!. И ей было неловко безцеремонно разглядывать святое изображение. Но лик Богородицы вдруг показался ей ожившим. И был он очень суровым и даже строгим. Божия Матерь словно укоряла Светлану за невольное участие в этом весьма сомнительном деле.

Ещё немного помолчав, ощущая неловкость и даже стыд за происходящее, Светлана сказала Зое Терентьевне:

– Мне кажется, что Божия Матерь недовольна…

Зоя Терентьевна неожиданно обрадовалась сказанному. Она расценила это по-своему и стала сразу благодарить Светлану. А потом, как бы между прочим, язвительно произнесла:

– Ну она у меня ужо получит!.. – явно имея в виду целительницу Галину…

Буквально через пару месяцев после этого Галина внезапно умерла. Об этом Света услышала от своей матери… И ещё многое после посещения Зои Терентьевны у неё никак не укладывалось в голове… Было непонятно, как человек, выдающий себя за православного и очень верующего, мог вредить другому человеку, читая при этом молитвы и обращаясь за помощью к святым иконам. Света не знала, что сегодня можно встретить ненароком не одну, подобную Зое Терентьевне, псевдоправославную лжеподвижницу.

Светлане стали вспоминаться некие подробности из жизни самой целительницы Галины. В её доме также находились православные иконы, а своим пациентам она советовала обязательно сходить в церковь, поставить свечи и помолиться. У Галины к тому же имелась одна очень преданная ей во всём помощница, в обязанности которой входило читать вместе с больными «Богородицу», «Отче наш…» и другие православные молитвы, пока она сама занимается диагностикой и лечением. Всё это ранее побуждало Светла-

ну верить, что Галина помогает людям… Но одновременно рядом с целительницей происходило нечто странное. Так, её помощница, прежде молодая, цветущая женщина, у которой была хорошая семья – заботливый муж, послушный сын, за два года сотрудничества с Галиной стремительно состарилась, словно из неё утекли жизненные соки. Её муж внезапно ушёл к другой женщине. А сын угодил в плохую компанию, и с ним были уже одни неприятности. Таковы были результаты занятий целительством, пагубности которого Светлана долго не осознавала…

За годы советской власти русскому народу, отошедшему от православной Истины, было навязано немало духовно ложной информации, которая в наше время с успехом перекочевала во вновь открытые церкви и стойко существует в умах духовно безграмотных людей, что особенно ярко наблюдается в российской глубинке… Но если бы проблема заключалась только в многочисленных нелепых суевериях и заблуждениях! Среди людей, считающих себя православными, исповедующихся и причащающихся, порой встречаются индивиды, не видящие ничего зазорного в том, чтобы поставить заупокойную свечку за живого человека, если тот им чем-то не по нраву, либо сходить к «бабке» и навести на него порчу!.. Однако су-

ществование подобных явлений не должно стать поводом для тотальной подозрительности, страха и неприязни внутри Церкви. Ведь истинно верующий человек всегда храним Богом! А тех, кто забывает о евангельской истине, вещающей о том, что невозможно служить двум господам, рано или поздно постигнет за тёмные деяния заслуженное наказание. Господь Бог поругаем не бывает, глаголет Святое Писание. И от ока Всевышнего не укрыться никому!..

В последующей жизни самой Светланы продолжало происходить ещё много неожиданного. Вскоре после рождения ребёнка она наконец узнала долгие годы скрываемую от неё правду. Родители признались, почему раньше она не могла иметь детей. Выяснилось, что причиной этому была операция, которую сделали Светлане в тринадцать лет. Из-за резких болей в животе вначале было подозрение на аппендицит. Но, прооперировав Светлану, врачи сообщили близким, что у неё никогда не будет детей. Родители, очень жалея свою дочь, не сказали ей об этом, даже когда она выходила замуж…

То, что Светлана вопреки всему родила ребёнка, было настоящим Божиим чудом. Свою долгожданную дочурку она назвала промыслительно Верой, хотя прежде, до ре-

гистрации в загсе, собиралась дать ей совсем другое имя.

Ещё когда Света была беременна, из мест лишения свободы ей вдруг пришло письмо. Оказалось, что муж Михаил, от которого она ушла, попал в тюрьму за серьёзное должностное нарушение. Он писал, что очень скучает без Светы, что она единственная, кого он по настоящему любил, и что он снова хочет сойтись с ней.

На тот момент Света не была разведена с Михаилом официально. Но она ждала ребёнка от другого человека, поэтому в ответном письме честно призналась во всём своему бывшему мужу. А он сообщил, что готов принять этого ребёнка как своего, и умолял Светлану обязательно дождаться его из тюрьмы. И Света, подумав, дала согласие, уповая на то, что её ребёнок будет воспитываться в полной семье.

Через некоторое время Светлане вдруг позвонил Сергей, настоящий отец Веры, намереваясь наладить с ней прерванные отношения. Но Света, ничего не объясняя, попросила его больше никогда не звонить. А потом долго сидела у телефона в надежде, что Сергей перезвонит. Но этого так и не произошло…

Когда Михаил вернулся из тюрьмы, Света быстро поняла, что новая жизнь с ним невозможна. Михаил так и остался неисправимым

эгоистом, к тому же он сразу опять начал изменять ей. И Светлана вскоре приняла решение окончательно расстаться с мужем, хотя он уже записал на себя её дочь и его мать даже не подозревала о том, что внучка ей неродная.

Вера росла, и неродная бабушка в ней души не чаяла. А Света, хотя и замечала, что в привычках и манерах поведения дочь всё больше начинает походить на настоящего отца, но не отваживалась лишить мать Михаила радости…

Не имея рядом настоящего спутника жизни, Светлана задумывалась над тем, почему серьёзные отношения с мужчинами у неё после первого замужества никак не складываются, пока не вспомнила, что была с Михаилом венчана. И она решила, что именно в этом причина её личной неустроенности.

Зарегистрировав когда-то свои отношения с Михаилом в загсе, Светлана через год решила скрепить их церковным таинством, надеясь, что это на всю жизнь соединит их с Михаилом. А перед венчанием они оба приняли таинство святого Крещения, так как Михаил был некрещёным, а Свету в детстве крестила без священника её бабушка только окроплением святой водой… К сожалению, после столь важных церковных таинств супруги не воцерковились. Скорее всего, поэтому и распался их брак…

Светлана решила действовать и начала с того, что расторгла с Михаилом официальный брак. А чтобы окончательно освободить себя, решила разорвать с ним и церковный союз, для чего обратилась в местную епархию. Светлана думала, что «развенчаться» будет довольно сложно. Но подобные процедуры в наше время стали, увы, не редкостью, и на основании свидетельства о разводе ей в тот же день и час выдали соответствующую бумагу.

Казалось бы, серьёзные препятствия для образования новой семьи были устранены. Да только, к своему большому огорчению, Светлана по-прежнему оставалась в жизни одна, без надёжного мужского плеча, от чего очень мучилась и страдала…

Однажды Светлана случайно наткнулась в газете на объявление со знакомой фамилией. И тут, спустя много лет, у неё вновь ёкнуло сердце. Дочке было к этому времени уже десять лет, а она так и не знала, кто её истинный отец, продолжая общаться только с неродной бабушкой, матерью Михаила… Трясущейся от волнения рукой Света набрала телефонный номер организации, предлагающей свои услуги по ремонту квартир. Она услышала в трубке мужской голос и сразу узнала его.

Ещё некоторое время, боясь выдать себя, Светлана разговаривала на официальные темы, но когда стала оформлять заказ и на-

звала имя и фамилию, голос на другом конце провода тут же дрогнул.

– Как дочь? – только и смог произнести тогда Сергей…

Они снова стали встречаться. Света рассказала дочке, кто её настоящий отец. И Вера какое-то время была в замешательстве. Она всю жизнь очень хотела, чтобы рядом с ней был её папа, болезненно переживая, что Михаил избегает с ней общения.

Сергей Вере сразу понравился. И она каждый раз с нетерпением ждала, когда он снова придёт к ним в гости. Постепенно у папы с дочкой сложились тёплые, доверительные отношения. Вера его очень любит и дорожит его мнением. А самой Светлане приходится отвечать на многие неожиданные вопросы дочери и, скрывая жизненные перипетии, чаще всего брать вину на себя…

Как-то летом Светлана с Сергеем поехали в деревню навестить Веру, которая там в то время отдыхала. Они немного посидели за столом у родственников Светланы, а потом все вместе отправились на машине за грибами. Но, ничего не обнаружив лесу, решили заехать по пути на святой источник преподобного Серафима Саровского, в его дальнюю пустыньку.

В этом удивительном месте, где батюшка Серафим освятил всё вокруг своей пламен-

Святой источник батюшки Серафима (фото автора)

ной молитвой, как всегда, было множество паломников. И каждый с благоговением и надеждой на помощь святого старца трижды погружался в чудодейственные, целебные воды. Но одной из немногих, кто не смог этого сделать, была Светлана.

Когда она первый раз попробовала войти в купаленку, ей показалось, что от ледяной воды начало сводить ноги. И она побоялась спускаться дальше. Тогда Светлане предложили хотя бы облиться святой водой. И она в готовности присела на корточки. Но не успели её трижды облить из ведра, как необычные, не испытанные ранее ощущения захватили дух и так понравились ей, что Света попросила облить её ещё и ещё…

В общей сложности на Светлану вылили подряд девять вёдер святой воды батюшки Серафима. Голове почему-то стало так жарко – будто её «обожгли» ледяной водой, показалось даже, что на ней образовался большой волдырь. При этом тело Светланы наполнилось удивительной лёгкостью и бодростью, она почувствовала огромный прилив сил, а душа ликовала и пела в неизъяснимом восторге!!.

Светлана всегда хотела иметь не менее двух детей и была уверена, что именно так и будет. Но ей было уже 36 лет, и мысль родить второго ребёнка оставалась иллюзорной меч-

той. После череды непроизвольных выкидышей Светлана поняла, что её единственная дочь Вера послана ей Богом после той необычной пасхальной встречи с Ним… И вдруг, после поездки на святой источник батюшки Серафима, Света вновь забеременела.

Сначала она засомневалась, стоит ли в этом возрасте рисковать. К тому же она узнала горькую правду, что Сергей женат вторым браком. И хотя он и обрадовался новости Светланы, но не собирался снова разрушать свою семью, не взирая на то, что детей у него во втором браке (по причине неисцелимой болезни супруги) не было…

Замечено, что слово, произнесённое в сердцах, как и проклятье, имеет колоссальную силу. И вот однажды, много лет назад, узнав об изменах мужа, Светлана в отчаянии высказала Михаилу:

– Мне не нужны ни мужья и никакие мужчины! Вы мне совсем не нужны!.. Я только хочу иметь детей!!.

А потом она выкрикнула словно в никуда с мольбой:

– Пусть у меня будут дети!!!..

Сказанные когда-то идущие из глубины разбитого предательством сердца пронзительные слова словно наложили печать на дальнейшую жизнь Светланы. Настоящая семья у неё ни с кем так и не сложилась. Зато,

как она и просила, у неё появились дети. И дети необыкновенные, воистину посланные ей Богом. Вторым у Светланы родился сын Илюша, удивительно жизнерадостный малыш. И ей было уже сложно представить без него свою жизнь…

Чудесное событие спустя время произошло и в законной семье Сергея. После того как Светлана съездила на святой источник и вот-вот должна была родить, Сергей повёз свою жену к дальней пустыньке батюшки Серафима. И снова произошло чудо – через девять месяцев на свет появился ещё один человек. Светлана очень радовалась за супругу Сергея, ведь кому, как не ей, была ведома непреодолимая женская тоска по детям…

Можно, конечно, весьма предосудительно отнестись как к Светлане, так и к Сергею. Но, как сказано в Священном Писании, нет человеческого греха, превосходящего милосердие Божие. И когда не раз тяжко оступившийся, далекий от веры человек вступает на путь спасения, Господь раскрывает ему Свои всепрощающие объятия, постепенно выравнивая этот путь. Так и жизнь Светланы начала с помощью Божией преображаться.

Порой Светлана снова поддавалась мыслям об одиночестве и вновь страдала от ревности к Сергею, прекрасно понимая, что изменить что-либо не вправе. И надо отдать

должное Сергею – он не переставал заботиться о Светлане и детях, часто навещал их и полностью поддерживал материально.

Перед появлением на свет Илюши Сергей купил им трёхкомнатную квартиру. В старой панельной «хрущёвке» Светлана чувствовала себя постоянно неуютно, тягостно, особенно по ночам, в ней скончались отчим и его родители.

Перебравшись в квартиру в новом доме, Светлана надеялась, что здесь ей наверняка будет комфортно. И действительно, первые две недели она чувствовала себя замечательно. Но когда со старой квартиры перевезли все вещи, на душе вновь стало тягостно и возобновились неприятные ощущения, будто кто-то царапал её по спине.

Старая квартира Светланы не была освящена. И, по совету знакомой, новое жилище решили освятить. Но, как это нередко бывает в духовных делах, долгое время возникали разные препятствия. И лишь через восемь месяцев Светлана, наконец, пригласила к себе в дом священника.

Когда отец Владимир начал читать молитвы, по спине Светланы снова, только с ещё большей силой будто заскребли когти. А когда батюшка стал наклеивать на стены крестики, Светлана воочию убедилась в

действиях лукавых, препятствовавших освящению её жилища.

В одной из комнат батюшка заметил две картины. Они были нарисованы на кусках кожи, растянутой бечёвками на деревянных рамках. На одной из них было изображение длинноволосой женщины с совой во лбу, на другой – силуэт женской фигуры на фоне тёмного леса и яркого диска луны. И батюшка поинтересовался:

– Кто это?

– Это Анастасия, – ответила ничего не подозревавшая Светлана.

Она купила эти картины у уличных художников, не заметив в них ничего плохого. И даже потом увлекалась книгами той самой Анастасии, полагая, что та проповедует любовь и добро к ближним… Но неожиданно Света услышала от отца Владимира:

– Снимите их сейчас же и вынесите из квартиры, а после обязательно сожгите.

Не зная отношения Церкви к подобным «проповедникам истины», скрывающимся под маской псевдоправославных учений, а на деле внедряющих в духовную жизнь нашего народа неоязычество и прочие «теории бытия», Светлана поначалу растерялась. Но, подчинившись совету священника, сняла картины и отнесла их к входной двери, поставив у стены. Далее произошло непредви-

денное. Когда батюшка в коридоре потянулся к прежде наклеенному крестику, чтобы помазать его святым маслом, то, слегка зацепившись за картины Анастасии, странным образом начал падать. И Светлана едва успела подхватить его. А батюшка отметил:

– Вот видите, «она» даже не даёт освящать вашу квартиру!..

После происшедшего Светлана поспешила вынести картины в общий холл на их этаже.

Когда батюшка ушёл, всех вдруг разом потянуло в сон, хотя освящение проходило утром. Светлана и дети снова улеглись в кровати, и спалось им в тот день после благодатного Таинства как никогда необыкновенно мирно и сладко.

С освящением квартиры неприятные ощущения, которые мучили Светлану почти ежедневно, в течение десяти дней не возникали. Но после одного странного явления всё возобновилось.

Прежде Вера не боялась находиться в новой квартире и всегда спала в отдельной комнате. А чтобы не было сквозняков, двери во всех комнатах на ночь обычно плотно прикрывали. Но однажды Светлана сквозь сон внезапно услышала испуганный крик дочери. Вбежав к ней, она увидела, что та сидит на своём диване съёжившись и её всю колотит.

– Мама, здесь кто-то был!.. – с трудом взволнованно произнесла Вера.

– Ну что за глупости, – отреагировала Светлана, – такого просто быть не может!

Но Вера, указав на противоположную от кровати стену, сказала:

– Там кто-то только что стоял… Но когда я сделала вот так, – и Вера поводила перед собой рукой, – всё пропало…

– Может быть, тебе это приснилось? – попыталась успокоить свою дочь Света.

– Нет, нет!.. – замотала головой Вера, и её продолжало сильно трясти от страха.

В эту ночь она пошла спать в комнату к маме с маленьким братом. А Света ещё долго никак не могла уснуть. Она вспомнила, что этим вечером, когда ложилась спать, её саму преследовало жуткое чувство чьего-то постороннего присутствия…

Не зная причины этого ночного посещения, Светлана, позвонив батюшке, попросила его вновь приехать к ней.

И лишь когда отец Владимир наклеил крестики на каждую стену квартиры и освятил их, Света успокоилась. Уже стоя у входной двери, поблагодарив батюшку за его второй приезд, она неожиданно вспомнила о давно происшедшем с ней на Пасхальной службе чуде. И, доверившись отцу Владимиру, по прошествии многих лет Светлана поделилась сокровенными и радостными впечатлениями от той необыкновенной встречи

с Господом. А батюшка, с интересом выслушав её, сказал:

– Господь тебя любит! И помогает тебе!.. – А потом добавил: – Ты ещё купишь себе юбку и будешь в церковь ходить...

Дело в том, что у Светы на момент освящения квартиры даже не нашлось в доме юбки. Ведь она, ведя мирской образ жизни, привыкла ходить в брюках. Сказанное тогда батюшкой казалось ей чем-то нереальным.

Возвращаясь к давним событиям, надо отметить, что душа Светланы после удивительного первого причащения безудержно рвалась в храм. И вскоре Света снова отправилась со своей бывшей сотрудницей Риммой Николаевной в Староярмарочный собор. У церковных ворот сами собой потекли слёзы. А войдя в собор, она поначалу было почувствовала некоторые симптомы той неприятной тяжести, но они тут же исчезли. Светлана надеялась вновь испытать благодатные ощущения от незримого соприкосновения с Господом, но чуда в тот раз не произошло…

Нередко бывает, что Вселюбящий Господь как бы авансом даёт человеку, совершающему первые робкие шаги навстречу Ему, почувствовать то, что именуют «призывающей благодатью». И память об этом благодатном ощущении неизменно хранится в потаённых уголках души каждого, сподобившегося та-

кого чуда... Проходит время, и порой немалое, прежде чем душа, помнящая о встрече с Господом, выводит человека, невзирая на всевозможные преграды, на путь спасения.

Светлана решила тогда уже самостоятельно ходить на службы, но, не зная почти ничего из того, как вести себя в церкви, заходила в неё и спрашивала у старушек, что ей нужно сделать, куда поставить свечи… И всякий раз неожиданно сталкивалась с неприязненным к себе отношением и даже грубостью.

Света пыталась ходить в разные храмы, но негативная ситуация повторялась. А она была совсем не готова переносить подобные искушения. Ей казалось диким, что человек, трудящийся в церкви, так неприлично ведёт себя – кричит и ругается на прихожан. «Так где же тут святость?!» – думала с горечью Светлана…

Оправдывать проявления нелюбви к своим ближним людей, считающих себя верующими, да ещё в стенах храма, очень трудно. Один из старцев некогда сказал, что всем нам, верующим людям, независимо от того, миряне мы или в церковном сане, необходимо принести перед Господом покаяние за всех тех людей, которых мы своим неблагочестивым поведением оттолкнули от Православной веры.

Церковь Христова является, по сути, духовной лечебницей, исцеляющей души лю-

дей! Представим, к примеру, как было бы странно, если кто-то, находясь в больнице, стал бы укорять соседа в немощах по причине его болезни. Или было бы по меньшей мере смешно наблюдать, как в психиатрической клинике пациенты показывают друг на друга пальцем и называют ненормальным... Но как же становится печально и горько, когда мы, считающие себя верующими, сами пришедшие в храм Божий за духовным исцелением, порой не терпим немощи друг друга, а иногда и вовсе ведём себя недопустимо грубо...

Но вернёмся к судьбе Светланы. «Свято место пусто не бывает», – гласит мудрая пословица. Так и душа человеческая не может оставаться ничем не заполненной. После своих неудачных попыток начать ходить в церковь подруга Светы порекомендовала ей оккультные книги Анастасии. И та поначалу увлеклась книгами этой лжеподвижницы, лукаво проповедующей добро. И хотя она по совету батюшки удалила картины Анастасии из своего жилища, но её книги всё так же держала у себя. Именно потому в её доме даже после освящения квартиры продолжали происходить странные и неприятные явления вроде того ночного, пугающего посещения...

Уже совсем запутавшись в лжедуховном учении, Светлана промыслом Божиим познакомилась с верующей женщиной, которая

разъяснила ей суть многих духовных вещей. Только тогда она наконец-то избавила своё жилище и от книг Анастасии. Не прерывая начавшегося общения с верующим человеком, Светлана постепенно стала воцерковляться. Каждый выходной день она уже ездила с детьми в храм к отцу Владимиру, который освящал их квартиру.

О воцерковлении дочери Светы хочется сказать особо.

Интересно, что с раннего детства Вера часто просилась в храм и очень радовалась, когда бабушка или мама иной раз заходили в него поставить свечку. Малышка сама подходила к иконам и, усердно, как могла, по-детски крестясь, молилась своими словами. А когда она ложилась спать, то желала маме не «спокойной ночи», но всегда говорила ей: «Мамочка, спи с Богом». Откуда это взялось в маленькой дочке, Света даже представить не могла.

Вера сызмальства произносила имя Господа с любовью, и Света невольно замечала, что Он действительно помогает её дочери. Однажды семилетняя Вера, потеряв ключи, всем сердцем молилась у иконы Спасителя, хранившейся в их доме: «Господи, помоги мне, умоляю Тебя! А то я не смогу пойти в школу!..» И ключи вдруг обнаружились в совершенно неожиданном месте.

Воцерковление Веры, словно в подтверждение данного ей имени, стало искренним и стремительным. Её жизнь при этом начала резко меняться. Прежде судьба Веры, казалось, была уже предрешена, но она ушла из балетной школы, будучи там перспективной ученицей, и поступила в медицинский колледж, где было духовное отделение сестёр милосердия.

Это изменение в профориентации внучки обе бабушки восприняли на удивление положительно. Но воцерковление Веры вызвало у них крайне негативную реакцию. Сперва одна заявила, что отречётся от внучки, если та не перестанет ходить в храм. А потом мать Светы позвонила и сказала, что больше не придёт к ним, если они не оставят церковь, и в гневе бросила трубку.

Нелегко пришлось тогда семье Светланы в отношениях с близкими. Все в один голос, включая и близкую подругу, твердили:

– Что это за фанатизм?! Можно сходить в храм раз в году, ну или два раза, но зачем каждое воскресенье?!.

А вскоре мать Светы категорически заявила ей:

– Не смей больше водить детей в церковь! – И добавила для большей убедительности. – А то вдруг они станут набожными!..

Поначалу Света недоумевала по поводу

столь странного поведения близких. Никаких логичных доводов против Церкви и веры в Бога они привести не могли и лишь изводили себя и её слепой неприязнью...

Света явно отмечала, что начавшееся воцерковление приносит несомненную пользу, наполняя её душу и души детей благодатью. Вера даже со слезами первое время уходила домой из храма, настолько она тянулась к Богу. А Илюша, приобщившись Святых Христовых Тайн, спешил поделиться своей радостью с окружающими, улыбаясь всем, он с удовольствием шёл на руки прихожанам...

Света пыталась объясниться с близкими, донести до них то, что даёт человеку вера в Бога, но они и слушать её не желали, считая, что Света впала, по их словам, в «сектантство»...

Печально, но многие из поколения людей, проживших всю жизнь в атеистической среде, именно так воспринимают воцерковление своих близких, всячески стремясь препятствовать ему, что часто приводит к конфликтным ситуациям... Но постепенно спасающиеся начинают понимать, что всему виной духи злобы, которые умело действуют через далёких от веры людей, и, осознав это, уже стараются относиться к неурядицам с ближними со смирением и мудростью.

После живительного действия призывающей благодати у новоначального в вере на-

ступает ответственный и непростой период воцерковления, требующий от него усердного и непрестанного труда. Поначалу процесс духовного возрастания кажется очень трудным, а порой и невозможным в осуществлении. Но наряду с многими искушениями и скорбями в борьбе за спасение своей души человек приобретает безценный духовный опыт, делающий из него истинного Христова воина.

Путь борьбы за спасение своей души пролегает у человека через всю его жизнь. И Светлане вместе с детьми приходится так же проходить немало духовных испытаний. Даже маленький Илюша нередко становится жертвой нападения тёмных сил. Прежде он всегда очень быстро засыпал и до самого утра спал спокойно. Но с некоторых пор начал вскоре просыпаться и плакать. И однажды, пытаясь успокоить его, Света стала читать вслух «Богородице Дево, радуйся...» Один раз прочитала, второй... Маленький сын вдруг замолчал, начал прислушиваться и улыбаться. Светлана принялась крестить его, и он, довольный, быстро уснул. Света очень удивилась тогда происшедшему.

На другой день, укладывая сына, Светлана взяла молитвослов и стала читать ему вслух «молитвы на сон грядущий». Он снова внимательно слушал, а потом заснул и не просыпался до самого утра. Подобных случаев

было несколько. И Светлана видимым образом убеждалась в силе и благостном действии православных молитв. Внутри её сознания словно кто-то говорил, обращая внимание на происходящее: «смотри, вот тебе и ещё показывают». Но и враг в это время не дремал. И другой голос упорно твердил, смущая: «да это просто совпадение...». Рассказав верующей знакомой о всех тех необычных «совпадениях», Света узнала, что искушающим помыслам необходимо противостоять: ни в коем случае не пускать их в себя.

Светлана стала замечать, что Илюша чаше всего капризничал и плакал после очередных негативных выплесков в адрес всего церковного со стороны бабушки. Но, хорошо зная характер своей матери, Света лишь молчала. А бабушка нередко донимала и внучку.

Посещая воскресную школу, исповедуясь и причащаясь, Вера возрастала духовно не по дням, а по часам. И однажды она долго, со смирением выслушивала нравоучения бабушки, стремящейся всеми силами «выбить у неё всю церковную дурь из головы», а потом спокойно сказала ей:

– Бабушка, но ведь в аду-то гореть – тоже плохо...

В первый момент онемев, бабушка всё же попыталась опровергнуть слова внучки:

– Этого никто ещё не доказал... И всё это может быть глупость!..

Явно руководствуясь тёмными наветами, пожилая женщина продолжила изводить уже дочь, едко высказываясь по поводу её неопределенных взаимоотношений с Сергеем. И это подействовало – Светлана снова впала в уныние и саможаление. Не видя возможности изменить свою жизнь, она решила поговорить на эту тему с батюшкой. И отец Владимир прямо высказал ей мнение Церкви в отношении подобных ситуаций.

Внутренне Света и сама противилась своему греховному бытию. Но… так сложилась её жизнь. Какое-то время она колебалась, переживая, что дети могут остаться совсем без отца. А потом, стремясь быть честной перед Богом, передала всё сказанное батюшкой Сергею, со смирением ожидая от него принятия любого решения.

Примечательно, что единственным человеком, который не воспротивился воцерковлению Светланы и детей, был Сергей. И после разговора со Светой он не сложил с себя ответственности, а во всём помогает ей как морально, так и материально, постоянно навещает детей.

Так Господь поддерживает Своих чад, выправляя их пути и наставляя на праведное, спасительное бытие…

Можно задастся вопросом: почему же Господь был к Светлане так благосклонен, что

воззрел на неё и оторвал от греховного существования? Вероятно, ответ на этот вопрос надо искать в её родовых корнях.

Несколько лет назад Света промыслительно заинтересовалась своими прадедами. Расспрашивая родственников, она составила своё генеалогическое древо. А придя к вере, стала выяснять о жизни предков подробнее и узнала много необычного и интересного.

Сама Света родилась в одной из деревень Нижегородской области, которая прежде считалась селом, так как там была своя церковь. Оттуда были родом и бабушка с дедушкой по линии её мамы. Когда они были ещё молодыми, большевики начали громить церкви. Люди в их селе узнали, что завтра будут сбрасывать колокол и сжигать иконы. Тогда большинство из них пошли ночью в церковь и каждый унёс к себе домой иконы, какие смог взять, в основном по одной, по две, ведь многие из них были очень большие. А на следующий день действительно началось осквернение святынь. И одна бабушка всё рвалась к храму на место, куда хотели сбросить колокол. Её всякий раз оттаскивали в сторону, но она упорно препятствовала поруганию. Большевики тогда всё же сбросили колокол на землю, а её посадили в тюрьму, где она и умерла. Оставшиеся в церкви ико-

ны богоборцы собрали, отвезли в ближний лесок и сожгли…

Ещё в раннем детстве Светлана встречала в лесу, куда ходила за ягодами, необычный холм, на котором всегда лежали цветы. И она видела, что туда собирались пожилые люди и молились. Она пыталась выяснить у взрослых, что там такое. Но от младших поколений всегда скрывали правду, хотя традиция поклоняться этому месту неизменно жила. Сейчас там стоит крест, и Светлана узнала, что это и есть место сожжения икон.

У Светы со школьных лет хранилась одна иконка, которую ей подарила бабушка, из числа тех, спасённых когда-то от уничтожения. Она была небольшая, сантиметров двадцать высотой, в металлическом окладе. На этой иконе было изображение сидящего старца с раскрытой перед ним книгой, а справа от него был ангел. Светлана никогда не видела икон, похожих на эту, и всё интересовалась у людей, кто изображён на ней. А когда она стала воцерковляться и отнесла её в храм к отцу Владимиру, выяснилось, что это икона Иоанна Богослова, и попала она как раз в храм, где один из его приделов освящен во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Батюшка принял дар с благодарностью и сказал, что поставит икону в алтарь.

Икона апостола и евангелиста Иоанна Богослова

С детских лет Светлана помнила ещё одну икону, но большую, примерно в метр высотой, которая всегда стояла в святом углу бабушкиного дома. Была она старинная, из цельной доски, от времени треснувшей посередине, и на ней красками был написан образ Богородицы с Младенцем, который так радовал глаз, что Светлана, увидев у кого-то в доме другие иконы, всегда сравнивала их с бабушкиной. А бабушка перед каждым праздником открывала застеклённый кивот и обязательно протирала поверхность иконы растительным маслом, отчего та блестела, становясь ещё ярче и краше. Эту икону бабушка подарила своему младшему сыну, она до сих пор хранится у него.

В родовом доме Светланы на одной из стен висело множество фотографий, как это прежде бывало во всех деревенских домах. Среди фото родственников было и изображение Сталина в застекленной рамке, в которую был воткнут профиль Ленина, вырезанный из жести. А по другую сторону всегда висели иконы. И примерно с четырех лет маленькая Света начала интересоваться у близких, кто это, указывая на вождей. Но всякий раз её буквально обрывали на полуслове, даже не давая задать вопроса:

– Ещё маленькая, не суйся во взрослые дела и ничего не спрашивай…

А ей так хотелось узнать, плохие это дяди или хорошие... В середине семидесятых годов Сталина, а тем более Ленина в живых давно уже не было, но стойкий страх перед этими эпохальными личностями по-прежнему обитал в душах многих русских людей...

Большинство фотографий предков перешло потом по наследству к Свете. На одной из них была прабабушка – удивительный, глубоко веровавший в Бога человек, о которой не раз с любовью вспоминала её невестка, бабушка Светы. Светлана жалеет, что в своё время, пока были живы близкие, она не очень вдавалась в подробности жизни верующих родственников. Но о прабабушке всё же запомнила следующее.

Была она необыкновенно кроткой, тихой, спокойной и всех любящей. Хотя жизнь у неё была очень нелёгкой, она никому злом не платила. И бабушка Светы всегда говорила, что таких людей, как её свекровь, вообще мало. Прабабушка с терпением переносила суровый характер мужа, который нередко обижал её, но она никогда не роптала. Порой невестка даже сама заступалась за неё, пока жила в их доме. У прабабушки было два сына. Звали её Анна, и была она поистине Божиим человеком – необыкновенно простая, в любой момент готовая снять с себя последнее и отдать нуждающемуся.

Император Николай Второй с Семьей

На другой сохранившейся фотографии прадед Светы по линии мамы запечатлён в форме полицейского с шашкой. Он жил в городе Выкса (под Нижним Новгородом) и за хорошую службу был награждён самим Государем. Этому факту есть доказательство. Много десятков лет в одной из застеклённых рамок с фотографиями родственников был тайник. В нём хранилась фотография Царской Семьи, под которой рукой самого Николая Второго было написано: «За доблестную службу», а далее стояла личная подпись Государя.

Когда к власти пришли большевики, фотографию Царской Семьи, тщательно упаковав, спрятали под семейные фото. Но надпись, по свидетельству бабушки Светы, всё же пришлось обрезать, это было время безпощадных, кровавых репрессий...

Рискуя своей жизнью, простые люди хранили память о лучшем и благороднейшем из русских царей – Императоре Николае Втором и его святом Семействе. Очевидно, это обстоятельство и сыграло в жизни самой Светы решающую роль, она сподобилась Божией милости за духовные заслуги своих предков. Господь обратил на неё внимание и не просто поднял из греховной скверны, а милостиво явился в Своей лучезарной славе для укрепления веры...

Заслуги наших верующих предков велики в глазах Божиих и благотворны в деле спа-

сения современников. Как известно, не стоит род без праведника. И у каждого, ныне спасающегося, есть на небесах ходатай, который вымаливает свой род. У всего же русского народа есть небесный предстатель – Император Николай Второй, своей мученической кончиной искупивший страшные общенародные грехи вероотступничества, клятвопреступления, цареубийства. Эта великая жертва Помазанника Божия даёт безценную возможность всем заблудшим душам ныне живущих русских людей вновь встретиться с Господом и вернуться в спасительное лоно Православной Церкви. Аминь!

«МИЛОСТЬ ТВОЯ НА МНЕ»*

Воспоминания Веры Николаевны Емелиной, труженицы одного из православных храмов г. Санкт-Петербурга, октябрь 1997 года.

…Сейчас я часто повторяю: «Господи, какая радость! Какой свет для души, что все храмы вновь открыты!!.» Ведь при мне, когда я была ещё маленькой, их рушили… И сколько бед пришлось пережить тогда всем православным верующим во времена страшных гонений на Христову Церковь!..

Много горя и страданий выпало с ранних лет и на мою долю. И раньше я представить себе не могла, что, перенеся столько тяжелейших испытаний, смогу дожить до семидесяти четырех лет и буду трудиться в храме Божием…

Мои папа и мама были очень благочестивыми, глубоко верующими людьми. Очевидно, по их вере и праведному бытию Господь сподобил меня явлениями многих чудес, происходивших со мной буквально с раннего детства.

Мне было около пяти лет, когда родителям сказали, что я уже безнадежная. И вра-

* Скорбным явилось для русских людей двадцатое столетие. И мало кому удавалось незыблемо сохранять в душе веру… О судьбе удивительной женщины наш следующий рассказ.

чи разрешили забрать меня из больницы. Не знаю, чем я переболела тогда, но результатом оказалась водянка. Помню, что везли меня домой на бегунке – коляске с лошадьми, и каждая из рук и ног, непомерно раздувшихся от скопившейся в организме жидкости, лежала на подушке.

Очнулась я потом в своей комнате и обрадовалась, что уже не в больнице. Ещё я очень обрадовалась, когда увидела свой святой угол, и всё лежала и смотрела на него, не спуская глаз… И вдруг увидела воскресшего Спасителя! И моя душа так возликовала Ему!!.

Потом я увидела возле Спасителя Ангела, держащего в руках ветвь. И Спаситель произнёс, обращаясь к Ангелу:

– *Отдай ей ветвь.*

Ангел стал поворачиваться, чтобы дать мне ветвь, но я сказала:

– А у меня ручки не поднимаются… – И попросила: – Поставьте её…

Ангел поставил ветвь в образах и тут же исчез. Спаситель тоже сразу стал невидим. Но с тех пор в течение многих лет я видела эту ветвь в святом углу (пока нас во время репрессий не выгнали из дома).

После необыкновенного явления я перекрестилась, хотя до этого у меня совсем не двигались руки. Потом оперлась на локти и села, а уже шесть недель вообще не могла

Икона Ангела Хранителя

подняться. На следующий же день у меня сошли все отёки. Помню, говорили, что из меня вместе жидкостью вышло очень много песка. Но после этой болезни я совсем не росла, осталась маленькой, а живот непомерно большой. И ещё у меня на руках и ногах потемнели до черноты пальцы.

Через несколько дней после своего чудесного возвращения к жизни я отправилась с мамой в церковь. Вошла в неё, шатаясь от слабости, и, чтобы не упасть, схватилась за ручку двери и говорю:

– Господи! Как же я по храму соскучилась!..

А потом взглянула на иконы и шепчу маме:

– Мамочка, мамочка, посмотри, как все святые мне радуются!

А она мне ответила:

– Это ты, дочка, всем радуешься.

И действительно, тогда мне была дана особая радость – на какой образ ни посмотрю, всё казалось, что все святые мне улыбаются, радуются, что я наконец в храм пришла…

Мои родители много молились, но меня этому никогда не учили. И вот, помню, однажды, когда я была ещё маленькая, мама собралась уходить куда-то. Она прочитала мне «Отче наш» и говорит:

– Выучи, Верочка, это молитву к моему приходу…

Но когда мама вернулась, я расплакалась.

– Что ты плачешь? – спросила меня мама.

– Я «Отче наш» не выучила…

И тогда она сказала:

– Иди, доченька, в храм и учи там эту молитву…

С тех пор всем молитвам я училась только в храме. Детская память очень цепкая, и я, бывало, придя домой после службы, подробно рассказывала Евангелие, которое читали в этот день на литургии.

– А какое сегодня чтение Апостола? – спрашивала мама.

И я рассказывала ей из Апостола, а потом и проповедь, обязательно со всеми пояснениями, как это делал наш батюшка.

С малых лет я очень любила всё церковное! И храм у меня был превыше всего. Но всё же один праздник меня в детстве, по моему малому разумению, очень огорчал – Вознесение Господне.

– Не надо этого праздника, не надо! – как-то разрыдалась я перед торжественной службой, подходя под благословение к нашему владыке. – Не служите, отец архимандрит, а то Господь уйдет от нас! Пусть Он останется с нами!..

– А Он, деточка, всегда с нами, Он всегда в душе верующего человека, – стал утешать меня Владыка. – Господь непременно будет жить в душе каждого любящего Его челове-

Икона «Вознесение Господне»

ка! И ты, деточка, люби Господа всем своим сердцем, и Он никогда не покинет тебя – во всех обстоятельствах твоей жизни всегда будет с тобою рядом!..

Однажды, когда мне было уже лет шесть, я подошла к образам и сказала:

– Господи, Ты видишь, что я возрастаю. Ты же знаешь, Господи, что скоро я буду взрослая. Так Ты не давай мне богатства, а то я Тебя забуду. Но Ты и бедности мне не давай, потому что я на Тебя роптать буду.

А после я обратилась к Богородице:

– Матерь Божия, а Ты сподоби побывать мне во многих, многих храмах!..

Так потом всё и устроилось. В каких только храмах я не бывала за свою жизнь, числа их уже не помню. И богатства у меня никогда не было, но и бедности тоже нет. Словом, всё, что просила тогда маленькая, я получила. И во свидетельство Божией милости ко мне поведаю некоторые подробности из своей жизни.

Родилась я в Херсонской области в 1923 году в городе Геническе. В девичестве фамилия моя была Груббе. Мой отец чех, а мать полька. Кроме меня и братика у них были ещё детки, но они рано умерли. Моя мама работала учительницей. А отец был колбасных дел мастер. Он был очень добрым человеком. И, забивая скот, никогда не делал это варварски, как это происходит в наше время

на скотобойнях. Лишь надрезал какую-то кровеносную артерию, животное потихоньку и засыпало. Разделывая туши, он хорошо изучил, где какой орган. И была у моего отца одна необыкновенная способность – лечить животных. К нему за помощью больной скотине приходили даже ночью. А он хоть в дождь, хоть в снег или вьюгу, но обязательно шёл и лечил – никому не отказывал. Может быть, поэтому давалось ему это непростое дело, требующее специальных ветеринарных знаний, очень легко.

Помню, пришла я как-то раз с папой к одним людям. У них корову разнесло так, что лежала она на боку едва живая. И даже куры уже начали глаза ей клевать, так как она ни на что не реагировала. А их бабушка при виде моего отца заворчала на домашних:

– Надо же – лекаря вызвали! А чего тут лечить-то?! Она вот-вот издохнет…

Но корова та через полчаса на ноги встала. А лечил мой отец её очень просто. Тогда у многих коров, возможно, из-за какой-то инфекции, вздутие случалось, и они от этого погибали. Так он брал пол-литровую стеклянную бутылочку, обвязывал снизу верёвочкой и поджигал её – дно и отваливалось. Потом он вставлял горлышко корове в проход, и весь воздух из живота коровы сразу выходил…

Лечил отец все болезни, даже сап (это такая заразная болезнь, когда у лошадей из ноздрей гной и кровь текут). И, наверное, Господь даровал ему чудесную способность исцелять животных за то, что он делал это всегда безвозмездно. Потому его как-то назвали вторым Святителем Николаем. За помощью к отцу ехали со всех концов города и окрестных посёлков. А потом, в благодарность, несли и кур, и всякую снедь… Только он от этого отказывался. И мог взять только букетик цветов для меня, своей дочки, больше ничего.

Обращаясь к отцу по разным вопросам врачевания животных, люди в местную лечебницу почти не ходили. И однажды ветеринары подали на него в суд. Но собрался народ со всего города, и судьям объяснили, что отец лечит безплатно. И суда над ним тогда никакого не было.

Мой отец умел в жизни многое, и потому наша семья жила при нём хорошо. Он был образованным и очень уважаемым за свой труд человеком. В нашем городе было прежде три храма, монастырь, собор и ещё церковь на кладбище, и на каждые Пасху и Рождество у нас обязательно собиралось всё священство. Гости приходили к нам всегда и на семейные торжества. А отец всякий раз, помню, пёк к праздникам огромные торты на больших противнях…

Однажды с моей мамой случилось следующее. Мы сели вечером всей семьей за общим столом пить чай. Но только мама поднесла ко рту чашку, как внезапно быстро поставила её обратно. Вслед за тем она склонилась над столом и, совершенно недвижимая, замерла на месте, будто мгновенно умерла…

Я кричала тогда и плакала три дня, не давая уйти ей из жизни… А потом, помню, как сейчас, она вдруг встрепенулась и громко произнесла: «Господь прикоснулся земли…» И сразу, как ни в чём не бывало, открыла глаза. Наверное, это был летаргический сон, в котором она провела трое суток…

Был с мамой и ещё один необычный случай. Не помню, сколько лет мне было в ту пору, когда у неё очень заболели зубы. Она лежала в кровати и плакала. А я, не зная, чем помочь ей, побежала в свою комнату к иконам. Встав перед святыми образами на коленочки, начала молиться.

Очень долго и слезно просила я тогда, чтобы у моей мамочки перестали болеть зубки. Молилась Спасителю, Божией Матери и всем святым… И вдруг передо мной появился юноша с длинными волосами, высокого роста и одетый в стихарь, как дьякон, только без ораря. В руке у него была треугольная ладанка. И вот он подаёт эту ладанку мне и говорит:

Икона святого Антипы

– Возьми, отнеси маме. Надень ей на шейку.

А я у него спрашиваю:

– А кто вы?

– Святой Антипа.

Я побежала к маме и кричу, запинаясь от волнения:

– Там, там… кто-то пришёл к нам… Он вот что тебе, мама, подарил… – И протягиваю ей ладаночку.

– Где ты это взяла? – удивилась мама.

– Это святой Антипа принёс…

– Как святой Антипа?!

– Да, – говорю, – он там, около икон. Идёмте к нему быстрее!

Папа с мамой побежали в комнату, но там никого уже не было…

Ладанка была небольшая, на шнурочке. И мама сразу надела её. С тех пор зубы у неё никогда больше не болели. А что было в этой ладанке – неизвестно, мы её не распечатывали. Но мама всю жизнь носила её на шее. Так, с этой ладаночкой, её потом и забрали в тюрьму…

Я запомнила тот необычный случай на всю жизнь. Но сама святому Антипе никогда не молилась, потому что зубы у меня были раньше очень хорошие. А теперь они у меня все повыпадали, наверное, потому, что я святого Антипу о себе особо так никогда и не просила…

Когда богоборцы начали рушить православные храмы, я была в то время в городе

Симферополе. Все верующие собрались и со скорбью смотрели, как с купола снимают крест. Тот, кто это делал, привязался страховкой. Он отломал крест и стал махать им в разные стороны, мол, смотрите: вот я какой, ничего и Никого не боюсь. Потом он сбросил крест на землю, но сам не удержался да вывалился из-за ограды – никакая страховка его не спасла, и он камнем полетел вниз. Упал на мостовую, и все внутренности вылетели вон – живот, от подбородка до самых ног, будто ножом разрезало. И люди говорили тогда: «Получил скотинка по заслугам…»

В тридцать третьем году моего отца взяли на допрос, без всякой причины, и больше домой уже не вернули. При мне его посадили в поезд, чтобы отправить в Мелитополь. А когда их гнали на вокзал (там целая толпа таких, как он, была), я бежала следом…

Как папу забрали, у мамы стало плохо с сердцем. Она сразу слегла надолго в постель. У неё начали сильно отекать ноги, и она не могла ходить. Моему брату, который был на шесть лет младше меня, было всего четыре года, и я пошла работать. Устроилась в большой двор к евреям, где жило всё начальство из горсовета.

Каждый день я носила по десять вёдер воды. А надо было ходить за ней очень далеко, под гору. Я была маленькая, слабая и,

пока поднималась обратно в гору, то часть воды расплёскивала. И мне никак не хотели засчитывать по целому ведру. Тогда я стала таскать их по три – два на коромысле, одно в руке – но мне всё равно считали их как за два. А когда я, наконец, наношу так воды, то получала за это десять рублей.

В ту пору пирожок стоил пять рублей. И вот я покупала на заработанные деньги два пирожочка – братику и маме. Маме же говорила, что нянчусь с хозяйскими детьми, а сами хозяева в это время пекут пироги и мне дают.

Ещё в том дворе я мыла всем полы. За это мне подавали какие-нибудь очистки, шкурочки, корочки сухого хлебца. Так я сама и кормилась…

В то время на каждый дом был налог – сорок восемь килограмм мяса. А наш дом был большой, и с нас потребовали в два раза больше – девяносто шесть килограммов. Через три дня за невыплату налога наложили штраф семьсот рублей. Только мы уплатить ничего не могли. И к нам пришли какие-то люди, вывели нас за руки на улицу, а дом закрыли и замок на дверь повесили. Корову нашу тогда тоже увели…

После всего случившегося, оставшись совсем без жилья, вещей и средств существования, мы с мамой и братишкой поехали в мели-

топольскую тюрьму, узнать, когда выпустят нашего папу. Но его там не оказалось…

Куда мы потом только не обращались!..

И решилась я после всего одна поехать в Москву, к Калинину.

Встала на вокзале (помню, темно было очень) и думаю: «Где юг? Где север?..» Потом осенила себя крестным знамением и сказала:

– Господи, благослови меня!

И вот я наобум села на первый мимопроходящий поезд и поехала без билета. Было мне в ту пору ещё десять лет. Чудом попав на московский поезд, добралась без пересадок до Москвы. И сразу отправилась в Кремль (люди подсказали, как его найти). Пришла туда с заявлением, которое написала, как могла, по-детски. И мне сказали, что заявление мы примем, но лично к Калинину пустить не можем, так как он очень занят. А я на это ответила, что никуда отсюда не уйду, и села там…

Видно, Калинину всё же сообщили об этом. И часа через три меня куда-то повели.

Наверное, его секретарь или заместитель стал задавать мне разные вопросы. А потом меня начали обыскивать в какой-то комнате. Раздели до рубашки и швы стали проходить каким-то аппаратиком: «джук, джук, джук…» И вдруг обнаружили у меня нательный крестик.

Мне сразу приказали снять крест. Но я это делать наотрез отказалась.

– Тогда мы вас не пустим, – сказали мне и велели выйти.

Я одела платьице и вышла из комнаты…

Не шли за мной очень долго, мучили меня там, в пустом, мрачном коридоре, голодную, холодную… И обратно не выпускали, у меня не было пропуска. Через несколько часов меня всё-таки повели к Калинину. Но когда я к нему пришла, тот самый заместитель снова стал ко мне придираться с разными вопросами и под конец спросил:

– Ты верующая?

– Да, – не скрывая, ответила я.

– Это тебя так родители научили?!.. – грозно осведомился он и сразу набросился на меня:

– А ты знаешь, что это плохо?!.. Вера – это вред!!. – надрывался он, в ярости брызжа слюной…

Ещё добираясь поездом до Москвы, я слышала, как в вагоне читали газету про изменников Родины, которые вредили Советской власти. И когда заместитель произнёс слово «вред», я в негодовании решительно вскочила с места и, подбежав к нему, твёрдо произнесла:

– Верующий человек никогда не станет изменником Родины! А неверующий – может!.. Вы – завтра будете изменником Родины! Вы – неверующий!…

– Как?! Я?!.. – вскричал он, побагровев от моих неожиданных слов в свой адрес. По перекошенному лицу невольно пробежала волна испуга, будто его ожидал неминуемый расстрел.

Ещё до того, как заместитель задал мне вопрос, верующая ли я, Калинин стал показывать ему рукой: «Выйди, выйди…», но он всё продолжал на меня кричать. А тут Калинин не на шутку рассердился, стукнул кулаком по столу и сурово приказал ему: «Выйди вон!»

Когда он, наконец, удалился из кабинета, Калинин подошёл ко мне, погладил по головке, а потом прижал её к своей груди и сказал:

– Как ты, деточка, верила, так ты и верь! Я тоже верующий. И жена у меня верующая…

Он прочитал моё не очень понятное детское заявление. И я рассказала ему, как забрали моего папу, и я не знаю, где он теперь, и ещё, что у нашей семьи отобрали дом и нам совсем негде жить.

Выслушав всё, Калинин послал меня в какое-то подвальное помещение, где хранились миллионы маленьких карточек заключенных. Там была такая аппаратура, в которую потихонечку опускали карточку, и она сразу увеличивалась на экране в портрет.

…Долго сидела я в том подвале, но моего папы среди тех карточек так и не нашли. Я очень огорчилась и сказала Калинину, что

нет моего папочки никаких следов и я не знаю, где его искать ещё… А он пообещал мне тогда:

– Деточка, мы обязательно его найдем.

Потом он поселил меня на десять дней в большую гостиницу, чтобы я отдохнула там и смогла полюбоваться Москвой. Он сказал мне:

– Не бойся, деточка, пока ты находишься здесь, дома всё уладится. Я сейчас же пошлю телеграмму, и когда ты вернёшься обратно, то снова будешь жить в своём доме…

Гостиница, в которой я оказалась, была великолепная. Я услышала, что в ней отдыхают все высокопоставленные лица. И сначала мне стали приносить в номер разную еду. Но был Великий пост, и я попросила, чтобы мне варили только картошечку и ничем её не мазали.

Мне очень хотелось посмотреть как можно больше московских храмов. И я уходила из гостиницы рано, в шесть часов утра, когда только открывали входную дверь. Брала с собой в дорогу кусочек хлебушка и больше ничего не кушала. А возвращалась поздно вечером, в десять-одиннадцать часов.

Вначале я пошла в первый ближайший храм. Нашла там старосту и попросила его:

– Отче, расскажите мне, как мне найти другие храмы Москвы? Я хочу их все посмотреть. – И пояснила. – У меня есть такая

возможность: Калинин дал мне такси, и оно будет приезжать за мной каждое утро.

Староста посмотрел на меня внимательно и ответил:

– Вон – матушка Валентина, иди к ней…

Храм был большой, и я быстренько направилась к той женщине, на которую мне указал староста. Но когда стала подходить к ней ближе, ноги у меня закостенели, и я не смогла двинуться дальше. Стою так, позади неё, в нескольких шагах, а она неожиданно обернулась ко мне в полоборота и громко спросила:

– Что ты у меня просишь?

Видно, она была прозорливая.

А я испугалась и нерешительно ответила ей:

– Я хочу во всех храмах… во всех московских храмах побывать.

И она мне вдруг сразу сказала:

– Идём.

Когда вышли на улицу, там стояло моё такси.

– Матушка! Матушка! – закричала я ей, уже осмелев. – Вот машина, мы на ней поедем!

Но она мне в ответ:

– Садись в машину одна и езжай по театрам…

– Я в театры не хочу… – растерянно произнесла я.

– А я на машине не езжу…

– Матушка, я везде с вами пешая пойду! – закричала я испуганно. – Только, пожалуйста, вы меня возьмите!..

И мы с ней пошли… Километров двадцать, не меньше, шагали, выйдя за город. И вот зашли в лесочек. А в нем храм Веры, Надежды, Любови стоит. Но мы с матушкой завернули вначале на кладбище, которое по пути было, в том же в лесочке, при храме.

На кладбище был похоронен батюшка Валентин. И из его могилки, у креста, день и ночь песочек сочился – бежал, как водичка, струечкой. Только подставили бумажечку – и сразу в неё насыпалось. (Я потом этот песочек всю жизнь с собой носила.) А народу у могилки было множество, и все пришли за песочком. Хорошо, что я попала туда с матушкой, – меня с ней вперёд пропустили. А одна, наверное, и за сутки бы к могилочке не подошла.

Говорили, что батюшка Валентин был великий старец. Он очень любил людей и очень за них молился. И кто бы к нему на могилочку ни приходил и с чем бы ни приходил – все получали просимое и исцелялись. Потому на кладбище этом и были всегда большие толпы.

Мы помолились у батюшки Валентина и отправились в храм Веры, Надежды, Любови.

Когда мы в него зашли, там было очень темно, его окружали большие деревья и заслоняли собой весь свет. А матушка Валентина сразу сказала мне:

– Иди, прикладывайся...

Я походила кругом, обошла все образа и вернулась к ней, но она мне опять:

– Иди снова – не везде приложилась...

И так несколько раз (матушка была очень строгая).

Потом я, наконец-то, увидела, что на амвоне мощи Веры, Надежды, Любови стояли – пальчики, ручки обгорелые (их же на костре жгли). И матушка велела, чтобы я заказала себе молебен.

Молебен служили два священника. Он был водосвятный. А чашу со святой водой батюшки над моей головой держали. И я не помню за всю свою жизнь, чтобы где-нибудь ещё потом делали так.

Когда воду освятили, меня облили ею и дали напиться. Затем мне вынесли из алтаря бутылочку с водичкой, на которой была выдавлена в стекле стопочка Божией Матери, а вокруг неё сияние... Эту водичку я потом всю войну у себя за пазухой носила. Она у меня и до сих пор есть, и я её никогда даже не доливала. Бывало только, что брала другую бутылочку с водицей, а в неё из той бутылочки со стопочкой несколько капелек добавляла. И хранится у меня пузыречек из алтаря храма Веры, Надежды, Любови с той самой святой водичкой вот уже 64 года.

Тогда в этом святом месте я получила исцеление – у меня вдруг не стало рахитичного

Икона святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии

живота и все ногти на пальчиках сделались белыми.

Когда мы с матушкой шли обратно в Москву, она объяснила, что по святыням нужно ходить везде только ногами. И я робко спросила её потом:

– Матушка Валентина, как же завтра?..

А она благословила меня и сказала:

– Во всех, деточка, храмах сама побываешь…

Так никто, кроме неё, меня по московским храмам больше не водил.

Матушка не разрешила пользоваться такси, и я в нём не разу не ездила, везде сама бегом бегала… Выходила ранёхонько из гостиницы, но всё равно каждое утро уже машина ожидала, так как Калинин наказал обязательно возить меня, куда я захочу. Я заполняла водителю путёвочку на весь день и говорила: «До свидания». А он был рад, что целый день свободен. И так все дни, пока я жила в гостинице…

За десять дней пребывания в Москве посчастливилось обойти очень много храмов. При этом я совсем не чувствовала усталости и не хотела ни пить, ни есть, ни спать. Я будто не ногами ходила, а летала и радовалась всему великой радостью, часто-часто прося в те тяжкие для верующих людей времена:

– Господи, если б совсем мне не выйти из этого храма, если бы не уйти мне с это-

го кладбища… Господи, сподоби меня!.. – всё умоляла я…

Я любовалась тогда ещё многими не порушенными московскими храмами, тем несказанным величием и подолгу не могла отойти от святынь…

Когда я уже собиралась домой, мне вдруг принесли целый чемодан гостинцев. Там было много продуктов: и конфеты, и шоколад, и виноград, и разное другое. Мне выдали в гостинице сразу всё, что должны были давать из еды каждый день. А ещё Калинин дал мне в подарок книжечку талонов. С ней можно было прийти в Москве в любой магазин и купить, что захочется. И я тогда, по-детски, так и сделала – набрала на талоны всё, что могла. (Это было нелёгкое для нашего народа время, тридцать третий год…)

На поезд меня проводили со всей моей поклажей на такси. Купили билет в мягком вагоне. И обратно домой я ехала, можно сказать, с шиком. Совсем не так, как добиралась без билета в Москву и сидела всю дороженьку сгорбившись, чтобы контролеры меня не заметили.

Когда я вернулась, мама была уже в нашем доме. Я бросилась к ней и принялась обнимать её. А она вдруг испугалась и даже стала отстранять меня от себя руками. И не удивительно, что она сразу не признала свою дочь.

Ведь я за десять дней пребывания в Москве исцелилась от рахита и очень выросла. Но с тех пор я больше не росла, так и осталась низенькой, с десятилетнего ребёнка, на всю свою жизнь…

В те безбожные времена православные были вынуждены скрывать свою веру, так как многие русские люди вокруг были уже атеистами. И как-то в школе учительница заметила под моей белой рубашечкой нательный крестик. Она тут же отослала меня к директору. А та, узнав, что я ношу крест, очень рассердилась да как закричит на меня:

– Снять немедленно!

Но я спокойно произнесла:

– Не сниму.

Это разозлило её ещё больше:

– Тогда вон из школы!

Но я не растерялась и ответила ей:

– Из школы я не уйду, потому что сам Калинин сказал мне: «Как ты верила – так и верь…»

– Да где ты его видела?! Во сне, что ли?! – с издевкой, зло молвила директор.

– Нет, не во сне, а в его кабинете, – так же спокойно отвечала я и рассказала ей, что ездила в Москву и говорила в Кремле с самим Калининым. А затем опять повторила, что он сказал мне: «Как ты верила – так и верь!»

Директор на какое-то время растерянно замолчала, очевидно, пытаясь переварить

в уме услышанное. Потом она как-то криво, неестественно заулыбалась и, изменившись в голосе, заискивающе проговорила:

– Ну, ты, конечно же, Верочка, в школу ходи... Только крестик перед этим всегда снимай. А вернешься домой, можешь его, если хочешь, опять надеть...

Но я осталась тогда непреклонна, твердо молвив в ответ:

– Я никогда его не сниму!

С тех пор ни директор, ни учителя больше не пытались воздействовать на меня из-за крестика ни уговорами, ни угрозами. А сами дети в школе меня за веру никогда не обижали. Они любили меня – я им всё про Москву рассказывала...

Но вот дочку мою в школе очень обижали. Было это уже в конце шестидесятых – начале семидесятых годов. Жили мы в ту пору под Ленинградом. Люсенька родилась в 1951 году. И её с первого класса до восьмого (пока она совсем не ушла из школы) всегда били и смеялись над ней: «Богомолка, богомолка...» за то, что она крест носила. Его заметила както учительница физкультуры и выгнала дочку с уроков.

Я пришла тогда в школу и спросила учительницу:

– Почему вы мою дочку выгнали?

А она мне сердито:

– Она в кресте!

Я очень расстроилась и говорю ей:

– Но она же не безобразничала, никого не обидела и плохого никому не сделала...

Только учительница и слушать ничего не желала, а всё кричала и кричала на меня. Ох, как доставалось от неё моей бедненькой доченьке!.. А потом неожиданно случилось, что эта учительница в том же году заболела, пожелтела вся. И оказалось, что у неё рак. А мне её очень жалко стало. Я уговорила её поехать к себе на родину на Азовское море, к своей духовной подруге. И там ей вдруг сделалось лучше.

Потом она ездила туда ещё три раза, и рака у неё уже не признавали. Но, к сожалению, верующей она не стала, хотя и сподобилась чудесного исцеления. И у неё после этого другое горе произошло – мужа убили. Чудный он был человек, безукоризненный, все знали его и любили очень. А вот лишили жизни, непонятно за что, и в Неву бросили, а кто это сделал – неизвестно. Но даже после этого она к Богу так и не пришла…

Через три года у нас с мамой и братом дом опять забрали. И я стала работать санитарочкой в больнице. А устроилась я в неё так. Пришла навестить одну знакомую больную и спросила главврача:

– Можно побыть здесь хоть один денёчек, за больными поухаживать?

Было мне тогда уже тринадцать лет. Но с моим небольшим ростиком я казалась гораздо младше. И главврач не сразу разрешил мне остаться в больнице. Но когда я проработала там сутки, он сказал:

– Приходите работать ещё.

Я обрадовалась этому и тут же осталась на вторые сутки. А отработав их в терапевтическом отделении, поблагодарила главврача и собралась уходить. Но он отметил, что ему очень понравилось, как я забочусь о больных:

– Идите к нам работать, – с ходу предложил он.

От неожиданности, смутившись, я лишь ответила тогда:

– Да нет, я больше не приду, спасибо вам за всё…

Но он вдруг и заявляет:

– А мы вас уже приказом по работе провели. Пусть мама принесёт ваши метрики.

Я бросилась от него со всех ног, прибежала к маме и испуганно объясняю ей, оправдываясь:

– Мамочка, миленькая! Можете мне поверить?! Я ничего плохого не сделала – ни одну тарелочку не разбила, никакого больного не обидела… За всеми хорошо ухаживала, а меня взяли – приказом провели! (Я не знала тогда, что это такое.)

Мама прибежала в больницу и говорит со слезами:

– Ведь ей только тринадцать лет! Ну разве сможет она здесь, с больными, работать?!..

А главврач ей в ответ:

– Сможет, сможет! Ваша дочка – прирожденный медик, и мы её не отпустим!

И на самом деле, такие чудеса со мной происходили потом во время дежурств, что было видно: работа эта дана мне свыше.

В больницу часто поступали тяжелейшие больные, которые были уже при смерти. И я просила у Господа:

– Не дай умереть тем, которых я принимаю, Господи!..

Я ходила по палатам даже ночью и прислушивалась, может быть, кто-то из них стонет и кому-то нужно положить грелочку, а кому-то лед. И всегда молилась: «Господи, помоги!..» Начинала ухаживать за умирающим больным всегда с молитвой, кормить его, и он вдруг поднимался. А я этому так радовалась!.. За десять лет работы при мне не умер ни один больной. Такая мне была всегда помощь Божия!..

В акафисте «Слава Богу за всё» есть слова: «Когда Ты вдохновлял меня служить ближним, то один из безчисленных лучей Твоих падал на моё сердце, и оно становилось светоносным, как железо в огне…» И действительно, когда я ухаживала за больными, в сердце у меня словно горящий Божий луч был. Я

всех их так любила, – независимо от возраста и пола, старый он или молодой, мужчина или женщина.

Но всё же особенно я любила не тех, городских, что с комфортом в больницу приходили, а у которых от земли – все пяточки потрескались и в голове вши. Это были женщины из колхозов. Они с утра и до ночи на полях и на фермах без отдыха трудились, и им некогда было за собой ухаживать.

Раньше в больницах «приемного покоя» не было. И когда привозили такую больную, то я её сразу в ванну. Помою её, пяточки попарю, глицерином их залью и бинтом замотаю. А головку «слабодилкой» намажу (это такое у нас средство от вшей имелось), потом завяжу пелёночкой и до следующего своего дежурства оставляю. А когда приходила опять в больницу, то лишь потреплю у неё волосики – всё с них сразу сухой шелухой и сходило. Ни одной женщине никогда волосиночки не обрезала, хотя мы были обязаны, если вши, тут же сбривать наголо.

Очень я жалела этих простых женщин. И всегда им новенькое бельё давала. У меня в ведении было два шкафа – с новым и с застиранным бельём. И я, зная, что у себя дома они на лохмотьях спят, думала: пусть хоть в больнице полежат на свеженьком, беленьком. А городским больным давала стиранное. Все

врачи об этом знали и ничего мне не говорили. И главврач знал про это, но он понимал, что я делала так от всей души из жалости к бедным, измученным непосильным трудом женщинам.

Ночью на дежурстве я спать никогда не ложилась. И пока больные отдыхали, делала потихонечку всё необходимое, а потом успевала и двери помыть и даже ручки до блеска начистить. Это Господь давал мне такую неимоверную силу, как и в десять лет, когда я в гору на себе воду таскала и полы мыла. А тут, в больнице, меня, тринадцатилетнюю, сделали старшей санитарочкой, и все взрослые были в моём подчинении. Разве это было возможно без Божией помощи?!.

Как и в раннем детстве, я по-прежнему любила ходить тогда в храм Божий – он был для меня всем. Бывало, стояла там, не шелохнувшись, и впитывала в себя полностью, что пели и читали. А когда выходила из него, всё казалось, что не ногами по земле ступаю, а легко плыву по ней без устали... После службы старушки домой отправлялись, а я хватала их под ручки и тащила за собой, помогая им в гору подняться. Во мне после литургии всегда такая сила бывала, что могла бы, наверное, их и на плечи взять! И такая радость на душе, которую в словах не выразить!..

Но за то, что я верующей была, меня в то время многие неверующие люди презирали

и притесняли. И смеялись надо мной: «Как такая молодая девица да с тёмными бабками в храм ходит?!.» Но мне всё это было безразлично – так я сильно всю жизнь Бога любила!.. И Господь меня хранил всегда. Дважды я в крушения поездов попадала и лишь чудом Божьим осталась жива. В 1934 – 1935 годах в нашей стране было большое вредительство, часто портили железнодорожные пути и поезда шли под откос. И первый раз, когда я ехала хлопотать по поводу коровы, кто-то раскрутил рельсы. Я спала тогда на нижней полке, а на второй лежал мужчина. Когда поезд сошёл с рельсов, первый вагон влетел во второй, другие же вагоны свалились набок. И такие страсти при крушении были: крик, слёзы, стоны, всё в крови… Меня тоже с нижней полочки сбросило, и лежала я какое-то время на полу в большой луже крови, и сама вся с ног до головы в крови… Потом немного пришла в себя, села и удивлённо произнесла вслух:

– Господи, почему у меня ничего не болит?!

«А-а-а! – подумала уже про себя, – это я в горячке сейчас, наверное, и у меня всё после заболит… Ведь сколько крови из меня вышло!..»

Но на самом деле оказалось, что пострадал мужчина, который был надо мной. Во время очень сильного толчка полку захлопнуло и

его раздавило. И это всё его кровь была, которая лилась на меня сверху. А меня саму даже нисколько не царапнуло, хотя там ещё такие жертвы были!..

Я думаю, что осталась в той аварии невредимой только из-за того, что, когда села в поезд, оградила себя крестным знамением, а потом всю дорогу молитвы читала.

Второй раз я попала в крушение, когда взорвали железнодорожное полотно. Тогда какой-то мужчина бежал навстречу поезду и пытался предупредить машиниста об опасности. Он порезал руку ножом, пропитал своей кровью рубашку и, приделав на палку, махал ею, стараясь остановить поезд. Но всё равно от внезапной остановки состава произошёл мощный толчок. Пассажиры попадали с полок и сильно расшиблись. А ещё в вагонах вылетели стёкла и покалечили многих людей. Мне же осколком лишь немного поранило щёку.

Господь и в дальнейшем много раз уберегал меня от смертельных угроз…

В 1936 году стали забирать наше священство, чтобы в лагеря потом отправлять. И я, как ни было это опасно, всё по тюрьмам тогда ходила.

Исполнилось мне к тому времени четырнадцать лет. И вот приезжала я в Мелитополь, занимала очередь к тюремному окошечку и

стояла, ждала. Народу там с передачами было всегда множество, а принимали их только до указанного часа. Но когда уже подходил близко черёд, двери передо мной захлопывались.

– Всё, – говорили, – не принимаем сегодня больше передачи…

Я шла, набирала немножко соломочки и садилась на неё. И так сторожила свою очередь, всю ночь, за которую несколько раз переклички делали. И кто уходил, того обратно в очередь уже не пускали.

На второй день, только снова подходил мой черёд, а из окошечка опять: «Всё…»

И я ездила-ездила так, мучилась-мучилась… А потом однажды увидела во сне, что какой-то угодник Божий мне милость некую оказывает. И утром я встала уже такая весёлая. «Ну, – думаю, – раз мне сон был радостный, передачу сегодня обязательно передам!»

Снова отправилась тогда в мелитопольскую тюрьму, а добираться нужно было около ста километров. Приехала с надеждой, что меня сегодня пропустят, но когда очередь уже совсем близко была, окошечко вновь закрыли. И вдруг меня осенила мысль: пойти к начальнику тюрьмы. Мне это будто Ангел твёрдо сказал: «Иди!»

Но для того, чтобы передать заключенному передачу, необходимо было ещё иметь с ним родство. Если это священник, то я долж-

на была быть по крайней мере его внучкой, если монах, то племянницей. И вот я, решив опять прибегнуть к известной в то время фамилии, набралась смелости, пришла к начальнику тюрьмы и прямо с порога выпалила ему:

– Я буду жаловаться на вас Калинину, потому что я его знаю, я у него была!

Тот, очевидно, опешив от моего внезапного, смелого заявления, недоуменно спросил:

– Почему на меня? За что?..

– Ну как же на вас не жаловаться?! Какой раз приезжаю сюда после работы… – стремясь не терять присутствия духа, я хотела высказать ему всё до конца.

– Вы – работаете?! – немного приходя в себя и, наверное, не поверив моим словам, перебил меня начальник.

– Да, в больнице, санитаркой, – изо всех сил стараясь не смущаться, продолжила я, – отработаю сутки, потом, без сна и отдыха, сразу сюда еду! А отсидев здесь два дня и две ночи, так ничего не передам… и возвращаюсь обратно, опять на сутки в больницу!..

Начальник, глядя испытующе-пристально, продолжительное время молчал, словно тщательно изучая меня и о чём-то раздумывая, а потом сказал:

– Хорошо, дам тебе пропуск, и ты будешь передачи без очереди сдавать, сколько тебе надо…

Вот как чудно умолил за меня не знакомый мне святитель!.. И как же всё удивительно тогда получилось! Ведь если бы я наконец смогла отдать передачу, то к начальнику тюрьмы уже не пошла и пропуск бы не получила… А сколько я с этим пропуском ходила потом, к кому хотела!.. И сначала в тюрьму как на крыльях летела. Приходила с передачей, в форточку пропуск показывала, и мне сразу даже свидание давали!..

В этой тюрьме наш отец архимандрит сидел. Звали его Нафанаил. Такой был молитвенник!.. Пришла я к нему первый раз, а у него ручка на перевязи висит, сломанная. Я увидела, испугалась за него и спрашиваю огорченно:

– Отец архимандрит, что с вами?

Но разве он мог что сказать?!

– А это я в бане упал…

У него раньше волосы длинные были. Пришла я к нему в следующий раз, а они у него с одной стороны есть, а на другой стороне головы их все вырвали. И я спрашиваю его, сдерживаясь с трудом, чтобы не разрыдаться, а у самой ком в горле:

– Отец архимандрит… вы опять в бане упали?!.

И он кротко мне так:

– Да…

Вышла я тогда из тюрьмы вся в слезах и стала думать: «Что же мне делать, чем по-

мочь?!.» И вдруг меня осенила мысль: «Табак!» Я поняла, что это бандиты бьют и таскают за волосы отца Нафанаила. Ведь священство сажали в камеру вместе с преступниками, которые над ними издевались и всё у них отнимали. И решила я этим бандитам табак носить.

Раньше табак продавали стаканами. И вот я купила довольно большой мешок табака и стала в передачи его класть. А вскоре получила от узников записку: «Лялечка (они меня все так ласково называли), милая! Теперь нас не бьют и передачки не отнимают за этот табак...»

А ведь никто из людей мне даже и не подсказал, что для бандитов главное – курево, что они там, в тюрьме, без табака злые такие.

С того времени я и стала всему священству табак в передачки докладывать. Но однажды вышло у меня с этим искушение, ведь враг силен устраивать разные козни. Ездила я тогда в тюрьму ещё к нашему священнику, батюшке Константину, в Херсонскую область. Его матушка рано умерла, и остался он один с четырьмя деточками, дочками (все хорошие потом выросли). И одна его дочка, когда я навещала их отца, работала за меня в больнице, так как у них передачи не принимали, а у меня с пропуском брали.

Стала я при ней в передачу мешочек с табаком класть, а она и спрашивает меня настороженно:

– Это что?!

Я отвечаю:

– Табак.

– А зачем он?!

Я не стала ей объяснять ничего, но спокойно сказала:

– Так надо…

– Это вы нашего папу позорить станете?!. – не будучи в курсе происходящего, возмутилась она.

И мне пришлось ответить ей на это:

– Раз вы мне не доверяете, тогда берите передачу и везите сами.

Но она опять возбужденно:

– Так от нас же не принимают!..

– Ну, раз от вас не принимают, – снова говорю ей спокойно, – тогда имейте на всё терпение и смирение…

Потом от её отца из тюрьмы мне письмо пришло. Он писал: «Лялечка, получил твой подарок – табачок. Как он нам тут помогает! (А сидел он в камере с ещё одним священником.) Как мы сейчас здесь царствуем. Всё посылочку твою кушаем. И никто нас здесь не обижает, никто нас не бьёт…»

Показала я тогда это письмо отца Константина его дочке. Она прочитала и стала мне слёзно кланяться:

– Прости меня!..

И тогда я объяснила ей, что Господь милость такую подал – надоумил меня в пере-

дачки для заключённых табак докладывать. Поняв всё, она очень радовалась, что папочка своей ручкой пишет…

Так я и ездила в те страшные годы по разным тюрьмам, то в Мелитополь, то в Херсон, где всё наше священство томилось… И как же их нестерпимо жалко было, когда приходила к ним на свиданье, на какие-то пять минут!.. Не знала, что спросить у бедных узников, и не знала, что им сказать… И плакать боялась, чтобы не расстраивать… Бывало, пока доберусь до тюрьмы, всё плачу. А как на свидание попаду, там уж от слёз держусь… Но и слова тоже не могла никак выговорить – такой камень в груди!.. Всё думала: «За что они здесь?! Ведь они Божии молитвеннички, молитвеннички за весь мир! А их сюда запрятали…»

Господи, какие ужасы и надругательства пережили они все, наши пастыри, за грехи русского народа!.. На допросах над ними издевались страшно, изматывали… Что над ними только не делали, считая их политическими, врагами Советской власти. А в камерах их бандиты жестоко избивали… И никто потом оттуда не вернулся, так по тюрьмам все смерть и приняли…

А перед войной, в сороковом году, мы были с мамой на похоронах митрополита Константина (Крутитского).

Увидела я его впервые в тридцать восьмом году, когда от нас нашего архимандрита

переводить хотели. Приехала я тогда в Киев и пошла к самому митрополиту в лавру. Он сидел на красивом троне, а вокруг него было много-много священства. И такой он был величественный и невыразимой духовной красоты, что когда я взглянула на него, то сразу подумала: «Господи! Словно Сам Спаситель передо мной!..»

С детства привыкла я брать у священников благословение, а тут растерялась и не знала, как к ним ко всем подойти и к кому первому. Потом всё же решилась подойти сперва к митрополиту, а язычок у меня вдруг и отнялся. Стою и не знаю, что сказать. А он увидел, что я испугалась, и молвил так ласково:

– Сядь, детонька, сядь. Расскажи мне, с чем ты ко мне пришла?

И я ему робко:

– Отца архимандрита хотят от нас переводить… Но, пожалуйста, оставьте его нам – мы без него жить не сможем!

– Да как же я его переведу, – ответил он мне серьёзно, – если вы без него жить не можете?!.. Никуда не переведу, – твердо добавил он.

А потом владыка митрополит написал что-то на бумаге и сказал:

– Вот тебе мой адрес. Приезжай ко мне в гости.

На прощание он мне подарил ещё духовные книги.

Вскоре я снова поехала в Киев, по своим делам. Там мы с мамой всегда останавливались у жены генерального прокурора, которая была очень верующая. В гостях у неё часто собиралось священство, и она обязательно угощала всех. А за столом происходили беседы о земной жизни, о вере в Бога и о том, как человек должен готовиться к жизни будущей.

Из прокурорского дома я отправилась в гости к владыке митрополиту. Пришла к нему по указанному адресу, и на мой стук вышла из дома монашечка:

– Что вы хотите? – спросила.

Я ответила ей смущенно:

– Мне к владыке…

– А он сейчас очень занят, – сказала она.

Но владыка в этот момент увидел меня в окошечко и сам ко мне вышел. На нём была, как сейчас помню, нежно-нежно салатного цвета ряса с вышитым поясом.

– Иди, моя дорогая гостья, иди ко мне, – снова сказал он мне ласково, – давно тебя жду.

…Господи! Помилуй меня, грешную!.. К нему какая-то простая девчонка пришла, а он меня так встретил, так искренне радовался!.. И сколько он мне подарков надавал тогда!.. Потом сам проводил, с крыльца со мной сошёл. А когда он благословлял, то моя душа, как и в первый раз в лавре, пришла в такое состояние, что я почувствовала: она вот-вот

в небо улетит... Был он необыкновенный молитвенник!..

Тот раз был последним, когда я митрополита Константина (Крутитского) живым видела. Его потом тоже в тюрьму забрали. В ней он и умер... Хорошо, что добрые люди об этом сообщили. И моя мамочка с женой прокурора выкуп в тюрьму носили, чтобы его тело нам отдали, а не бросили с другими заключёнными в яму, которую специально для них копали.

Тело владыки привезли на машине ночью, вместе со священством и гражданскими. И все там были нагие. Только его одного завернули в простынку, потому что мы за него деньги большие дали... А у нас уже было всё приготовлено: и белоснежное облачение, и гроб хороший... Пришли потом священники – митрополита облачать – тайком, иначе их тоже могли посадить.

Владыка был средних лет. И такой красоты, даже усопший, что не припомню, видела ли я ещё когда такую неземную красоту!..

Хоронили его, умученного, в три часа ночи, в Киеве, на Бойковском кладбище. Но когда я потом туда ездила, то могилочку его так и не нашла (жена прокурора к тому времени уже умерла)... Но всё равно это была великая милость Божия, что владыку похоронили по-христиански, а не бросили безвестно в яму, как многих других служителей Божиих...

Да, сколько горя и страданий вынесли тогда верующие люди!.. В сорок втором году взяли и мою мамочку. Когда она первый раз в тюрьму попала, ей сделалось плохо. И её чудом Божиим отправили на время в нашу больницу. Она рассказывала мне о том, как над заключёнными на следствии страшно издеваются. Ей самой наматывали на ручку двери волосы и захлопывали эту дверь…

Потом мою маму опять взяли, прямо из больницы и больше не вернули. О ней, разыскивая её, я хлопотала двадцать лет. И только в настоящее время мне пришло извещение, что она осуждена неправильно и её реабилитировали. У меня на это все документы есть… Но на папу никаких документов нет. И мне ничего о нём не известно. Его тогда забрали и, наверное, сразу же уничтожили…

Когда уже во время войны после сильных боёв в наш город внезапно пришли немцы, я осталась совсем одна, потому что моего братика тут же угнали в Германию.

Я очень скорбела о всех своих близких, много плакала и даже не хотела жить. И стала молиться тогда:

– Господи, Ты видишь мою скорбь! Пошли мне Ангела утешителя. Пошли мне, Господи, крепости сил, чтобы я могла всё это терпеливо перенести!..

Вскоре наш старенький батюшка увёз меня с собой в Херсонскую область, где я ста-

ла работать в санбате. Там часто приходилось быть одной и за медсестру, и за врача. Надо было оказывать хоть какую-то помощь, а под рукой не находилось даже самого простого… Приносили мне раненого с переломом, а я не знала, как быть. «Матерь Божия! – кричала от безысходности. – Помоги! Подскажи, как правильно сделать, Матерь Божия!..» После этого отламывала от фанерки два кусочка и привязывала их к сломанной кости какой-то тряпкой (бинтов у нас в то время совсем не было). Потом мы отсылали тех раненых в госпиталь. Но ни один из них не получил тогда заражения. Разве это не милость Божия?!.

Мне не раз приходилось выпрашивать у жителей деревни разных тряпочек. Вот однажды пришла к старушке, а у неё в доме марлевые занавески висят. И я стала просить её:

– Бабуленька, нечем раненых перевязывать, дай что-нибудь…

Но она сердито заворчала:

– Всё только ходите, то немцы, то вы, и всем вам дай…

От таких грубых слов стало очень больно в душе, и я с горечью сказала ей:

– Что ж это вы?!. Не на наряды себе прошу, а от великой нужды – на раны, воинам нашим!.. У меня в санбате от кровопотери совсем ещё мальчик умирает, которого мамочка с войны живым ждёт и плачет, не зная, где он…

Икона Божией Матери «Скоропослушница»

Со мной был солдатик, и я приказала ему:
– Снимай!..

Через некоторое время в санбат пригнали огромную машину, «студебеккер», полную трофейной шёлковой марли. Какая это была радость, Господи! Бывало, привязывали её на кровавую гнойную рану, а после перевязки уже не выбрасывали. Постираем, водой сполоснем, и всё сразу от неё отходит. Потом вешали на верёвку, и марля тут же высыхала, её можно было снова на раны накладывать.

Тогда этой марли столько тюков привезли (шириной три метра), что всем старушкам, которые мне на больных что-то давали, я нарезала кусков, в два-три метра, и быстренько по домам разнесла. Не дала лишь сразу той, что занавески свои жертвовать не хотела, а решила её немного проучить. Все бабули надели на головы вместо шарфиков красивую шёлковую марлю да в церковь пошли. А она увидела и прибежала ко мне. Но я ей сказала:

– Вы в крайней нужде пожалели для раненых… И теперь мне жалко вам дать, когда у нас даже в избытке.

Пошла она понурая прочь. А я передала другой санитарке отрез и послала вдогонку. И она сунула ей марлю со словами: «Держи, прячь скорее…» Посмотрела я той торопливо семенящей бабуле вслед и подумала: «Эх, старый человек, а какую нам, молодым, на-

уку показывает: пожалела каких-то занавесок, чтобы покалеченным в сражениях воинам – защитникам нашей многострадальной Родины – посильную помощь оказать…»

К нам в санбат с поля боя иной раз попадали совсем безнадёжные бойцы. Но так хотелось спасти их всех!.. Начиная ухаживать за таким раненым, я молилась, просила Господа о его жизни. И порой кто-то из них вдруг всё же выживал. Это было такое милосердие Божие!.. И такая радость была, такое счастье для души, что через мои немощные руки польза была на войне людям…

Когда в санбате уже работали медсестры и врачи, я ходила собирать раненых. И нередко случалось заниматься этим делом сутками (иногда совсем без отдыха). А вокруг, на местах сражений, ничего не было видно, и непонятно было тогда, день это или ночь, – немцы пускали дымовую завесу. И я делала так: трогала ладонями свои плечи, и если они теплые – значит, день, солнышко светит, а холодные – ночь. Шла я по полю боя почти наощупь и всегда очень молилась, просила Господа о помощи.

От тяжёлых носилок руки у меня стали как деревянные, и пульса у раненых я уже не чувствовала. Поэтому было трудно обнаружить, в каком состоянии лежит человек. И тогда я прикладывалась щекой к его губам и сразу ощущала, живой он или нет.

Однажды, когда я так проверяла бойца и обнаружила, что он умерший, мимо меня пробежал другой солдат. Я поднялась, чтобы идти дальше, искать раненых, как вдруг увидела, что тот, который только что вперёд меня вырвался, уже на земле распростёр руки…

Он лежал с открытыми глазами, совсем ещё юноша!.. А поперёк него, на его ногах выше колена, стояли гусеницы немецкого танка…

На поле боя голова совсем не работала, в мыслях было только одно: «Спасти, спасти, спасти, спасти…» – словно кто-то так в уши всё время шептал. И вот я подбежала к этому юноше, схватила его за плечи и принялась тащить. А из люка фашистского танка вдруг вылез немец, тоже совсем молодой парень, и удивленно спросил меня:

– Энгель, медхен, вас из лёс? (ангел, девушка, что ты делаешь?)

В накативших безудержном отчаянии и боли я закричала на него что есть мочи:

– Га-а-ад!!! Га-а-ад!!! Проклятый га-ад!!! Что ты наделал?!! У меня ничего нет – тебя убить!.. Зачем ты убил его?!!

Внешность этого немецкого паренька запомнилась мне на всю жизнь. Тогда я сама была девчонкой и думала, что он преступник, убийца… Я проклинала его в то время... А теперь я понимаю по-другому: это несчастное

дитё, и он не виноват... Его на войну послали, быть может, против его воли, где он должен воевать, убивать других людей... И я не знаю, что случилось тогда, как мой солдатик попал под танк... Может, хотел подорвать его и бросился под гусеницы?!. А если бы немецкий танкист был действительно гад, он раздавил бы и меня. Но он же меня не тронул! И он не сказал: «Дура, что ты делаешь?!» А назвал меня «ангелом»... Но я ругала его тогда...

Много невыносимых, нечеловеческих скорбей пришлось пережить в годы войны. И особенно тяжко становилось на душе, когда раненые лежали в предсмертной горячке и им нечем было помочь, потому что у нас в санбате для этого ничего не имелось...

– Мама... мама под окошечками!.. Она ко мне пришла! Пустите её!.. – кричал совсем юный восемнадцатилетний солдатик.

– Не могу, Сашенька, – еле сдерживая слёзы, отвечала я, – не могу пустить её к нам в санбат, потому что на улице очень грязно...

– А она разденется, босынькая пройдет! Пустите мою маму!..

...Он шёл в бой, на смерть, ещё ребенок, и звал самую близкую: «М-а-а-а - м-а-а-а...» А когда умирал – увидел, что она к нему пришла, с ним попрощаться... Это за три тысячи километров!!.

Как же тяжело было юношей хоронить!.. И каждого, каждого я с молитвой оплакивала…

Помню, у нас в санбате лежал паренёк, который сам хотел умереть. Он стал уже поправляться, и его должны были выписывать. Только вдруг, по непонятной причине, он объявил голодовку, его раны вновь открылись и закровоточили.

Прошло уже девять дней, как этот юноша ничего не ел. Он лежал, отвернувшись к стене, и ни с кем не разговаривал. А если кто-то приносил ему поесть, бросал в него тарелкой.

К тому времени у нас в санбате была уже своя кухня. Нам завезли все продукты и больным давали и первое, и второе, и третье. И вот я решилась поговорить с ним.

– Степочка, ну зачем же ты так?.. – спрашиваю. – Тебе необходимо хоть немного покушать… – Попыталась ему ещё что-то сказать, но он на меня сердито:

– Уходи!..

– Не уйду, – осмелилась я, – потому что ты мне не враг… Ты брат мой. И я очень хочу, чтобы ты выздоровел!

Долго пыталась я говорить с ним ласково, только он всё молчал. А потом неожиданно признался:

– Я хочу умереть…

И он рассказал мне, что его отца убило прямо у него на глазах (они воевали с ним в

одной части). Самому ему оторвало ногу. А дома осталась больная мать с семерыми детьми. И он боится возвращаться на родину, чтобы не стать в своей семье лишним едоком.

– Такой калека никому уже не нужен!.. – проговорил он под конец с досадой и, не выдержав, горько заплакал.

Как могла, я стала утешать его. А потом вдруг вспомнила:

– Знаешь, – говорю, – у нас здесь есть пожилой санитар, который всю жизнь мечтал иметь сына. И раз ты не хочешь к себе домой, оставайся у него!

– Он не возьмет безногого… – в отчаянии промолвил юноша.

Но я вскочила с места и ободряюще воскликнула:

– Возьмёт, возьмёт! – и тут же помчалась в деревню.

Там действительно жил одинокий мужчина, который помогал у нас в санбате. Я прибежала к нему, наскоро рассказала всё и говорю, даже не спросив его согласия:

– Пойдем!

…Вернулись мы к этому молодому бойцу уже вдвоем.

– Ну, Степа, – говорю, – вот тебе и отец!

– Зачем я ему без ноги нужен?!

А санитар не растерялся:

– Нужен, нужен! – отвечает. – Ещё как нужен! Сделают тебе искусственную ногу и бу-

дешь топать. Пошлю тебя потом учиться. А когда выучишься, работать будешь и станешь мне, старому, ещё и по хозяйству помогать. Ты же теперь мой сын!

– Ну ладно... – через некоторое время нехотя согласился паренёк.

С тех пор он потихонечку начал есть. А когда немного поправился, его перевезли в госпиталь. Там он уже окончательно выздоровел и уехал к себе на родину. Потом он письмо мне прислал, что жизнь их наладилась: дом покосившийся поправили, крышу отремонтировали, а он работает в колхозе бригадиром, и даже коровка теперь у них есть.

Всё это время я очень молилась о нём. И так была рада, что Господь через меня милость такую послал – жизнь этому пареньку сохранил и к нормальному существованию вернул!

После санбата я работала в госпитале. Там тоже пришлось немало смертей повидать... Но многие умирали не оттого, что их не хотели спасти, а просто у нас, как и прежде, спасать было нечем. И бывало порой так: на операции два врача и им нужно делать ампутацию, а пила, чтобы распилить кость, без рукояток. И вот один врач держался пинцетом, а второй – рукой за полотно пилы. Оно вихлялось, и во все стороны осколки косточек летели.

Мне тогда острым куском в лоб попало, и я на долю секунды сознание потеряла. Но не столько было больно, сколько трудно выдержать, что мы калечим человека – кость ему дробим. И я этого не перенесла и навзничь упала, сильно ударившись головой. А врач схватил меня за руку, резко поставил на ноги и отругал:

– Что ты ещё тут падаешь, всех пугаешь?!.

Но когда через несколько дней он уезжал из нашего госпиталя, то подошёл ко мне и сказал:

– Деточка моя, не сердись на меня, не поминай плохо... Я дернул тебя так грубо потому, что ты единственная помощница у нас была, а ты падаешь... И не мог я тебе тогда ласковые слова говорить, а должен был немедленно привести тебя в чувство.

И я ответила ему:

– Я буду вспоминать вас всегда без обиды... А Господь вас обязательно сохранит и возвратит домой, к своим близким, целым и невредимым. Потому что вы очень старательный. Я видела, как вы во всех больных душу свою вкладываете...

Очень нелегко мне приходилось всегда у операционного стола. Падала я там нередко, но потом сразу поднималась и опять помогала, делала всё, что от меня требовалось... Да, стоять на ногах день и ночь непрестан-

но – этого никакая машина не выдержит! И вот припоминаю сейчас, что, совсем обезсилев, притулюсь тогда, бывало, к стенке, пошатаюсь немного, подремлю с открытыми глазами и слышу в полусне, врач кричит: «Пинцет!» Подаю… Снова слышу: «Пи-и-н-це-ет!..» И кажется, что подаю инструмент, а на самом деле – только руки свои пустые. Они у меня от носилок, которые вдвоем таскали (а это тяжесть такая!), ничего уже окончательно не чувствовали. К тому же чаще всего я была голодненькая, холодненькая, несколько суток не спавшая совсем… А когда немножечко поспать выдавалось, так от переутомления глаза не закрывались, будто песку в них насыпали…

Но как ни трудно мне было в войну, Господь помогал всегда – давал крепости сил и непрестанно спасал. Ведь стоять у операционного стола было небезопасно, немцы часто бомбили и госпиталь.

Раненые всегда просили меня (кто – Лялечка, кто – нянечка, кто как назовет): «Выйди – бомбят! А то что с нами будет, если тебя убьёт?!.» Я же специально дверью стукну, будто ушла, а сама стою – молюсь. Как бомбёжка окончится – сразу возвращалась.

Никогда мне не приходилось спасаться ни в подвалах, ни в окопах. Снаряды рвались совсем близко, я падала, меня землей присыпало,

потом тут же вставала и снова за ранеными шла, словно к себе домой, не дрогнув. Лишь говорила: «Господи, сделай так, чтобы меня не очень ранило, а лучше сразу убило...» Но за всю войну меня нигде даже осколком не задело. Только однажды произошел такой случай.

Мы должны были с другой санитарочкой идти раненых собирать. Но тут снова началась настолько сильная бомбежка, что солдаты нас быстренько в окоп столкнули. Упали мы в него, и вместо того чтобы каждому себе руками голову закрыть, стали друг друга своим телом прикрывать, при этом ещё и споря, кто нужнее и кто должен остаться жить...

Так мы и ползали под градом осколков разрывающихся снарядов, чудом оставшись целы. А когда потом стали из траншеи выбираться, я наступила на осколок, он был ещё такой горячий, что мне насквозь обувь прожгло. И на самом осколке отпечаток моей пятки остался.

В общем, за всю войну только один раз ногу сожгла, вот и всё моё ранение было. Хотя пули всегда свистели рядом, как комарики: «Тю-тю-тю...» Была я тогда поистине хранима Богом...

Когда немцев с моей родины прогнали, я вернулась к себе домой и стала снова работать в нашей больнице. В то время у нас лежал раненый военком, и с ним его жена постоянно

сидела. И вот в моё дежурство пришла навестить их родная бабушка, хотя тогда тоже неспокойно было.

– Бабуленька, – говорю ей, – зачем ты ходишь во время бомбёжки?

И не успела я это сказать, как смотрю: бомба разорвалась. И не понятно, в мой дом она попала или в соседний, кругом всё в дыму. Я наскоро обернула руки халатом и побежала посмотреть. Думала, смогу хоть что-то спасти из горящего дома. А бабуля у меня на руке повисла – и за мной. Но тут я услышала: «Ши-ши-ши…» – шипит, это снаряд летит, и значит, сейчас взрыв опять будет. Я закричала:

– Бабуля, падай!..

Отдернула от неё руку и где стояла, там и упала, в канавочку под деревцем. В следующее мгновенье снаряд разорвался совсем близко, и меня всю землёй засыпало. А когда я стала подниматься, то увидела, что вся ещё и в саже. Хотела её стряхнуть с себя, но она оказалась такой жирной, что я лишь размазала её, весь халат и лицо стали чёрными. Я засмеялась и говорю:

– Бабуля, посмотри, какая я красивая стала…

Я думала, что она уже со мной рядом стоит. А обернулась – бабушка в стороне, все ещё на земле лежит. Я бросилась к ней, чтобы помочь подняться, и вдруг увидела… туловище без головы… Её осколком, наверное,

срезало и взрывной волной далеко, метров на пятнадцать, отбросило…

Когда я подошла потом к своему дому, он был целёхонький, лишь стёклышки высыпались. А от соседнего дома, что близ стоял, только огромная яма осталась. И по всей улице перья от перин и подушек…

Чаще всего я сутками пропадала в больнице, поэтому половину своего дома отдала одной семье. Мне было в радость, что у них, пусть хоть временное, но жилище есть. И у нас под домом был вырыт большой, добротный погреб. А их бабушка очень бомбёжки всегда боялась и всё просила меня провести её в погреб, показать, как в него спускаться:

– Деточка, Верунечка, страшно мне одной дома оставаться…

Я же отговаривала её:

– В погребе у нас, бабуленька, сыро, холодно…

Но она просила и просила. И вот однажды, вернувшись с работы на несколько минут, я всё же провела её туда. Спустились мы с ней на четыре ступеньки, а когда встали на пятую, она и говорит:

– Дальше я сама, возвращайся в больницу, тебя уж там ждут…

Я оставила её и направилась к входной двери, которая была настежь открыта на улицу, так как было темно. И вдруг, прямо

мне навстречу, влетает большущий осколок… Словно делая в воздухе дугу, он пролетел мимо меня, даже не задев, но догнал бабушку, которая замешкалась на лестнице, и ударил ей прямо по головочке. Она даже не охнула…

Как это умом понять?!. Я же осколку навстречу шла! Кого он должен был убить? Меня. А он мимо меня и в другого человека попал... Наверное, таков был промысел Божий...

Без Господа, без Его помощи человеку вообще невозможно жизнь спасти. Помню и другой случай.

Одна моя соседка по улице, она чуть дальше от нашего дома жила, несколько месяцев подряд скрывалась от бомбёжки в своём подвале. А тут ей люди и говорят:

– Что ты как клуша всё сидишь в темноте?! Вылезай, уж не бомбят больше, хоть деткам еду сготовь!

И вот она только плиточку в доме затопила, как не известно с чьей стороны шальная пуля залетела и сразу её убила… Спасала она себя, да только не спаслась…

Меня же Господь всю войну хранил, быть может, потому, что я об опасности не думала, а, ограждая себя крестным знамением, всегда уповала на Его Милость и молилась: «Боже, Ты – моя надежда, Ты отрада в жизни всей! Успокой же меня, Боже, в горькой участи моей…» А ещё я очень любила молитвы ко

Икона Божией Матери «Избавительница от бед»

Владычице: «Заступнице усердная...», «Кому возопию...», «О Всепетая Мати...»

Во всех трудных обстоятельствах жизни я молилась и такой утешительной молитвой: «О чём скорбеть, о чём крушиться, о чём мне слёзы проливать? А лучше Богу лишь молиться, Тебя на помощь призывать!» И у меня тут же проходили все скорби. Я не чувствовала отсутствия рядом со мной самых близких и дорогих мне людей – мамочки, отца и братика. От молитвы в душе было неизреченное тепло... и радость на сердце. Я забывала обо всём плохом и горьком, потому что верила: Господь моя надежда, моё утешение и отрада. И Господь помогал. Как тогда, когда нашего батюшку чуть жизни не лишили.

Его хотели расстрелять свои, только что изгнавшие от нас немцев. Я сразу бросилась к начальнику, который был высокого воинского звания, и стала в душе молитвенно просить: «Господи, только загради его уста молчанием, чтобы он ничего не смог мне сказать!..» Подбежала к нему, словно не понимая, что происходит.

– Ой, – говорю, – Вы нашли нужным к нам прийти?! Значит, Вы обязательно должны зайти в нашу убогую хижину. Идёмте! – схватила его за руку и потащила. – Идёмте, идёмте к нам!

Он зашёл, а я его тут же за стол усадила и молочка налила. Начальник начал пить моло-

ко, а я рядом стояла да «Живый в помощи Вышняго...» мысленно читала. Выпил он стакан, я ему сразу ещё молочка, с хлебушком:

– Покушайте, что и мы кушаем!

Потом третий стаканчик налила (у соседской бабушки коровка имелась). До этого начальник был на всех такой злой – наступление нашим далось тяжело, и он готов был кого угодно растерзать. А я всё старалась разговорить его:

– Это у вас ранение было? – принялась расспрашивать, заметив на лице шрамы. – А где вас ранило? Когда? Как тяжело?..

Он стал рассказывать о своём опасном ранении, и я спросила:

– Как же вы тогда совсем кровью не истекли?!

– Почему ты так подробно допытываешься об этом, словно что понимаешь? – удивился начальник.

– А я ещё с детства в больнице работала и сейчас в госпитале тружусь.

К этому времени, передохнув и подкрепившись, он заметно подобрел.

– Старик этот тебе кто? – спросил он меня.

– Да это мой дедушка, – просто ответила я.

Он помолчал, разглядывая меня, затем повёл бровями и удивлённо спросил:

– А ты сама откуда взялась такая, что насильно заставила меня молоко пить?!.

– Господь знает… – ответила я, смущенно пожав плечами.

Потом он снял с себя китель, повесил его на стул и, усаживаясь, сказал:

– Да, действительно, – есть Бог в людях!.. Три года воюю, но никто не расспрашивал меня о моих ранениях, не переживал о них...

Его часть стояла у нас ещё в течение двух недель – мы были в кольце окружения немецких войск. Так этот военачальник приходил к нам с батюшкой и в час ночи, и в три – сообщал почти каждые два часа сведения, что и как происходило на фронтах. А когда он уезжал, то оставил нам документ, как своим родственникам, чтобы мы могли пользоваться льготами по безпрепятственному проезду в другие населённые пункты.

Он выехал от нас верхом на белой лошади впереди войска, а мы стояли с «дедушкой», благословляли его. Через некоторое время он вернулся, чтобы попрощаться с нами лично. Сидя на лошади, поднял меня, обнял, поцеловал в головочку и сказал:

– На всю жизнь ты в моей памяти, деточка!..

Если бы Господь не умудрил меня тогда, чтобы я схватила этого человека за руку, он наверняка совершил бы убийство. У него уже пистолет был вытащен из кобуры, и он лично хотел расстрелять батюшку, поставив его лицом к стенке… Он как лютый зверь был,

не похож на человека, с черным от усталости, злости и переживаний лицом… И шутка ли – во вражеское кольцо попал со всем своим войском! Как было ему тогда нелегко!.. Тут нечистый ему священника и подставил, мол, расстреляй его – и тебе на душе будет легче. А Ангел Хранитель, слава Богу, научил меня поступить так, чтобы не дать ему совершить страшный грех…

Как-то стояли у нас потом воины-чехи. В это время был праздник Святой Троицы. Мы возвращались из церкви и увидели, что они тоже служат в этот день, в парке. От мамы с папой я знала разные иностранные языки и услышала, как их епископ говорит:

– Драги братие мое (дорогие братья мои), не превступи едину заповедь и ты не превступишь все десять! (Не нарушая одну Божию заповедь, ты не нарушишь и все десять.)

Они служили Господу под открытым небом, поставив престол. И когда епископ благоговейно читал молитву, все солдаты пали вниз лицом и молились на коленях. А я стояла, слушала и переводила всё нашим бабушкам.

Вскоре мы собрались уходить, но епископ подозвал к себе одного из солдат и, указывая на меня, стал ему что-то говорить. Тот сразу подбежал ко мне и сказал:

– Наш владыка просит, чтобы вы вернулись.

Когда я подошла к нему, он вдруг спросил:

Икона святителя Николая, Мирликийского Чудотворца

– Ты сестра Вера?

– Вера… – удивившись, ответила я.

– Подожди немножко, я разоблачусь.

Он разоблачился, подошёл ко мне и говорит:

– У тебя два образа святителя Николая?

– Два… – ничего не понимая, согласилась я.

– Я видел во сне, что ты мне один отдала… Ты мне благословишь его, сестра Вера?

– Да, я дам вам его… – произнесла я с удивлением.

Договорились, что владыка придёт ко мне домой завтра.

На другой день мы ждали дорогого гостя вместе с батюшкой. И я стала просить его:

– Дайте епископу образ, батюшка, сами. Кто я – простая мирянка, вы же священного чина – протоиерей…

К приходу владыки я нажарила рыбки и самовар поставила. И когда уже посидели за столом, владыка, указывая на одну из икон, сказал:

– Вот образ святителя Николая, который ты мне во сне дала.

И я попросила батюшку снять образ. Но владыка молвил на это:

– Достань мне его сама.

– Раз владыка говорит, так и делай, – подбодрил меня наш батюшка.

Образ висел высоко, и мне ничего не оставалось, как залезть на стул и снять его.

Я стояла и со страхом Божиим держала икону святителя Николая. А владыка подошёл, благоговейно поцеловал её и только потом принял в свои руки.

Он увёз этот образ с собой, дальше на войну. А когда их войско собиралось уходить, владыка прислал ко мне своего дьякона. Он принёс мне всё с их престола, чтобы я это постирала, а водичку вылила под дерево. Я сначала испугалась, но потом сделала, как меня просили, да ещё накрахмалила и отгладила эти покрывала, которые были сплошь в кружевах.

Когда дьякон забирал их, то сказал:

– Никогда ни женщины, ни девушки не стирали с престола… А владыка видел во сне, что с престола постирает сестра Вера...

Вот такая милость была мне… И много ещё чего произошло со мной в ту пору, чего не описать и просто словами не выразить…

В войну меня поставили в больнице завхозом. Город наш к тому времени почти полностью разбомбили, магазинов никаких не стало. И даже на деньги негде было купить хоть что-то из продуктов. Больные давно голодали... Я пришла тогда к председателю райисполкома усталая и очень огорчённая и сказала:

– В больнице у нас лежит двести шестнадцать человек. А на одного больного выдают в день всего по сорок грамм крупы, тридцать грамм печенья и десять грамм сахара. Как я

могу всех накормить?!.. Вы поставили меня завхозом и даже согласия моего не спросили… Вот пойдёмте со мной и раздайте на всех обед. А как пустые тарелки в вашу голову полетят, так вы что-нибудь придумаете!..

Он сначала растерялся, а потом спрашивает меня:

– Может быть, Вы сами что-нибудь уже придумали?

Я немного успокоилась и ответила:

– Надо обратиться за помощью к колхозам.

Наш город раньше снабжали пятьдесят четыре колхоза. И тогда в райисполком вызвали всех их председателей и спросили, чем они могут помочь больнице. Один из них сразу сказал:

– Я дам центнер муки, пятьсот яиц и десять килограммов масла.

Другой говорит:

– А я дам больше: два центнера муки, шестьсот яиц и пятнадцать килограммов масла…

Каждому из председателей колхоза захотелось показать себя перед начальством с наилучшей стороны. Пообещали нам выделить ещё овец и телят. Всё это тогда подробно записали.

Очень отрадно было, что колхозы не отказали больнице в помощи. Но надо было ещё самим ездить и собирать пожертвованное добро. Пришлось мне заниматься и этим, а

больничного транспорта у нас тогда не было.

И вот шла я как-то пешком в один из колхозов, а это было в разгар зимы. И так замёрзла, что мороза уже не чувствовала, только болело сердце и спать очень хотелось. Тут я увидела в стороне от дороги скирду немолочённого хлеба и решила немного отдохнуть в ней. Поползла по глубокому снегу и не помню, сколько времени уже прошло, как вдруг услышала за спиной крик:

– Ты куда?!

Я развернулась с трудом, посмотреть, чей это голос, и увидела, что на дороге телега стоит, а ко мне сквозь сугробы пробирается с кнутом какой-то мужчина.

– Иди на телегу, я тебя довезу.

А я, едва ворочая языком, ответила:

– Не пойду… Я здесь посижу, на мягком.

Но он мне опять:

– Вот я как сейчас отхлещу тебя этим кнутом, так ты быстро обратно побежишь!..

Когда он привёз меня в чей-то дом и стали снимать с меня сапоги – вся кожа у меня с ног и слезла, так я обморозилась… Но всё равно Господь сохранил меня. Не было ещё, значит, указанного часа моей смерти… А сколько было таких ситуаций, когда по всему выходила мне только смерть…

После этого какое-то время я продолжала мотаться день и ночь пешая, пока мне лошадь

не дали, а к ней двуколочку с парой колес, маленькую такую, на два человека. И кучера тоже дали. Но он стал требовать у меня выписывать ему за работу продукты: хлеб, молоко, масло. И пришлось от него отказаться.

Решила я тогда одна ездить. Села первый раз, не зная, как с лошадью обращаться, отъехала чуть больше пяти километров, вдруг моя лошадь обратно повернула.

Я с ней и так и сяк… Слезла с двуколки и стала заглядывать ей под ножки:

– Да что же ты, миленькая, не идёшь?! Что с тобой случилось?..

В это время мне навстречу подвода ехала, и из неё говорят:

– Эх ты! Что ж ты лошадку-то убила?!

– Дяденька, – отвечаю недоуменно. – Да у меня даже и кнута нету, я её не била!

– Да не била, а убила, – пояснили мне.

– Как убила?! Она у меня не падала…

– Хорошо, что у твоей лошади ноги длинные, а то бы она вся из хомута вылезла… – крикнули мне с удалявшейся телеги.

А дело, как выяснилось позже, было вот в чем. У нас при больнице появилось не так давно четыре лошади. Одна из них (немецкая, трофейная) была самая большая. Я же взяла себе самую маленькую. Но меня никто не предупредил, что к ней и хомут нужен небольшой. И я взяла, какой у нас был, – огром-

ный. Так он во время езды сильно болтался и всю грудь моей лошадке разбил.

Её потом, слава Богу, вылечили. А мне сразу дали другую лошадь. И звали её, вернее его, Майор. Умный он был – ну очень! Так слушался меня!.. Бывало, только крикну ему:

– Майор, вперёд!

И он как ветер мчался по степи, мою двуколочку словно по воздуху нёс.

Чаще всего я выезжала в колхоз ещё затемно, чтобы к утру уже продукты в больницу подвезти. Ограждалась сама крестом, потом все четыре стороны крестила и слёзно молилась: «Силою Честного и Животворящего Креста Господня...» Вот и вся моя защита была в дороге. И ни разу никто до меня не дотронулся, ночью, в глухой степи...

Тогда вместо электричества были у людей коптилочки. И света из домов совсем не было видно. Но я как заслышу вдали, что собаки лают, значит, посёлок близко.

– Тише, Майор, подъезжаем! – кричала ему радостно. И он начинал уже спокойнее идти, а на нём – пена хлопьями, так он нёсся всю дорогу. Я его никогда не била, он и без кнута всегда слушался. И я часто угощала его в благодарность своим хлебом, из суточного пайка в 400 грамм...

В ту пору церкви были везде порушены. Но по всем деревням молитвенные домики имелись, в них батюшки ночами служили. И когда

я приезжала куда-либо, то обязательно сперва в такую домашнюю церковь заходила. Лошадь свою оставляла рядом и шла. А Майор без меня и шагу никуда не делал, всё время ждал смиренно. Вот такой он был понятливый и послушный. Так мы и ездили с ним – везде и всегда с Божией помощью успевая.

Но однажды враг снова захотел мне козни свои устроить. Заведующая райздравотделом была большая безбожница. И вот на заседании райисполкома, когда хвалили меня за работу, она вдруг заявила:

– А вы знаете, что она не только работой занимается?!. Она ездит по деревням специально и там везде молится!

После её слов наступило молчание. Но та снова:

– Она ездит по деревням молиться!.. Да!.. И даже лошадь свою приучила! Сама стоит в церкви кланяется, а лошадь на улице, тоже – всё кланяется, кланяется, кланяется…

Но и тут никто не проронил ни слова. Тогда председатель райисполкома встал и сказал:

– Всё сообщила?!. Ну, теперь мы тебя саму по всем посёлкам пошлём. Будешь ездить по ночам одна, как эта девчонка, над которой ты смеёшься, что она Богу молится! С завтрашнего дня на двуколочке и поедешь…

После таких грозных слов заврай здравотделом была ни жива, ни мертва. И больше ко мне никогда не придиралась.

Было мне в ту пору восемнадцать-девятнадцать лет. А приходилось управляться с очень большим хозяйством и за всё отвечать. У меня в ведении были и овцы, и коровы, которые из телят уже выросли и молоко больным давали. А ещё мне надо было успевать делать посевы. В одном колхозе я сеяла пшеницу, в другом ячмень, в третьем овёс. И это действительно было чудо Господне, что я везде успевала…

После войны мой младший братик вернулся из Германии. Но его сразу на Беломорканал сослали как «неблагонадёжного». А спустя время переправили на Металлострой, под Ленинград. И был он там и не заключённым, и не вольным. Очень они там все голодовали… Пришла я тогда к своему батюшке и спрашиваю:

– Можно, я к братику поеду?

Но он ответил категорично:

– Нет, я тебя не благословляю.

Батюшка сам много лет в тюрьме провёл. Он вернулся оглохшим, потому что часто по колено в воде стоял. И когда я опять стала проситься к брату, он сказал:

– Нет, моя ласточка, ты там жизни не увидишь.

Я возразила ему:

– Хоть вы и не благословите, я поеду…

– Но только помни, – предупредил он

меня, – там ты всё время будешь слёзки проливать…

И действительно, так я и осталась потом жить на Металлострое, много всяких скорбей у меня тут было…

Ещё девочкой, когда я в больнице уже год отработала, мне дали отпуск. И поехали мы с мамой по монастырям. В Киев тоже заехали. Был там великий старец – схиархиепископ Антоний. О нём рассказала нам жена генерального прокурора и предложила нас к нему отвести.

Старец жил где-то очень далеко за городом. Сколько километров мы туда шли пешком – не помню. А оказались у большой кучи земли, похожей на гору, в которой была дверь. Мы постучали в неё, и нам открыли.

Когда зашли внутрь, увидели, что у старца стоит только железная койка, ржавая такая, с досочками. Матраца на ней не было, а вместо него на досочках самотканый коврик лежал. И подушечка, маленькая такая, была. Я сколько её руками ни трогала – везде как каменная она… Даже одеяла не было у этого старчика…

Под сводом той земляной пещерки собирались большие капли воды и падали на пол. И не было там ни половичка, ни досочки под ногами, а просто грязь, болото… Такая у него была келья. И мне его так жалко стало, что я расплакалась. А старец Антоний и спрашивает меня:

– Чего ты рыдаешь?

– Я не хочу, чтобы вы здесь жили…

– А ты молись за меня хорошо, и я служить буду...

Потом он подошёл ко мне и опять спрашивает:

– А сама ты чего сидишь, небо коптишь, замуж не выходишь?!

Я была ещё четырнадцатилетней девчонкой и слышать о замужестве не хотела, а он мне его уже предсказал.

Во время войны я снова поехала в Киев, мамочку разыскивать, когда её взяли. И приехала в Печерскую лавру. А отец Антоний, оказывается, там уже служил. Увидела его и снова разрыдалась. Он меня сразу узнал и спросил:

– Ну, а сейчас ты чего плачешь?

И я ответила:

– От радости.

Он меня тогда забрал и повёл в свои покои, там у него домашняя церковь была. Отслужил он в ней молебен и дал мне иконочки. А когда я к нему ещё раз приехала, он уже был похоронен у входа в Успенский собор.

Второе благословение на замужество мне дала в Ленинграде сама блаженная Ксения.

Сколько мне предложений тогда ни делали, я всё отказывалась, не хотела выходить замуж. Я считала, что без замужества путь в жизни лёгкий. Ведь когда человек одино-

кий, он может знать лишь храм Божий да работу. А с семьёй – ты и жена, ты и мать, ты и бабушка. И это очень большие труды. Но не только в быту, по дому. На тебе ещё лежит долг всех своих ближних отмолить. И как это оказывается непросто, если они сами к Господу не прибегают…

Со мной в одной комнате общежития в Ленинграде жили три сестры, которых часто навещал их родственник, Ваня. Сам он был родом из Мордовии и работал на машине в «большом доме». Так он меня каждый раз с работы ждал, а потом в общежитие провожал. Он даже меня в церковь не раз возил. Но ничего такого не говорил, лишь молчал. А я всё хотела сказать ему, чтобы он больше за мной не ходил.

И вот вижу я такой сон. В небе блаженная Ксения, вся в искрах, будто в огне плывет. Я вздрогнула, увидев, что рядом со мной Ваня стоит. А блаженная Ксения благословляет нас и говорит: «Благословляю вас на семейную жизнь».

Утром пришла на работу, а меня все спрашивают:

– Что с Вами?! На Вас лица нет.

А я только и ответила:

– Я заболела очень…

На самом деле я сильно напугалась оттого, что сама блаженная Ксения меня на семейную жизнь благословила.

Икона блаженной Ксении Петербургской

Поехала я тогда на Васильевский остров к одной благочестивой верующей женщине. Она моей духовной матерью была и ходила всегда на Смоленское кладбище, где Ксеньюшка похоронена. Рассказала ей тогда сон, а она говорит:

– Пошли в храм.

Пришли мы с ней в храм на Смоленском кладбище. А там один батюшка служил, который был сердцевидцем. Подошли к нему после службы, и он мне посоветовал:

– Напишите записочку и положите, как все люди делают. Я буду молебен служить, а потом с записочкой ко мне подойдёте.

Я написала тогда: «Блаженная матушка Ксеньюшка, не благословляй меня – я не хочу замуж выходить». Поплакала, положила записочку на стол, но не там, где сейчас поминальные записки кладут, а на другой. Тогда в Смоленском храме все так делали: писали своё прошение к Ксеньюшке (кто о чём), а после службы обратно брали, но уже не свою записочку, а ту, которая попадётся. И священник к этим запискам никакого отношения не имел.

И вот взяла я после молебна записку, неведомо чью, открыла, а там: «Блаженная Ксеньюшка, благослови меня на замужество». Я встала, как вкопанная, а духовная мать ко мне подошла:

– Ну, что у тебя? – спросила.

– Ой, – только и смогла вымолвить я и протянула ей эту записку.

Она её прочитала, и мы пошли к батюшке. И он сказал:

– Ну что же я могу сделать, если блаженная Ксения вас два раза благословила?!.

После этого я поехала на родину к тому самому батюшке, который не благословлял меня уезжать. Пошла к нему в храм. Он молился, а певчие под него подстраивались, и было совсем незаметно, что батюшка ничего не слышит.

Хотела я ему тогда исповедоваться, да не знала, как это сделать с его глухотой. Подошла к кресту, когда служба уже закончилась. И увидела, что батюшка держит в руках служебную просфору. А я тут же поняла, что она для меня приготовлена. Обрадовалась и подумала: «Сколько в Ленинграде на службы ни ходила, никогда не получала служебных просфор…» Приложилась к кресту, протянула руки под благословение, а батюшка вдруг и говорит:

– Благословляю тебя с рабом Божиим Иоанном. Когда повенчаетесь, эту просфору скушаете.

Знакомые меня сразу же обступили и стали расспрашивать. А я лишь оправдывалась, что ничего не знаю. И всё удивлялась в душе – ведь он о моей жизни в Ленинграде ничего

знать не мог, я только что с поезда и сразу в храм пришла, ещё ни с кем не говорила…

Так мне и пришлось выходить за Ваню. Повенчались с ним и ту просфорочку, с благословением, скушали.

Прошло время, и скоро мне в роддом надо было идти, а нас с Ваней дважды обокрали. Ну всё забрали! Не оставили даже тряпочки, чтобы пальчик чем замотать, если поранимся. Негде было ни сесть, ни лечь. Не было, что есть и пить…

Мой муж тогда получал военный паёк, и денег хватало лишь, чтобы за квартиру заплатить, на что-то другое уже не оставалось. И я к тому же девять месяцев крошки хлеба не вкушала. Токсикоз был такой, что если где хлебом пахло – я уже падала, запаха хлеба не переносила. Жила только капустой да картошкой. И не было никого из близких в чужой стороне, чтобы как-то помочь…

Измучилась я тогда совсем и стала от отчаяния просить, чтобы мне в родах умереть: «Матушка блаженная Ксения, упроси Господа, чтобы Он меня принял. Ведь в родах прощаются все грехи…», – денно и нощно умоляла я так.

Когда меня уже в роддом привезли, у меня из-за недоедания голова от слабости не держалась. Руками её всё придерживала, а только отпускала, она набок падала. И акушерка стала возмущаться:

– Через неделю рожать, а у неё голова на плечах не держится!..

Я ей не сказала, что всю беременность с токсикозом промучилась и даже хлеба совсем не кушала. А через какие-то два часа у меня начались роды. И я сознание потеряла. Врачи все забегали, не зная, что со мной делать. Это сейчас медицина другая, а в 1949 году, после войны, ничего не было, все голодные, босые, раздетые...

Как только я потеряла сознание, то ничего уже не слышала. А лишь почувствовала, что куда-то всё проваливаюсь… И вдруг увидела, что передо мной здание появляется, как бы образуется из ничего. А из него Ксения блаженная с посохом выходит.

Я как увидела её, вместо того чтобы о смерти просить, как закричу ей что есть сил:

– Блаженная Ксеньюшка, помоги разрешиться!!.

Видно, я и наяву так громко кричала, что все роженицы из своих палат выскочили. И тут же у меня ребенок родившийся заплакал: «У-а-а-а!»

Врачи тогда говорили, что действительно Бог есть и есть блаженная матушка наша Ксения. Даже одна врач (еврейка) сказала:

– Да, есть Бог!.. Был Бог, есть Бог, и будет Бог! – так она выразилась тогда восторженно.

Когда меня в палату поместили, роженицы стали расспрашивать:

– Отчего вы кричали блаженную Ксению?!

– Она явилась, и я её кричала... – просто ответила я.

Родился у меня тогда сын. А пока беременная ходила, всё просила дочь. Но после одного случая стала просить уже сына.

Когда нас обокрали, муж получил паёк мороженой картошкой. А денег осталось только три рубля до его получки. И решила я поехать к своей духовной матери, чтобы с ней в храм пойти и перед больницей причаститься. Довёз меня Ваня до неё, и стала я совать ему эти последние три рубля, на которые можно было килограмм хлеба купить и как-то прожить три дня до получки. А он дверцу закрыл и из-за нее:

– Свечку купи себе...

Пришла я к матушке, и она меня супиком покормила. И мне так своего мужа жалко стало, что он последние деньги мне на свечку отдал, а сам три дня голодать будет! Подошла я тогда в храме к Николаю Чудотворцу и стала просить его со слезами:

– Святителю отче Николае, удели милость свою: пусть у нас родится сын!

«Пусть, – думаю, – будет радость мужу, раз он так жертвует собой».

И вот появился у нас первенец – сын. Принесли мне тогда после родов ребёнка, покор-

мила я его и положила рядом с собой, а сама задремала. В это время его унесли, а я увидела во сне, что из моей груди молоко капает. И действительно, у меня его столько было (несмотря на то, что я почти ничего не ела девять месяцев) – и на пятерых детей хватило бы. Ну, разве это не милость Божия!.. Потом вдруг увидела во сне, что по моей постели змея ползет, прямо к груди. И чей-то голос мне приказывает: «Отбрось змею!» А я ответила: «Пусть сосёт». Мне во второй раз, ещё твёрже: «Отбрось змею!» «Пусть сосёт», – опять сказала я. Тут громогласный голос в третий раз приказал: «Отбрось змею!»

На другое утро принесли в нашу палату одного ребёнка и стали спрашивать, кто сможет его кормить, так как у его матери молока вообще не было. Но у всех молока едва хватало на своего новорождённого. А я тогда согласилась. И стала из правой груди своего кормить, а из левой того ребёнка.

Не знаю, почему мне такой сон приснился. Но только когда мне надо было выписываться из роддома, то грудь, из которой я кормила чужого ребёнка, вся покраснела и из соска вместо молока гной пошёл. Быть может, мать того ребёнка была за что-то наказана и ей во спасение надо было обратиться за помощью не к людям, а к Богородице «Млекопитательница». А я невольно этому помешала, за что

сама и поплатилась. Ведь помогать ближним надо с умом!..

У моей дочери после родов тоже не было молока. Но мы помолились у иконы Матушки Богородицы «Млекопитательница», и молоко у дочки сразу же появилось. А у меня ещё в течение тринадцати лет из той груди гной шёл всё время. И врачи ничего с этим поделать не могли, хоть я по их советам и мазями, и растирками разными лечилась.

И вот как-то стою я у Александро-Невской лавры, и одна женщина меня немножечко задевает. А у меня слёзы из глаз полились, ведь до груди вообще нельзя было дотронуться. Другая женщина той и говорит:

– Ах, какая же вы!.. Смотрите, как вы женщину затолкали, что у неё слёзы!

– Нет, миленькая, – поторопилась я сказать ей, – она только дотронулась до меня.

– Да как дотронулась, если у вас слёзы рекой льются?!.

Тут я кратко объяснила ей, что со мной.

С тех пор, как снова открыли Александро-Невскую лавру, я часто ходила в неё. И эта женщина мне вдруг говорит:

– Столько лет вижу вас в лавре, но почему же вы, верующий человек, не поедете за помощью в Пюхтицкий монастырь?!

Я на самом деле не была там ни разу, у меня то дети были маленькие, то другие за-

Икона Божией Матери «Млекопитательница»

боты. А тут, после её слов, решила поехать в эту святую обитель. В то время это было просто, Прибалтика от нас ещё не отделилась. Приехала я туда, отстояла литургию, взяла благословение и пошла на источничек.

...Все люди как люди, чистенькие пришли, а у меня грудь гнойная. И я стала ждать, пока все вперёд пройдут. Зашла последняя и сказала:

– Матерь Божия, уже столько лет я страдаю и очень измучилась, устала от этой болезни. Пошли мне милость Твою и благодать – исцели меня!..

Три раза окунулась. А когда из купели вышла, сделала чистую повязочку. И потом отправилась на всенощную. А после неё пришла в келью и решила повязку поменять, так как её раньше хватало ненадолго. Но вот диво!.. Сколько часов уже прошло, а она всё сухая была. И я легла с ней спать. А наутро опять взяла бинты и вату, но у прежней гнойной раны снова было сухо.

Так с одного раза, трижды окунувшись в святом Пюхтицком источнике, я получила исцеление.

С тех пор каждый год, как только на работе давали отпуск, я ездила в Пюхтицы, и так пятнадцать лет. Там матушки уже знали меня и селили каждый раз в одну и ту же келеечку. Пребывала я в обители подолгу, почти весь свой отпуск.

Однажды в Пюхтицах проходило соборование. А народу столько собралось, что храм уже не вмещал. И вот, когда нас начали помазывать прямо под открытым небом, там, в синеве, откуда ни возьмись вдруг появилось белое облако и встало прямо над крестом купола и над нами.

Соборование из-за огромного стечения верующих проходило три часа. А облако всё стояло на одном месте, словно прикрывая народ Божий от палящего солнца. Но как только помазали елеем последнего человека, оно медленно уплыло, растаяв вдали… Вот такое чудо сподобились тогда лицезреть в Пюхтицах многие люди, приехавшие в эту святую обитель за духовным подкреплением.

Как-то я пришла к источнику, на котором получила исцеление, и увидела там одного благообразного дедушку, такого всего чистенького, беленького. Он сидел и плакал, а рядом с ним лежали костыли… Мне стало его жалко, я походила, походила и говорю:

– Дедуленька, да что же ты так плачешь?!.. Много ли нам с тобой осталось?! Уж какие мы есть – такие и доживём, – стала утешать его.

А он отвечает:

– Я плачу от радости!..

И вот что он мне поведал о себе:

– Приехал я сюда с края света, с Колымы, по совету одних верующих людей. Больше

двенадцати лет я с костылями не расставался – ноги были парализованы. А опустился здесь три раза в источничек и забросил свои костыли в кусты. И теперь, когда приезжаю сюда снова, достаю костыли и плачу около них. Ведь какой же я был неразумный, что в Бога совсем не верил, оттого и мучался так долго…

В Пюхтицах я семь лет подряд встречала одного полковника с двумя золотыми звёздами Героя Советского Союза на груди. И в один из приездов он рассказал о себе, что он лётчик и прошёл всю войну без единого поражения, за что и получил эти награды. Но однажды его послали на задание… разбомбить Пюхтинский монастырь.

– Когда я летел, – рассказывал он, – то храм как на ладони видел…

Но только он приблизился к «цели», которую ему надо было уничтожить по приказу начальства, то вместо храма под ним вдруг образовалось огромное белое облако…

Сколько этот опытный лётчик ни пытался избавиться от этого облака – то вниз летел, то вверх, то в один бок, то в другой, – оно по пятам так его и преследовало. А из-за него он не видел «объект», который собирался разбомбить. Вернулся тогда ни с чем. Но ему снова дали то же задание. И он полетел обратно…

Да только и во второй раз такая же история приключилась. Закроют вдруг храм бе-

лые облака – и ничего уже не видно. Разозлился тогда лётчик-ас и от обиды (а он тогда неверующий был) сказал:

– Поеду в монастырь и что не разбомбил – ногами всё, всё перемолочу!..

И отправился в Пюхтицы. Ещё издали увидел калитку и подумал: «Вот с неё первой я и начну! Как пну эту калитку, чтобы она вылетела, а потом уж всё подряд, что под ноги попадётся!..»

– Но едва я к ней приблизился, – рассказывал он мне дальше, – как у меня конечности ослабели. И такой я безпомощный стал, что бери меня и неси куда хочешь – руки и ноги совсем отказали… Уж и не помню, как добрался до паперти храма. Тут вышла монашка и спрашивает, что со мной случилось. А я ей, обезсилив, чуть не шёпотом:

– Матушка, я приехал сюда всё разгромить, а ноги и руки у меня ослабели…

Но она смиренно и просто мне ответила:

– Просите прощения у Господа…

– Да я же, – говорю, – до этого хотел ваш храм разбомбить, только у меня тоже ничего не получилось!

А она опять смиренно:

– Просите прощения у Господа, Он милостив… Идите в храм.

– А у меня ещё жена безнадёжная, раковая больная! – вдруг пожаловался я ей.

Тут монашечка мне говорит:

– Привозите её на наш святой источник.

– Но как, – возразил я, – как я её сюда довезу?! Врачи мне домой её уже отдали, и она вот-вот умрёт!..

– Не теряйте времени… – только и молвила эта монашечка и быстро удалилась.

Заполз я тогда кое-как в храм, а там, у святых икон, уже на ноги поднялся. И помчался сразу за женой, словно какая-то сила меня заставляла…

…Всю дорогу жена кричала от боли, шевельнуть её было нельзя. А как добрались до монастыря, я взял её на руки и осторожненько понёс к источнику…

Пока мне военный всё это рассказывал, жена его стояла рядом, цветущая, ещё молодая, и улыбалась. А как муж про источник заговорил, слёзки у неё из глаз так и закапали… Стояла она молча и благоговейно крестилась…

Приятно было смотреть на эту супружескую пару, радостно душой, что они вместе спасаются… А у нас с Ваней был поневоле другой жизненный путь. В храм он со мной ходить не мог, потому что был партийным. Но меня всегда сам в храм посылал. У нас огородик был, и даже когда мы на нём трудились, он постоянно напоминал:

– Пора, пора в храм. Поторопись, а то потом бежать будешь.

Муж понимал, что храм для меня всё, и никогда в жизни не препятствовал бывать в нём.

Жили мы с Ваней в лишениях, часто голодали, но всё равно очень уважали друг друга. Я старалась последний кусочек хлеба ему с собой на работу дать, а он отказывался:

– Ты ребёнка грудью кормишь…

Я никогда в жизни рубля ни у кого не занимала, но и мужа не упрекала, что у нас денег нет, а старалась всегда сэкономить и сохранить в семье мир, хотя не все мои ближние были верующими. Невестка и зять, к прискорбию, не были воспитаны в вере, но моё отношение к ним было как к родным детям, я их так и называла: доченька и сыночек.

Я старалась не пропускать церковные праздники. А всё, что по дому нужно было, делала ночами. И варила и пекла, чтобы ни муж, ни дети не сказали, что они голодные, а мама в храме. Здоровье моё было плохое, и я очень уставала, а после храма всегда была полна сил. Но однажды, придя на службу, не могла даже на ступенечки подняться, чувствую – того гляди умру. А в этом храме была в то время одна прозорливая, звали её Мария. Она проходит мимо меня и говорит:

– Я болела-болела, в храм пришла – выздоровела, – и дальше пошла.

И действительно, я вернулась в тот день домой совершенно здоровая.

К Пасхе или к Рождеству я каждый раз готовилась заранее. Прибиралась везде и белила в общей кухне потолок. И как-то ещё покрасила в нашей коммунальной квартире входную дверь. Но наутро увидела, что она облита керосином и вся краска с неё – на пол стекла. Печально мне стало, и я сказала соседям, что порядок в доме надо бы всем поддерживать, хотя бы к празднику. А они мне ответили:

– Твоя Пасха, твоё Рождество, ты и наводи чистоту…

Всегда стремилась я сохранять мирные отношения не только в семье, но и с соседями, что бы ни случалось. Поэтому с тех пор стала сама всё делать, ради Господа, ради этих великих праздников. Делала я это ещё и в науку детям, которые жили в безбожном, богоборческом мире, чтобы и они в дальнейшем так же встречали эти светлые праздники. И жалко было тех людей, которые не знали этой великой радости, что Христос родился, чтобы спасти весь мир, что Он воскрес и Своей Крестной смертью и воскрешением указал всем людям путь к Вечной Жизни, к Вечной Радости!..

Когда мы с Ваней только получили комнату и у нас родился первый ребёночек, в нашей коммунальной квартире была очень тяжёлая обстановка. Я не могла лишний раз даже в коридор выйти, чтобы пелёночки но-

«Смертию смерть поправ...» Икона «Распятие»

ворождённому постирать, – соседи всегда так кричали и ругались на меня, мол, поселилась новая жиличка только мешать им…

И вот однажды, когда муж ушёл на работу, а я стояла над коечкой сыночка и плакала, что меня очень обижают и нет этому конца, как вдруг увидела в комнате старца, он сразу к образам направился. Постоял там какое-то время, а потом ко мне повернулся. Он был по одну сторону кроваточки сына, а я по другую. И тут старец заговорил:

Блаженны вы, кого обидят,
Кого поносят и гнетут,
Кого теснят и ненавидят
И всяку ложь на вас плетут.

Радуйтесь и веселитесь –
Так гнали Истину всегда,
Но ею стойте и крепитесь,
Её не любят никогда.

Зато на ней вся милость Бога,
И с нею верная дорога,
Ей мзда на Небесах...

Благословил младенца, меня и пошёл к двери.

У нас в коммунальной квартире жила одна женщина средних лет, которая часто заходила к нам, но никогда не стучалась, а пря-

мо безцеремонно врывалась в нашу комнату. Поэтому, когда муж ушёл, я закрыла за ним дверь на защёлочку – хотелось побыть одной, помолиться. И когда старец направился к двери, я бросилась за ним, чтобы спросить: «Отче, кто вы?!» Обежала вокруг кроватки, но старца уже не было. Я торкнулась в дверь, а она оказалась закрыта. «Как же так?! – удивилась я. – Старец только что был здесь, я видела его и слышала!..»

Я побежала на нижний этаж, где в нашем доме жили старушки, и попросила:

– Дайте скорее карандаш и бумагу, мне надо записать что-то важное.

Я записала всё, что услышала от старца, и поняла, что это «блаженство», которое поют в храме каждый день, но только на славянском языке, а старец произнёс его на русском, чего я никогда не слышала…

Сподобилась я в своей жизни ещё одной чудной встречи. И тоже получила тогда огромное утешение и явную помощь свыше.

У меня уже подрастал второй ребёнок, девочка, но в садик детей из-за большой очереди устроить никак не удавалось. Мужу платили мало, и я была вынуждена устроиться на работу. Уходила на неё на целый день, а детки всё это время были дома одни, на замке. И мне посоветовали привести из деревни бабушку, дальнюю родственницу мужа, выяснилось, что она жила там совсем одинокая.

Когда я привезла эту бабулю к нам, то прописывать её в нашу комнату отказались, у неё (как тогда и у многих деревенских жителей) не было паспорта. А поскольку без прописки жить в нашем городе не разрешалось, мне сказали в паспортном столе: «Везите её обратно».

Очень опечалилась я тогда. Не было никаких средств на обратную дорогу, да и бабуленька там, в деревне, никому не была нужна. И отправилась я тогда к блаженной Ксении, попросить её помощи.

Отслужила в храме молебен и пошла к остановке трамвая. Была я ужасно расстроенная, потому что каждый день приходили к нам из милиции и штрафовали меня за непрописанную бабушку. Мне было так тяжко на душе, что не хотелось никого видеть, столько я находилась по разным инстанциям, где всегда очень много народа. И я пошла по совсем безлюдным местам, через старинное Смоленское кладбище.

Вскоре я заметила в глубоком снегу чьи-то следы и стала пробираться по ним. Но вдруг увидела, что навстречу мне идёт монахиня с посохом. И я уступила ей дорогу, у меня всё равно сапоги были уже полные снега. А она, не доходя до меня одного шага, остановилась и спрашивает, так строго:

– А у тебя деньги на дорогу есть?

Я ответила:

– Есть…

– А, может быть, ты нагая?

– Нет…

– Или дети у тебя в больнице?

Я отвечаю, уже оробев:

– Нет…

– А уголочек, в котором ты живёшь, у тебя свой?

– Да, – снова ответила ей, а у самой мурашки по спине побежали.

– А может, тебя муж обижает?! – грозно молвила она.

Тут я резко, отрицая всё, мотнула головой, на мгновенье зажмурив глаза, и сказала:

– Нет! – и вздрогнула – монахини рядом со мной уже не было.

Показалось очень странным, что зимой она была одета только в лёгкую монашескую одежду. Но в следующую минуту я вспомнила, что с посохом являлась людям блаженная Ксения… Она словно укоряла меня, вопрошая и явно напоминая, что жизнь у меня по тем временам не такая плохая: и жильё у меня есть своё, и муж хороший, и детки не болеют, и не нагая я, и пешком мне не надо ходить, потому что денежки на дорогу есть.

Мне сделалось очень стыдно за своё поведение, что я от ропота на обстоятельства жизни даже не желала людей видеть. И я закричала:

– Матушка блаженная Ксения!..

Хотела прощения у неё попросить, а ноги у меня от страха вдруг отнялись…

Еле добралась тогда до остановки. Попыталась в трамвай зайти, а колени не сгибаются. Так и пришлось по ступеням на руках подтягиваться. Кондуктор подошла билетик мне дать и спрашивает:

– Что с вами случилось? На вас лица нет. Вас кто-то напугал?

А я и ответить ничего не сумела. Думаю: «Как же мне теперь из трамвая выбираться?» Ноги у меня сделались словно совсем мёртвые, я и ступить на них уже не могла. Как же я теперь пойду?..

Но вот я, наконец, опомнилась и стала молиться: «Блаженная мамочка Ксеньюшка, прости меня, что я так плохо вела себя – не порадовалась тому, что послужила молебен, и не надеялась, что ты мне поможешь. Прости моё плохое поведение!..»

Тут же ноги у меня стали горячие, словно их жаром обдало. Колени вдруг отпустило и я встала, а до этого сидела на полу трамвая с вытянутыми как палки ногами. А потом, когда я посмотрела на людей, мне казалось уже, что все мне улыбаются. И захотелось к каждому из них подойти, обнять и поцеловать – такая у меня несказанная радость на душе возникла и любовь безмерная к ближним…

Утром я собралась и поехала в районную милицию, хотя до этого где только не была, даже в «большом доме» хлопотала, и везде мне отказывали в прописке бабушки.

Приехала в милицию, а там народу уже полный коридор. И вижу мужчину, представительного такого. Он поравнялся со мной и спрашивает:

– Вы ко мне?

И я, сама не ожидая того, ответила:

– Да, я к вам. – А кому так сказала – сама не знала и пошла за ним.

Подошли к двери, на которой надпись: «Начальник милиции». Прошли в кабинет мимо секретарши, и мужчина снова спрашивает меня:

– Чем я могу быть вам полезен?

В этот момент в дверь с явным недовольством заглянула секретарша и сказала, что такой-то гражданин (назвала его по фамилии) ожидает своей очереди уже давно. Но мужчина, который и оказался начальником, ответил ей, что пока занят.

– Ну, так что у вас? – продолжил он.

Я очень удивилась происходящему. И стала ему пересказывать то, что много раз уже говорила в других инстанциях: что мы взяли к себе из деревни совсем одинокую бабушку, но у неё нет паспорта и в Ленинграде её никак не прописывают. И тут начальник, выслушав меня, вдруг сказал:

– Хорошо-хорошо – мы сейчас выдадим ей паспорт, а потом пропишем.

Буквально на следующий день всё это и сделали.

Вот как сходатайствовала тогда за меня, нерадивую грешницу, блаженная матушка Ксения!..

Она и всю жизнь мне до сей минуты сопутствует. И когда я прихожу к ней, всегда чувствую себя такой обязанной!.. Столько величайшей милости она мне делала, что не отблагодарить мне её в своих немощных молитвах!.. А когда я приводила к ней своих знакомых, никто не оставался без её участливой помощи!

С пропиской приезжим в северной столице всегда было очень нелегко. Одна моя знакомая выходила в Ленинграде замуж, а её тоже отзывались прописывать. Тогда я предложила ей:

– Давай поедем к матушке Ксении, отслужим молебен, чтобы у тебя всё благополучно устроилось.

Но она мне лишь ответила:

– Зачем мне кому-то молебен служить? Ты знаешь, какой у меня жених богатый? У него и квартира своя и столько денег на книжке. Он пойдет к кому надо и прописку мне купит!..

– Ну что ж, – говорю, – у меня денег нет, поэтому я всегда надеюсь только на блажен-

ную Ксеньюшку, она во всех бытовых проблемах помогает.

В общем, я не стала возражать ей тогда, на всё была её воля. И получилось у них с женихом следующее. Побегали они везде с деньгами, побегали, а прописку так и не купили. Пришла она ко мне со слезами. И я ей снова предложила пойти к блаженной Ксении. Но предупредила, что теперь, прежде чем просить святую о помощи, нужно испросить у неё прощение.

Молилась знакомая у Ксеньюшки долго, со слезами. И вскоре её прописали. Но потом получилось так, что попала она в неприятную ситуацию, связанную с финансами, она бухгалтером работала. Вызвали её в «большой дом», и ей угрожала серьёзная опасность, немалый тюремный срок. Она опять пошла к блаженной Ксеньюшке, и всё беды у неё вскоре разрешились. А через сколько-то времени приехала к ней со своими проблемами её сестра. Но она уже сразу пошла к святой и получила просимое. Её прописали в Ленинграде, потом она благополучно окончила институт и устроилась работать. Она была инженером-изобретателем и часто просила меня сходить с ней к блаженной Ксеньюшке.

Однажды она пришла ко мне рано утром, сказав, что собирается причаститься у Петербургской святой, и позвала меня с собой.

А я перед этим до двух часов ночи по дому прибиралась и обед готовила. Потом ещё села с мужем борщ есть, так как он из-за работы редко бывал дома и не хотел без меня кушать.

И вот пришли мы с ней в Смоленский храм, что рядом с часовней блаженной Ксеньюшки, и попали как раз к началу исповеди. Но в тот день неожиданно вышел исповедовать совсем незнакомый батюшка.

Был он махонького росточка, как ребёночек, уж на что я маленькая, он же ещё меньше. Риза у него прямо на полу. Сам старенький, худенький такой, все косточки наружу. Настолько измождённый – ну просто живые мощи… Но батюшка этот был сердцевидец. Кто ни подходил к нему, он ни о чём не спрашивал, а сам всё говорил.

Самой первой подошла к нему тогда старушка в чёрном платочке, по-монашески так выглядела. А он ей и говорит:

– Ну что, матушка, спасаться задумала?

– Да, батюшка, – скромно ответила ему та тихим голосочком. – Уж время пришло мне начинать спасаться.

– Да, хорошо!.. Значит – спасаться хочешь?

– Хочу, хочу, – снова молвит она, смиренно потупив глаза.

А он вдруг и спрашивает её строго:

– А что же ты мужа своего выгнала?!

Она сперва растерялась, а потом принялась оправдываться:

– Начала я в церковь ходить, а он стал то попрекать меня, то ещё чего… И мне всё это надоело… Ничего, буду сама спасаться, а он как хочет!.. – явно довольная собой, заключила эта «благочестивая» бабуля.

Но батюшка ей на это твердо:

– Нет, сама ты не спасёшься! – И дальше продолжил грозно: – Как же ты выгнала его?! Это же твой муж, вы с ним венчались, детей вместе взрастили… И теперь ты будешь спасаться, а он погибать?! Верни его, и спасайтесь вместе!.. Ну, а исповеди тебе сегодня нет!.. Иди…

Та заплакала, а он ей ещё вдогонку:

– Поплачь, поплачь – это тебе полезно…

Вторая бабушка подошла, и старчик её спрашивает:

– Что ж ты не постилась, а хочешь причащаться?

– Батюшка, да как не постилась?! – возмутилась она, – я же постилась.

– Какой же это пост?! Пирожочки, варенье, всякие лакомства и вкусненькие блюда себе приготавливала. Это была у тебя только перемена пищи, а поста не было. Причащаться не будешь, – и в сторонку её.

Следующая старушка подошла и сразу заплакала:

– Я, батюшка, и не постилась…

– Матушка, ты постилась, постилась, – вдруг ласково произнёс он ей. – То, что тебя силком заставляли выпить полстаканчика бульона и полстаканчика молочка – так ты была тяжелобольная, и дети тебя поддерживали. Благословляю, иди причащаться.

А дедочек один даже и не успел до батюшки дойти, как он ему ещё издалека:

– Ты папироску сегодня уже выкурил – Причастия тебе нет…

– Батюшка, святой водой во рту пополоскал…

– Вот-вот – святой водой… Не будет тебе Причастия!

Потом на исповедь подтолкнула свою внучку пожилая женщина. И эта девочка лет десяти, разодетая вся такая, ухоженная, полнотелая, стоит и с ноги на ногу небрежно переваливается.

– Ну, – говорит ей батюшка, – ты думаешь быть хорошей девочкой?

– Не знаю, – отвечает она, недовольно скривив рот.

– Так почему же родителей не слушаешь?!. Почему своих учителей не почитаешь?!. Почему старших не уважаешь?!.

И на все эти вопросы она только и отвечала: «Не знаю».

– Да как же ты целых десять лет на белом свете прожила и ничего этого не знаешь?! – строго спросил её батюшка.

Но она, насупившись, лишь молчала.

– А ты хочешь быть хорошей? – вдруг задал ей вопрос батюшка.

– Хочу, – смущенно ответила она.

– Так вот, давай с сегодняшнего дня старших уважать и младших не обижать, чтобы тебя все любили! Выполнишь?

– Выполню! – твёрдо ответила девочка, заметно воспрянув духом.

И старец с любовью благословил её. А бабушка, которая привела свою внучку на исповедь, никак не могла успокоиться:

– Да кто же это ему про всё рассказал?!. Кто сообщил?!. – всё не унималась она.

Когда подошла моя знакомая, он благословил её на Причастие. У меня же от всего увиденного и услышанного ноги закостенели, и хотела я от исповеди уйти подальше. Но как встала тогда на одном месте, так почему-то и стояла, как вкопанная. А батюшка всех поисповедовал, потом подошёл ко мне и ручкой меня «стук» в лоб:

– Ну что? В два часа ночи борщ кушала? Причащаться не будешь. – Благословил и удалился.

Потом я опять поехала в храм на Смоленском кладбище, решив, что этот старец теперь там будет служить. Но больше я никогда его не видела. И даже не знаю, откуда он был…

Да, порой к блаженной Ксеньюшке приезжали великие молитвенники, от которых

Икона блаженной Ксении Петербургской

можно было услышать и почерпнуть многое, и это такая бездна премудрости, о которой не рассказать и не описать её словами! Но я всё равно старалась хоть что-то обязательно запомнить и рассказать другим людям.

Сама матушка блаженная Ксения настолько близка каждому человеку, что никто не уходит от неё без милостивой помощи. Однажды после службы сидела я на кладбище, где покоятся мощи блаженной Ксении, со своим маленьким сыночком и кормила его грудью, накрыв платком. Это был трудный послевоенный сорок девятый год. И неожиданно подошла ко мне интеллигентная с виду дама, разодетая вся, в золотых украшениях, и спрашивает:

– Почему вы ребёнка на кладбище кормите?

А я отвечаю:

– Он литургию со мной пробыл и теперь кушать хочет, ему пора.

– А что же домой не едете?

– Как покормлю сыночка, пойду ещё к блаженной Ксении, на молебен.

– А что, разве польза от этого бывает?

– Да, Ксеньюшка помогает всем.

– Вот только мне она не помогла… – вдруг сказала, опечалившись, женщина.

– Что же у вас за нужда была? – спросила я её.

И она поделилась со мной своей скорбью:

– У меня муж большой учёный. Жили мы

с ним хорошо. Но вдруг он влюбился в одну молодую девицу и меня бросил. И вот мне сказали знакомые, чтобы я купила самую большую свечку, поставила её у блаженной Ксении, и тогда она вернёт мне мужа. Я купила, да не одну свечку, поставила их у Ксении, но мужа она мне не вернула…

Выслушала я её тогда и говорю:

– Не за свечку помогают людям святые угодники. И блаженная мамочка Ксения без всякой свечки может услышать вас, нужна только ваша молитва… Если вы действительно любите своего мужа и хотите, чтобы он вернулся к вам, то идите и просите у неё, как у родной мамочки, которая никогда не откажет своему ребёнку. Просите у святой Ксении с терпением, всем сердцем молитесь ей, и она воздаст вам…

Прошло три года… У меня уже дочечка на руках, а сыночек рядом за меня держится, когда я стояла как-то у блаженной Ксении на молебне. И вдруг подходит ко мне женщина и целует. Я удивилась и говорю ей:

– Наверное, вы ошиблись, перепутали меня с кем-то.

– Может быть, вы меня не узнаёте, но я вас никогда не забуду. Это вы научили меня молиться как дитя к матери.

Я посмотрела на неё внимательно и увидела, что рядом с ней стоит высокий мужчина очень привлекательной внешности.

– Вот мой муж, которого мне вернула блаженная матушка Ксения! – сказала женщина. – И не только мужа вернула она мне, но и веру в Бога! И теперь мы приходим сюда вдвоём.

Происшедшее с этой супружеской парой было для меня радостью. А они пригласили меня после службы к себе на обед, у них там машина стояла. Но я отказалась:

– Простите меня, ведь у меня не вся семья здесь. Детки со мной, а муж на работе. И надо к его приходу обед сготовить.

Мы были с детьми очень скромно одеты. И, наверное, видя мою нужду, женщина открыла сумочку, вынула из неё пачку денег, завернула в бумагу и, протягивая её мне, сказала:

– Я очень благодарна вам за всё, возьмите это от чистого сердца!

Но я ответила:

– Вы обязаны блаженной Ксении, её и благодарите… Она и нас никогда не оставляет без помощи…

Раньше часовня Ксении Петербургской была разорена и долго закрыта. И все молебны служили в храме. Но всё равно многие верующие приходили к часовенке – святой поклониться, поведать ей о своих нуждах, скорбях, печалях, а потом успокоенные отправлялись домой. И было у людей поверье, что Ксеньюшка в день её ангела является в

стеклышке часовни, в котором раньше Нерукотворный Образ был.

Однажды я рассказала об этом у нас на работе, и некоторые медсестрички захотели увидеть это чудо. А как раз приближалось шестое февраля – день памяти Ксении Петербургской. И вот мы отправились на этот праздник к святой. Было нас из больницы всего шесть человек: две медсестры из операционной, две из терапии, одна с хирургии и я. Отстояли мы службу в храме и пошли к часовенке. А день был очень морозный и вьюжный. Все они, постояв какое-то время, замёрзли и говорят:

– Не явится к нам, наверное, Ксеньюшка, мы пойдём…

И поспешили на транспорт. А я осталась молиться. Вдруг вижу: в простом платочке, по пояс, Ксеньюшка в окошечке явилась… Я стала кричать вдогонку:

– Вернитесь!

И они чудом услышали, прибежали обратно и тоже увидели Ксеньюшку…

Меня иногда спрашивают, почему в наше время святая не является больше в окошечке. Я думаю, потому, что сейчас доступ к гробнице уже открыт и каждый может прийти, к святыне приложиться. А в богоборческое время чего только не пытались устроить в часовенке воинствующие безбожники! И са-

пожная мастерская там была, и скульптурная. Ксеньюшка, наверное, и им являлась и все они оттуда разбегались, так и не смогли трудиться в часовне. Потом её бросили, осквернённую и порушенную… Но вот, силами православных, часовенку Ксении Петербургской, наконец, восстановили и снова открыли для верующих.

…Почти всю свою жизнь я проработала в медицине, и начальство знало, что я верующая. При составлении графика работы на следующий месяц меня всегда спрашивали, какие у меня будут праздники, поэтому в церковные праздники я никогда не работала. В воскресные дни ходила на раннюю литургию, а потом бежала на работу, стараясь никогда не опаздывать, чтобы никого не подводить.

Много мне пришлось потрудиться за жизнь физически, выполняя столько работы, что удивительно, как я могла со всем этим справляться. Но Господь всегда посылал мне Свою милость. Я бы так и работала до сих пор, если бы больницу нашу не закрыли.

Незадолго до закрытия больницы лежала у нас одна русская женщина, которая считала себя православной. Её должны были оперировать уже шестой раз. И даже врач сказал ей:

– Молитесь Богу, чтобы эта операция была у вас последняя.

А она лишь ответила ему тогда:

– Я и так крещёная…

И не стала молиться, полагая, наверное, что убережётся в своей жизни от всего плохого только крещением.

А на следующий день должны были делать очень сложную операцию одной татарке. Её уже положили на операционный стол, и медики стали между собой переговариваться, как она вдруг попросила их:

– Пожалуйста, не говорите пока ничего. Я хочу помолиться Богу перед тем, как мне дадут наркоз…

После операции эту женщину перевезли в палату, и она начала приходить в себя. Её стали спрашивать о самочувствии, но она, прикрыв рот рукой, стала показывать, чтобы опять все молчали, потому что она молится. Вот какое серьёзное отношение было у неё к вере. И она даже не разу не пожаловалась на боли, когда у неё отходил наркоз.

Прошло три дня, и эта верующая женщина встала и пошла да ещё начала помогать соседям по палате, еду им из столовой приносить, будто у неё и операции-то не было… Я всё говорила ей, что ходить после операции так много нельзя и тяжёлое поднимать тоже. А она только улыбалась и отвечала: «А Бог на что?!.» И все врачи тогда удивлялись, что она выздоравливает так быстро.

А женщина, которая называла себя пра-

вославной, долго никак не могла оправиться после операции. Я потом ушла в отпуск, и мне не известно, что сталось с ней дальше. Но было так обидно за неё, что она, считая себя верующей, к помощи Бога не прибегала.

Много пришлось повидать у нас в больнице заболевших безродных старушек, которые поддержки от ближних совсем не получали, никто не навещал их и ничего не приносил. Но они надеялись только на Бога, и сила их молитвы помогала им снова встать на свои ножки и вернуться домой. А те старушки, у которых тумбочка была загружена и красной икрой и черной, и фруктами и шоколадом, с постели больше не вставали. И хотя их родственники постоянно ухаживали за ними, у них не было надежды на Бога, и они умирали…

Когда человек верит, надеется и молится по-настоящему, тогда его прошение к Богу имеет огромную силу! Но если творить молитву просто устами, а не сердцем, то внешняя молитва ни в чем не поможет.

В наше время нередко бывает, что, когда у человека случается несчастье, он идет в церковь, чтобы только поставить там свечку. Люди думают почему-то, что за это Господь даст им всё необходимое. А на самом деле свечка спасению не поможет, ею не откупиться, даже большой. Ведь у Бога что большая свечка, что маленькая – всё едино, а важна душа человека, её доверие к Богу.

У меня была кумушка, очень верующая, мы с ней всегда на службы вместе ходили. Так её постоянно муж очень обижал. И было у неё четверо деточек, а зарабатывала она мало, поэтому не могла поставить в храме большую свечку и всегда только самые маленькие, недорогие покупала. Случилось потом так, что из-за болезни у неё ампутировали сначала одну ногу, а спустя время другую. Но муж её всё равно обижал. Потом она умерла.

Никогда в своей жизни я не видела, что бывает с душой человека, когда она на небо отходит. А после её смерти вдруг увидела во сне следующее.

У умершей кумы стол накрыт, огромный такой. А на нём много-много всякого: и яички, и булочки, и всё то, что она в своей жизни на подаяние давала. Бывало, сама что-то не съест, а обязательно отдаст это кому-то из нуждающихся… И тут я увидела, будто она в воздухе плывёт, полулежа, как на облаках, но невысоко, а некий старец сопровождает её… Потом смотрю: стоит ещё один стол – весь в подсвечниках, а в них огромные-преогромные свечи. И старец, который её ведёт, говорит: «Это её свечи…» После этого я увидела ещё большую кучу дров. А старец снова говорит: «Это всё – в неё брошенные…»

Моей кумушке попасть в храм всегда было очень трудно – муж не давал. Когда она

топила печку, он сердился, что она в церкви задержалась, и бросал в неё, по чему попало, тяжелыми поленьями… Но она всю жизнь несла свой крест безропотно, никогда ни с кем не ссорилась, такая смиренная и милостивая была!..

Глядя на всё происходящее ныне, я понимаю, что время, когда шла страшная, кровопролитная Великая Отечественная война, ничем для наших людей незаменимо. Тогда весь русский народ словно пробудился, очнувшись от атеистического дурмана. Даже Сталин, который был безбожником, сказал по радио (и я это слышала), что выиграть эту войну поможет нам только Сам Бог! И все вопияли ко Господу, просили Его, чтобы закончилась война и можно было, наконец, вдоволь покушать хлеба… Но даже тогда, в ужасающий голод, люди жертвовали собой, отдавая последние крохи порой совсем незнакомому человеку…

А сейчас такое возможно?.. К прискорбию, русские люди снова позабыли обо всём. Даже между верующими нет самого главного – любви… И вот приходят в храм совсем ещё дети, души которых неосознанно тянутся к Богу, но что они там получают? Вместо того, чтобы с добром пропустить их вперёд, ласково подсказать, как вести себя в храме (а это так легко!), некоторые старушки начинают на

них браниться, что пришли в брюках, накрашенные… Но ведь наша молодежь чаще всего и малости не знает о Православии, никто их, бедненьких, не учил вере… Разве они виноваты, что росли в такое тяжкое, безбожное время?!.

Лет десять-пятнадцать тому назад у нас в Ленинграде произошёл один случай. Пришли в храм Александро-Невской лавры две молодые пары. А был в этот день вынос Креста. Они постояли немного на службе, а потом отправились на старинное лаврское кладбище. И вот один парень говорит своим друзьям (сам того не понимая) страшные, кощунственные слова:

– Смотрите, я сейчас буду распинаться, я – Христос!

Он перелез через ограду и облокотился спиной на могильный крест, раскинув руки в разные стороны… И крест вдруг упал. Но только не назад, что могло бы произойти под тяжестью человеческого тела, а вперёд, придавив собой юношу…

Крест был очень массивный, металлический, ему бы ещё стоять и стоять, место надлома было очень светлым, незаржавевшим и не окислившимся. И парня так сильно прижало, что крест никак не могли поднять даже подъёмным краном, пришлось пригонять второй.

В ту пору в наших людях царило такое безверье! И случившееся явилось откровен-

Старинное лаврское кладбище (фото автора)

ным и страшным чудом, заставившим многих одуматься и снова вернуться к Богу.

Люди всё шли и шли на кладбище в Невской лавре к упавшему кресту. Но его потом увезли куда-то. А из земли, где лежал погибший юноша, ещё сорок дней выступала кровь. Её тоже старались уничтожить, но всё было тщетно… Убитая горем мать каждый день ходила на это место. Говорили ещё, что девушка того парня, свидетельница случившегося, сразу лишилась рассудка и её поместили в психиатрическую больницу…

Мне всегда очень жаль молодёжь, воспитанную в безбожии. Ведь это мое счастье, что с малых лет я знала Господа!.. И что многих удивительных чудес посчастливилось быть мне свидетельницей за свою непростую жизнь.

Ещё об одном необычном явлении поведаю в заключение своего рассказа.

В день, когда верующие провожали из Санкт-Петербурга вновь обретённые мощи батюшки Серафима Саровского, я взяла в лавре большую свечу и сразу зажгла её. Ковчег с мощами несли торжественно, очень медленно, и мы шли от Александро-Невской лавры до Московского вокзала потихонечку, а потом провожали святыню на поезд и ждали, когда он отойдёт.

Моя свеча всё время была под стеклянным колпачком от лампы. И прошло, наверное,

самое малое три с половиной часа, как у меня безпрерывно горела эта свеча. Но тогда я не сразу заметила, что больше половины её осталось у меня в руках, а обратила внимание на это чудо лишь дома.

С тех пор я возжигаю эту свечу каждый раз, когда молюсь преподобному Серафимушке. И ежегодно обязательно бываю в Дивеево, посещаю там все святые источники и благодарю Господа за Его великие милости ко мне.

Так и всю свою нелегкую жизнь, неизменно хранимая и ведомая Богом, я часто с благодарностью повторяла:

– Господи! Милость Твоя на мне!!.

АНГЕЛ С ЗЕЛЁНОЙ ВЕТВЬЮ*

В семье у Виктора и Татьяны родилась дочь. Они давно хотели девочку, но дождались её появления только через десять лет после рождения сына.

Когда Светочка немного подросла, то взрослые стали замечать, что это был очень необычный ребёнок. Энергия в ней била просто ключом. Подвижная девочка часто шалила, веселя всех своим безобидным озорством. И у неё были чудесные качества – доброта и необыкновенная щедрость. Она всегда готова была отдать, пусть незнакомому человеку, всё, что у неё попросят, даже любимые игрушки. А если кто-то из сверстников-малышей выхватывал у неё лопатку или топтал куличик, эта милая девочка никогда не огорчалась. Её маленькое сердце было полно любви и снисхождения ко всем окружающим. Она никогда не плакала, если падая расшибала колени, и никогда не жаловалась, если у неё что-либо не получалось. Казалось, что Светланка была

* Этот и следующие за ним рассказы были изданы ранее в московском издательстве «Глагол» с существенными сокращениями и изменениями авторского текста без какого-либо согласования с автором, что привело – к утрате своеобразия стиля, интересных фактов, а в некоторых случаях к изменению смысла. В настоящем сборнике восстановлен в полноте изначальный текст этих рассказов.

довольна всем и всегда. Никакие детские невзгоды и трудности совершенно не огорчали и не пугали её.

Самым дорогим и близким другом Светланки был для неё отец. Они всегда вместе с ним гуляли в парке, строили песочные дворцы, катались на велосипедах и санках, вырезали и клеили, шили и стирали одежду для кукол. И отец в ней души не чаял. А мама, как женщина очень хозяйственная, была в основном занята работой по дому, предоставляя мужу полную возможность проводить с маленькой дочкой всё свободное время.

Когда Света пошла в первый класс, то и тогда папа не переставал во всём помогать ей. Он даже ходил с ней в кружок по рукоделию и шил забавные игрушки, которые она дарила своим новым школьным друзьям. И одноклассники очень любили эту щедрую общительную девочку. Сколько детей всегда было у них в доме!..

Так и продолжалась бы счастливая жизнь в этой дружной семье. Но не понять нам, людям, промысла Божия. Светочка внезапно серьезно заболела. Сначала она стала жаловаться на болезненные ощущения в спине, потом уже не могла больше бегать и резвиться со сверстниками. А через некоторое время у неё случился тяжёлый приступ: из-за ужасных

болей ей невозможно было даже пошевелить конечностями.

Когда в больнице стали проводить обследование, то рентгеновский снимок показал наличие опухоли в позвоночнике. Она быстро увеличивалась, и сразу же после первого сеанса химиотерапии у девочки совсем отнялись ноги. Недуг развивался столь стремительно, что врачи ничего поделать с ним не могли. И радость в семье Виктора и Татьяны сменилась на безутешное горе…

Родители сутками по очереди дежурили в больнице у умирающей дочери. И однажды, когда Виктор пришёл сменить супругу, он, приоткрыв дверь в палату, замер на месте. У постели девочки, у её изголовья, сидел Ангел с зелёной ветвью… Татьяна, находясь поблизости, очевидно, этого не замечала и, когда вошёл муж, сказала:

– Не пойду я домой, мне сегодня очень хочется побыть здесь, вместе с тобою.

Девочка как будто мирно спала – боли после большой дозы сильнодействующих лекарств утихли. И казалось, пока ничто не предвещало её близкой кончины. Но Виктор не стал возражать против того, чтобы жена осталась в больнице. Он всё ещё не мог прийти в себя от внезапно увиденного. А Ангел с зелёной ветвью по-прежнему сидел, скло-

нившись над ребёнком. И Виктор видел его настолько реально и отчётливо, что различал складочки на просторном одеянии.

– Таня, он давно здесь? – непроизвольно спросил Виктор.

– Кто? – не поняла его супруга.

После её недоумённого ответа Виктор осознал, что это необычное видение открылось лишь ему.

Шло время, девочка всё так же спала. Но родители бодрствовали. Татьяна читала книгу. А Виктор, совершенно потрясённый, продолжал наблюдать удивительную картину, больше не пытаясь об этом говорить.

Неожиданно Светочке сделалось плохо. Мать бросилась за врачами, а отец, подбежав к дочери, осторожно взял её на руки. Девочка задыхалась. Он бережно поднял ей голову. И вот она сделала два очень глубоких вздоха и на третий, не приходя в себя, скончалась у отца на руках. Это случилось около двенадцати часов ночи.

Утром было необходимо оформлять документы, свидетельствующие о смерти ребёнка. И тогда, после необыкновенного видения Ангела Виктору, произошло второе чудо, но уже с Татьяной. Убитая горем, она всю ночь не находила себе места. Казалось, её сердце вот-вот разорвётся на части от безмерного

материнского страдания. И вдруг она ощутила нечто совершенно необычное. Кто-то невидимый словно дул на её сжигаемое нестерпимым огнём сердце и будто гладил его, безутешное, ласковой нежной рукой, успокаивая и облегчая всю тяжесть мучений. С тех пор Татьяна ничего подобного не испытывала. Но тогда это незримое ангельское прикосновение вдруг совершенно успокоило её, дав силы пережить в дальнейшем эту ужасную трагедию.

А Виктор после смерти любимой дочери впал в глубокое отчаяние. Жизнь казалась ему никчёмной, потерявшей уже всякий смысл. В безысходности и неуёмной тоске он бродил всё свободное время по местам, где так любил гулять вместе с дочкой. И однажды зашёл в храм, где когда-то крестили новорождённую Светочку. Вот и купель, в которой её окунали. Виктор обошёл весь храм, подходя то к одним, то к другим святым образам. И вдруг у алтаря, рядом с царскими вратами, он увидел его – Ангела с зелёной ветвью. «Архангел Гавриил» – было написано на иконе. И эта вторая реальная встреча внезапно оживила душу Виктора, измученную страданиями. Он осознал тогда, что кроме земной, материальной жизни есть ещё и иная – небесная, светлая и радостная жизнь.

Икона Архангела Гавриила

Жизнь, в которую, промыслом Божиим, перешла его дорогая девочка…

Позже, когда Виктор начал воцерковляться, он прочитал в православном энциклопедическом словаре, что Архангел Гавриил – благовестник тайн Божиих и служитель чудес, один из высших небесных Ангелов, который в Ветхом и Новом Заветах являлся людям как носитель радостных благовестий…

БОГУ ОДНОМУ СЛУЖИТЕ...

...Порой современному человеку в поиске истины приходится не раз ошибиться и немало пострадать, проходя череду серьёзных испытаний, чтобы с помощью Божией в конце нелёгкого пути познать Православную веру и уже навсегда прилепиться душой ко Христу – Спасителю всего мира...

«Бдите и трезвитесь...»

...Татьяна родилась за год до начала войны и была крещена ещё в младенчестве своей глубоко верующей бабушкой. Чудом пережив страшную Ленинградскую блокаду, она сохранила в памяти воспоминания о том, как бабушка часто молилась и просила помощи у Всевышнего. За свою нелегко сложившуюся потом жизнь Татьяна и сама не раз обращалась к Господу и в трудные минуты всегда получала просимое, хоть и не знала, как правильно молиться. Но, искренне веря в существование Создателя, она скрывала от посторонних свои убеждения и, как многие русские люди в то трудное, богоборческое время, в храм ходить не решалась.

Долгие годы жизнь Татьяны текла в привычном, спокойном русле. Но в 1990 году она услышала, что к нам в Россию из далёкой Индии приехали с лекциями о Боге представители одного из восточных верований. Живо заинтересовавшись этим, она, не раздумывая, согласилась на предложение знакомой посетить необычное мероприятие.

С этого момента существование Татьяны в корне изменилось. События стали развиваться с неимоверной быстротой, сменив монотонное бытие на массу новых и, как ей казалось тогда, удивительных впечатлений.

Стремление познать Истину было у Татьяны всю её сознательную жизнь. И на первой же лекции ей показалось, что надежды её оправдались, – там действительно заговорили о подлинном существовании Бога и о человеческой вере в Него. Татьяна обрадовалась, что, наконец, появилась возможность прикоснуться к ранее запретным знаниям.

В то перестроечное время в нашей стране, прежде насильственно оторванной от веры в Бога, повышенный интерес к религии проявился у многих людей. И Россию заполонили безчисленные секты. Души россиян, теряющих веру в земной рай, искали духовного наполнения, при этом совсем не имея правильных ориентиров. В результате Татьяна, совершенно не знакомая с Православи-

ем – истинным путём познания Бога, увлеклась медитацией.

Эти необычные занятия по концентрации внимания проводили адепты индийского верования, и назывались они очень загадочными, завораживающими разум непросвещённого человека словами – «вселенские медитации».

С каждым таким занятием у Татьяны стремительно возрастало убеждение, что «вселенские медитации» приносят огромную пользу всему человечеству. Одновременно в её душе крепла уверенность в том, что и она лично причастна к этому «архиважному» делу.

Идея помощи всему миру буквально поглотила сознание Татьяны. Она явственно ощущала, что её прежде обыденная жизнь приобрела глубочайший духовный смысл...

Прошло всего полгода, и Татьяну как истовую поборницу веры вместе с другими подобными ей преданными учениками направили в Индию. Все расходы по поездке в эту далёкую страну были целиком оплачены. Но лишь с тем (как поняла много позже Татьяна), чтобы крепче владеть душами обманутых в России людей. Так она попала в индийский центр Раджа-йоги.

Тогда до сознания Татьяны совершенно не доходило, что всё, чем она так страстно вдруг увлеклась и чему стала служить столь пре-

данно, не имело и малейшего отношения к истинному Богу. Она не догадывалась о том, что всё это, по сути, было лишь умелой и весьма изощрённой подменой Истины…

Пребывая в центре Раджа-йоги, Татьяна, как и все его ученики, вставала очень рано, в четыре часа утра. Чтобы весь день без остатка посвятить многочасовым совместным медитациям, длительным лекциям и прочим безконечным занятиям с опытными учителями – «гуру». И с какого-то момента Татьяна вдруг начала испытывать состояние неописуемой эйфории. В ней неведомо откуда стали пробуждаться небывалые физические и внутренние силы. Но, к прискорбию, всё так же не возникало и тени мысли о том, что происходящее с ней было не от Бога.

В Ленинград Татьяна вернулась уже не прежним, обычным человеком, а студенткой центра восточной религии. Это вызвало к ней повышенный интерес людей, которые, как и она, запутались в духовных вопросах. Татьяну стали часто приглашать для проведения публичных медитаций. И она уже сама могла через медитативные установки свободно руководить и владеть волей присутствовавших в зале людей, направляя их сознание в нужное ей русло.

Так, в обманчивом служении, незаметно прошло 15 месяцев. И сперва казалось, что

ничего плохого это дело не предвещает. Но с некоторых пор начали происходить непонятные вещи со знакомыми, вернувшимися из Индии, как и Татьяна, учениками восточного верования. Они неожиданно стали уходить из жизни, один за другим, от страшного заболевания – рака.

Здоровье Татьяны к тому времени тоже было нарушено. Состояние эйфории, к которому она успела привыкнуть, начало безвозвратно исчезать. Вместо него, усиливаясь с каждым днём, появлялись боли во всём теле. А ещё всё чаще возникало мучительно тягостное уныние в душе, что также действовало на организм разрушительно. Происходящее пугало Татьяну своей непонятностью, но, к счастью, одновременно и понуждало серьёзно задуматься над правильностью выбранного в жизни пути. А вскоре, по несказанной Божией милости, ей наконец-то открылся подлинный смысл её лжедуховной деятельности.

Татьяна в очередной раз проводила массовую медитацию. Вдруг что-то необъяснимое побудило её пристальнее вглядеться в глаза и выражения лиц присутствовавших в зале. И она поразилась внезапно увиденному: перед ней сидели не люди, а управляемые зомби, пребывавшие в чудовищном трансе, в коем не было и намёка на истинную духовность…

Осознав в результате открывшегося пагубность своего служения и гибельное состояние

этих людей, Татьяна тут же прервала медитативный настрой, который до этого внушала всем собравшимся. В ужасе она стала мысленно повторять им: «Люди, опомнитесь! Люди, очнитесь! Что же мы с вами делаем, что мы делаем?! Это мы не Богу служим, а чему-то страшному! Нужно уходить отсюда немедленно, бежать!..»

В наступившем внезапно прозрении Татьяна всё оставшееся время в течение сорока минут только и твердила: «Люди, опомнитесь, люди, проснитесь!..» И ещё она повторяла, сокрушаясь всей душой: «Прости меня, Господи!.. Прости меня!..»

Последняя медитация закончилась для Татьяны осознанием собственной вины и глубоким раскаянием перед Всевышним, после чего она принялась бороться, как могла, за прозрение обманутых людей. Это оказалось делом непростым, более того, опасным – её преследовали, ей угрожали… Но Господь защитил от многочисленных нападок…

Однако известно, что нарушение Божественных законов неизбежно приводит грешника к нарушению его здоровья. Так и Татьяна за своё неразумие понесла суровое наказание. Вскоре у неё обнаружили рак. И ей пришлось проходить в стенах специализированной больницы длительный курс облучения быстро увеличивающейся злокачественной опухоли.

Сама Татьяна понимала, что лечение это непростое и, к тому же, не всегда приводит к выздоровлению. Но, вверив свою судьбу Господу, она неотступно просила у Него прощения и исцеления. Купив православный молитвослов, каждый день подолгу читала молитвы…

«Многие придут во имя Моё…»

…Дабы очистить человека от первоисточника греха – гордыни, Господь вновь и вновь попускает ему искушения. Чтобы, перенеся их и научившись истинному смирению, верующий смог отличать правду от ее грубой подмены. И Татьяна по прошествии времени снова промыслительно попала в сети серьёзных заблуждений.

Выйдя из больницы, где пришлось лечиться довольно долго, она поехала домой. В пригородном автобусе к ней подсела женщина средних лет. Вскоре завязался разговор. Незнакомка представилась православным врачом. И Татьяна сразу поведала ей о проблемах своего здоровья, доверчиво полагая, что встретила истинно верующего человека.

Всю дорогу «доктор» убедительно рассказывала о благотворном влиянии православного поста на телесное и духовное здоровье людей, стараясь вызвать к себе наибольшее

расположение. А в конце разговора она предложила Татьяне свою помощь в борьбе с её нелёгким недугом.

Как новоначальная в вере Татьяна не ведала, что тёмные силы расставляют спасающемуся на каждом шагу свои коварные ловушки. И она усмотрела в происходящем Божие руководство. Не научившись на прежних, серьёзных ошибках разумной осторожности, Татьяна опрометчиво вверила свою судьбу совершенно незнакомой женщине, пообещавшей вывести её на путь истинного спасения.

Вскоре Татьяна стала регулярно посещать лекции, которые проводились в одной из пригородных поликлиник, и была совершенно одурманена страстными речами новой знакомой, именующей себя «православным врачом». После чего она столь же безропотно согласилась присутствовать и на сеансах звукотерапии у якобы также православного врача.

Увлеченная очередным обманом, Татьяна более года посещала эти душепагубные мероприятия, лукаво прикрываемые медицинской терминологией – «звуковая терапия». И однажды после занятий врач-звукотерапевт вдруг познакомил Татьяну с женщиной по имени Людмила, приехавшей из города Сланцы. Из разговора с ней Татьяна узнала,

что и она православная верующая. Но самое главное, как показалось тогда Татьяне, выяснилось, что Людмила обладает безценным даром – даром внутреннего видения.

Ещё до личного знакомства с Людмилой Татьяна неоднократно видела её на сеансах звукотерапии и невольно обратила внимание на то, что у врача-звукотерапевта был некий внутренний контакт с этой женщиной, что-то вроде взаимопомощи, она как бы духовно помогала врачу на его занятиях. И вновь, по неведению, Татьяна почла за честь близкое общение со столь «необычным» человеком, так же ошибочно отнеся это к Божией милости.

Далее Людмила подробно рассказала Татьяне, что после сложной операции по удалению одного легкого она якобы получила от Господа чудесный дар исцеления других людей. С тех пор Татьяна стала безоглядно боготворить Людмилу как великую подвижницу благочестия, не ведая, что не каждый человек, именующий себя православным, является таковым на самом деле.

«Не сотвори себе кумира...»

Прошло немного времени, и Людмила предложила Татьяне посетить Троице-Сергиеву Лавру – обитель преподобного Сергия Радонежского. В этом паломничестве Люд-

миле удалось окончательно убедить Татьяну в собственной святости и возыметь над ней полную власть. С тех пор Татьяна постоянно следовала за новоявленной «святой», целиком ей доверившись. На Татьяну напала такая духовная слепота, будто в её мозг была введена некая программа действий. Она сделалась словно рабой Людмилы – безропотно обслуживала и всячески ублажала её.

Проезжая со своим кумиром по святым местам, Татьяна узнала, что везде, где они ни бывали, у Людмилы имелись преданные ей ученики. Они так же слепо вверили свои души земному, греховному человеку, который (как выяснилось потом) лишь алчно жаждал власти над ближними для услаждения собственной ненасытной гордыни.

Многих заблудших подкупала показная любовь Людмилы к Господу, о которой она говорила постоянно. Представляясь «угодницей Божией» и «Божией служительницей», она хвалилась своими «духовными подвигами», заявляя во всеуслышание, что вышла уже на 500 поклонов, на тысячу и более в день и что, пока кто-то из верующих делает один поклон, она успевает сделать их целых три.

Опытный духовный взгляд на эту лжеподвижницу сразу распознал бы в ней состояние крайней прелести – прельщённости тёмными духами. Но Людмила умело пользовалась от-

сутствием православного опыта у большинства новоначальных. Играя на их религиозных чувствах, она особо развивала тему «смирения», чтобы уловить в свои липкие сети как можно больше наивных и доверчивых людей.

Таким образом, Людмила создала целый штат поклонников, которые безотказно исполняли любые капризы «наставницы»: щедро кормили, одевали, оплачивали безконечные поездки в разные концы страны. Все эти несчастные заблудшие люди, вместо того чтобы молиться Творцу и Создателю всего сущего, безропотно отзываясь на каждое приказание Людмилы. А она напутствовала их ежедневно сотнями класть земные поклоны и при этом непременно держать в душе и уме её образ, чтобы тем самым давать ей дополнительные силы для её «духовного подвига».

Уезжая в другой город, Людмила контролировала всех своих учеников по телефону. То поощряла их, говоря, что они молятся за неё хорошо и она ощущает их помощь в своих «подвижнических трудах». Или ругала за то, что они молятся недостаточно, и она это чувствует на расстоянии. Татьяна также была обязана ежедневно сотнями бить поклоны, давая своему земному кумиру «духовную» силу, чтобы Людмиле (как она выражалась сама) «было удобнее служить Богу»...

Но милосердный Господь даже наши ошибки и тяжелейшие грехи перед Ним обращает во благо, спасая нас, недостойных. И Татьяна, всё больше размышляя над происходящим, постепенно начала понимать, что снова служит не Богу, а тленному человеку. Этому осознанию во многом помогли православные книги, которые Татьяна читала потихоньку от Людмилы. Из них она узнавала, что истинные угодники Божии никогда не делали свой духовный подвиг достоянием зрителей, а тайно, без постороннего взора, порой до полного изнеможения молились за весь греховный мир.

Со временем Татьяну стали всё более настораживать странности в поведении «наставницы». Но та, не догадываясь о начавшемся прозрении ученицы, продолжала кичиться своей «святостью». Однажды Людмила заявила, что она родная сестра Ксении Блаженной, и зимой, в сильные морозы, путешествовала повсюду в босоножках, обутых на голую ногу...

С каждым днём внутренняя сущность псевдоподвижницы всё ярче проявляла себя видимым образом. Укладываясь спать, Людмила вдруг принималась завывать, а потом и рычать по-звериному. Но Татьяна ещё некоторое время ошибочно полагала, что несёт свой крест послушания и служения ближнему.

Она по-прежнему терпела от Людмилы нескончаемые унижения и словесные оскорбления. И, подчиняясь требованиям наставницы, подолгу растирала ночами её тело, которое в это время корчилось от лютых приступов трясучих конвульсий...

Но духовная слепота Татьяны не могла продолжаться безконечно. Господь окончательно раскрыл ей глаза, предоставив этому случай.

В конце зимы Людмила привезла Татьяну в Московский онкологический центр, где в очень тяжелом состоянии находилась одна из её преданных почитательниц. Войдя в палату к умирающей, Людмила тут же начала с ней «работать». Вместе с Татьяной она прочитала над её головой акафист Серафиму Саровскому. После этого болящая почувствовала некоторое облегчение и заснула. На что Людмила самодовольно обратила внимание её мужа: «Вы видите, какова сила моей молитвы?.. А завтра ей будет ещё лучше!» – уверенно добавила она.

Однако наутро женщине стало совсем плохо. Людмила торопливо разложила у изголовья несчастной принесённые в больницу иконы и приказала Татьяне читать Евангелие. И Татьяна читала главу за главой, когда вдруг почувствовала, что начала терять сознание. Испугавшись, что может вот-вот упасть, она

хотела присесть на стул. Но гневный оклик Людмилы: «Стой!» – не позволил ей этого сделать. В следующий миг Татьяна ощутила, что она куда-то погружается, как бы тонет в какой-то страшной, чёрной мгле. И ей показалось, что она умирает. Следом неожиданно возникли воспоминания о родных. Именно это и заставило Татьяну осознать свою ответственность за происходящее. Со всей очевидностью представилось, что её внезапная кончина в Москве принесёт ближним не только страдания и скорбь, но и массу хлопот, так как им придётся перевозить её мёртвое тело на родину в Петербург. От этих пугающих мыслей Татьяна пошатнулась и вновь хотела было сесть. А очередной властный приказ Людмилы «стоять!» подействовал на неё окончательно отрезвляюще. И она, больше не подчиняясь своей наставнице, села на стул, чтобы полностью прийти в себя. Разгневанная неслыханным непослушанием Людмила принялась яростно хлестать свою ученицу по щекам. Но только произошло чудо – щёки Татьяны сделались твёрдыми, как пластмасса, и она совершенно не чувствовала боли, а лишь слышала громкие хлопки и видела перед собой перекошенное злобой лицо «Божиего человека».

Как ни старалась тогда Людмила, ей уже не удалось подчинить Татьяну своей власти,

и она стала читать Евангелие сама. Но всё было безполезно. И вскоре больная скончалась в сильных муках. Ей не смогли помочь ни молитвы с чтением святого Евангелия, ни святая вода, обильно изливаемая из рук Людмилы, ни старинные иконы – святыни словно отказались участвовать в делах тьмы, обличая этим нечестивого человека.

В конечном итоге «духовный подвиг» Людмилы полностью раскрылся перед Татьяной как тайное служение тёмным силам. Но Людмила ещё долго досаждала Татьяне телефонными звонками из разных городов, пытаясь с помощью угроз и уговоров вернуть себе безропотную служанку. А Татьяна, осознав свою вину перед Господом, молила Его об избавлении от напастей. Прозрев, избавившись от плена иллюзий и, наконец, уяснив, Кому действительно нужно служить в этой жизни, Татьяна уже самостоятельно стала ездить по святым местам, молиться Творцу и прибегать к православным церковным Таинствам, насыщаясь благодатью. Она поняла, что спасти её может только вера в истинного Спасителя – Иисуса Христа и жизнь по Его заповедям. И теперь Татьяна всеми силами помогает восстановлению церквей во имя торжества Православной веры на нашей Русской земле…

ПУТЬ К СПАСИТЕЛЮ

«...Теперь я самая счастливая!» – думала Валентина, укачивая крохотную Алёнку, с любовью и нежностью взирая на долгожданное дитя.

Замуж Валентина вышла рано, едва ей исполнилось восемнадцать. Муж Сергей, старше её на пять лет, был не по годам очень серьёзный, заботливый и работящий. Он к тому же не пил и не курил и всё, что зарабатывал, исправно приносил домой. А зарабатывать он умел хорошо. И подружки завидовали Валентине: «Ну и супруга же ты себе отхватила – не муж, а просто золото».

И всё-то всегда ладилось у Валентины с Сергеем, характер у него был покладистый. Деньги на кооперативную квартиру скопили быстро, даже на двухкомнатную. Ремонт сделали сразу, обстановкой обзавелись... А детей всё не было.

Но вот наконец-то, спустя почти семь лет, в их семье появилась долгожданная дочурка.

Девочка родилась здоровенькая и никогда не болела, крепкая росла, как грибок. Нарадоваться на неё не могли. И не было для родителей никого на свете краше и лучше маленькой Алёнки. И баловали они свою «единственную» безоглядно. Всё, что ни пожелает, – для неё. От того, наверное, и росла

Алёнка не в меру капризная и своенравная. Чуть что не по ней – так в крик, ножками топает, требует своего. «Ничего, – успокаивали себя родители, – подрастёт – поумнеет…»

– Не хочу кашу овсяную, не хочу, – хныкала Алёнка, шлёпая по дымящейся горке ложкой, и вязкие капли разлетались в разные стороны. А свекровь, зашедшая в гости, только качала головой. Не привыкла она к такому обращению с едой, детей своих в войну растила, каждая крошка была дорога.

– Сейчас мы тебе другую кашку сварим, рисовую, – и Валентина, заботливо подхватывая дочку на руки, шла с ней на кухню.

– Не хочу каши, – кричала Алёнка и била мать по щеке своей пухлой ладошкой, продолжая капризничать.

– Ах ты, моя шалунья, – целовала Валентина ударяющую её ручку и отпускала вырывающегося ребёнка на пол. – Не хочет моя маленькая кашки, мы ей киселька сварим, – терпеливо произносила мать, нежно глядя вслед убегающей дочке.

Свекровь, всегда молча наблюдавшая за происходящим в доме сына, не выдержала тогда:

– Валя, Валя, что ты делаешь?! Разве можно детям вот такое позволять?!

– Ну что вы, мама, как же я могу по-другому? Ведь Алёнушка – наша с Сергеем единс-

твенная радость! Сколько мы ждали её появления?!. – оправдывалась Валентина, вновь принимаясь хлопотать у кухонной плиты.

– Как бы слезами потом не обернулась для вас ваша «единственная радость», – произнесла тогда с сокрушением свекровь, хорошо знавшая жизнь.

Но Валентина не обратила внимания на слова пожилой женщины, не придав им никакого значения…

Шло время, Алёнка быстро подрастала и в десять лет почти догнала свою мать. Родители по-прежнему заботились только о ней, о своей любимой дочери, ни в чём ей никогда не отказывая: и пианино купили, и в музыкальную школу отдали, и в кружок бальных танцев записали. Но, видно, всё это шло ей не впрок. И чем старше становилась Алёнка, тем грубее и резче была она с родителями, всегда продолжая делать лишь то, что ей захочется. И Валентина от дерзких выходок своей дочери всё чаще украдкой плакала. К несчастью, слова, сказанные когда-то свекровью, оказались пророческими. И постепенно едкая горечь стала разъедать душу матери. Всё больше копилось в ней невысказанной обиды. Всё чаще хотелось упрекнуть свою дочь в непонимании и грубости…

Однажды свалил Валентину сильный грипп, такой, что и головы не могла поднять.

Дочке скоро в школу идти, а еду разогреть – нет никаких сил. Лежала она в постели и не знала, как ей подняться. А Алёнка уже в школьную форму оделась и, сев за пианино, от нетерпения ударяла по клавишам инструмента с такой силой, что у больной матери в голове словно молотками стучали.

– Алёнушка, доченька, – с трудом произнесла Валентина, – там, в холодильнике, супчик, подогрей себе…

– Ещё чего, – сразу же оборвала её недовольная дочь, – ещё форму испачкаю. Встань и сделай это сама! – раздражённо добавила она, ударяя по клавишам всё сильнее и чаще.

Валентина еле-еле встала с кровати и, приготовив обед, позвала дочь. Алёна, наконец-то перестав терзать пианино, с недовольным видом подошла к столу. Резко сев за него, она расплескала часть содержимого тарелки. Брезгливо вдохнула пар, поднимавшийся от горячего супа, и грубо произнесла:

– Как противно пахнет! Что ты за гадость сварила?!

Девочка оттолкнула от себя тарелку. И та, соскользнув с мокрой клеёнки, упала на пол, разбившись вдребезги и забрызгав стены кухни.

Слёзы горечи и обиды застелили глаза матери. Она опустилась на колени, пытаясь собрать осколки.

– Как тебе не совестно, – дрожащим голосом с упрёком произнесла Валентина, – мы с отцом только и стараемся – всё для тебя, а ты… – она не успела договорить, как нога дочери с силой пихнула её, опрокинув навзничь.

– Заныла: «всё для тебя, всё для тебя»… – истерически закричала в ответ Алёна, вскакивая из-за стола.

А дальше – всё произошло как в кошмарном сне. Снова прозвучало нестерпимо жгучее оскорбление, которое дочь бросала матери не впервой: «Дура!» И Валентина, в который раз униженная, больше не могла совладать с собой. Не помня себя от обиды, она в сердцах выкрикнула в адрес дочери страшные слова:

– Будь ты проклята!!.

Алёна, схватив школьный портфель и с грохотом захлопнув за собой дверь, выбежала на улицу…

Как после случившегося добрела до постели – Валентина не помнила. Потрясённая происшедшим и окончательно обезсилев, она надолго погрузилась в тревожное забытье. Страшные кошмары одолевали её непрерывным потоком. Перед глазами то появлялось, то исчезало перекошенное лицо кричащей на неё дочери. «Дура, дура, ненавижу тебя!..» – изрыгала она оскорбления, при этом пытаясь ударить мать по лицу. А Валентина, в ужас-

ном сне заслоняясь от ударов, рыдала наяву от отчаяния и душевной муки…

Из полубредового состояния Валентину вывел наконец-то голос её мужа:

– А где Алёнка? И что это у вас на кухне произошло?

Сергей только вернулся с работы и недоумевал, глядя на непривычный безпорядок в доме.

«Сколько же сейчас времени?..» – подумала Валентина, очнувшись. Она с трудом приподнялась с подушки и, отирая лицо, мокрое от слёз, взглянула за окно. На улице было уже совсем темно. И в её воспаленном сознании начало медленно, как в тумане, проявляться то, что случилось днём на кухне. Ужаснувшись происшедшему, Валентина громко зарыдала, не в силах что-либо объяснить мужу.

Было уже девять часов вечера, когда после тревожного звонка сына приехала свекровь Валентины. До её приезда успели обзвонить школьных подруг Алёны. И все они в один голос говорили, что не видели девочку со вчерашнего дня.

Когда свекровь позвонила в последнюю городскую больницу и ей ответили, что и к ним не поступало детей, похожих на Алёну, Сергею стало совсем плохо. И его в предынфарктном состоянии увезли на «скорой помощи».

Валентина осталась со свекровью дома. Она совершенно изнемогла от полного отчаяния и от вновь начавшегося жара и лежала в постели, опять погрузившись в тревожный сон. А свекровь обзванивала уже городские морги. В одном из них ей сказали, что ещё днём к ним поступил труп девочки-подростка лет одиннадцати. Ничего не говоря Валентине, свекровь рано утром поехала в морг.

Бабушка опознала Алёну лишь по школьному платью и туфелькам, которые она подарила внучке на 1 сентября, так как тело ребёнка было обезглавлено. Перенесшая ужасы войны старая женщина выдержать увиденного не смогла и упала без сознания. Спустя время, когда её привели в чувство, ей рассказали, что тело девочки было обнаружено в кабине лифта. Там было разбито вставное зеркало, которое не успели заменить. Быть может, девочка из любопытства высунула голову в отверстие, и во время движения кабины ближайшее перекрытие шахты лифта раздавило ей голову… Непонятно, как Алена попала на другой конец города в незнакомое здание. Наверное, ей попросту захотелось покататься в лифте, которых не было в домах их района…

Некоторое время от Сергея пытались скрывать трагическую гибель Алены. Он вернулся из больницы не скоро и уже инва-

лидом первой группы. Без любимой дочери для него будто свет померк. Он поседел и состарился. А Валентину непрестанно мучили воспоминания того рокового дня. И обвиняя себя в смерти Алены, она постоянно ходила на кладбище, где плакала над могилой, пока хватало слёз, а потом, опустошённая, шла домой, чтобы назавтра снова вернуться туда, к своему безутешному горю…

Как-то от могилы дочери Валентина неосознанно побрела к кладбищенской церкви. Она остановилась у её дверей, когда навстречу ей вышел убеленный сединами священник. И Валентина вдруг бросилась к нему в ноги, сердцем почувствовав в этом пожилом человеке нечто спасительное.

Батюшка отвел рыдающую женщину на ближайшую скамейку и спокойно, ласково сказал:

– Расскажите мне по порядку, что с вами случилось.

И душа бедной женщины, вконец измученная тяжкими переживаниями, полностью открылась перед старым священником. Валентина поведала всё о своей прошлой жизни – счастливой, а потом несчастной. И ей стало намного легче, словно внутри затеплилась неясная надежда на лучшее.

Батюшка молча, внимательно выслушал рассказ Валентины. А потом, успокаивая её, молвил:

– Я помолюсь и о дочери, и о вас с мужем…

Никогда ранее не испытывала Валентина такого утешения и покоя, как после общения с этим священником. И она стала иногда заходить в кладбищенскую церковь, чтобы снова встретиться с ним, оставаясь порой и на вечернее богослужение.

Однажды Валентина пришла к батюшке с очень радостной вестью.

– У меня может родиться ребёнок, – затаив дыхание, произнесла она.

– Помоги тебе Господи, – светло улыбаясь, сказал батюшка, – буду молиться о твоём благополучном разрешении…

У Валентины родился мальчик. Но он был слабенький и очень болезненный. И мать, полностью погрузившись в земные заботы, как ни печально, забыла о церкви. Валентина даже побоялась окрестить ребёнка, опасаясь, что он может простудиться. А здоровье мужа к тому времени быстро ухудшалось. И когда малышу было всего два годика, Сергей скоропостижно скончался. Незадолго до этого умерла свекровь. И со смертью мужа Валентина потеряла последнюю опору. Она не знала, как ей жить дальше с маленьким, больным ребёнком на руках, у кого искать помощи. Совершенно было отчаявшись, Валентина вдруг вспомнила о старом батюшке,

который некогда поддержал и утешил её в безнадежном состоянии.

Моросил осенний холодный дождь, когда она с ребёнком подошла к храму. Но его двери были закрыты на замок. Какое-то время Валентина в растерянности бродила рядом и уже собралась уходить, как из церковной сторожки выглянула пожилая женщина.

– Что тебе, милая? – ласково спросила она. – Если ты на службу, то приходи попозже, часа через два.

– Я лучше здесь подожду, – отозвалась Валентина, – мне батюшку вашего нужно. Ведь он всегда раньше приходил.

– А тебе какого батюшку? – спросила старушка, присматриваясь к Валентине. – Что-то мне лицо твоё знакомо. Ты вроде когда-то к отцу Павлу приходила.

– Вот его-то мне и нужно – отца Павла, – оживилась Валентина.

– Опоздала ты, миленькая, – вдруг прослезилась старушка. – Не служит больше наш батюшка, на покое он теперь…

– А где мне его можно найти? – ещё ничего не понимая, спросила Валентина.

– Да вот, за алтарем он… Спит наш батюшка Павел спокойным сном…

Старушка проводила растерянную женщину к скромной могилке, а сама вернулась обратно.

Опустив ребёнка на землю, Валентина упала перед могильным крестом на колени. Её обдало холодной, осенней сыростью, но, оглушённая горем, она ничего не замечала – пропала последняя надежда на человеческую помощь. В тот момент несчастной женщине захотелось закричать от отчаяния, зарыдать в голос от полной безысходности. Но за последние годы в её жизни было уже столько скорбных потерь, что она сдержалась и только тихо плакала, не поднимаясь с колен.

– Господи! Что же мне делать? Ведь все покинули меня… Кто же сможет помочь мне теперь?.. Господи, хоть Ты не оставляй меня!.. Помоги мне, Господи!.. – твердила в отчаянии Валентина, с надеждой глядя в тяжёлое осеннее небо. А её малыш тихо бродил рядом, срывая пожухлые травинки с могильного холма…

Уже смеркалось, когда Валентина, взяв сынишку на руки, пошла домой. К тому времени по направлению к кладбищенскому храму отовсюду стекались верующие. Валентина невольно остановилась, провожая их потухшим взором. Но тут ей в глаза неожиданно ударил свет, струившийся из приоткрытых дверей храма. Там, внутри, мерцающими огоньками горело множество свечей… И вдруг, взглянув чуть выше, Валентина увидела, что Иисус Христос, в ослепительно белом

Спаситель Иисус Христос. Фрагмент иконы (фото автора)

одеянии, идет ей навстречу!.. Она совершенно позабыла, что это был витраж, цветное изображение иконы на подсвеченном стекле. Ей, как наяву, отчетливо виделось, что Сам Спаситель, живой, шёл к ней, распростёрши руки; готовый принять её со всеми скорбями и бедами; готовый помочь ей и спасти её от земной погибельной безысходности…

Потрясённая чудесным видением, Валентина, в этот миг полностью уверовав душой, прошептала с надеждой:

– Ты спасёшь меня, Господи!..

Крепко прижав своего младенца к груди, она вошла тогда в храм, чтобы больше уже не покидать Христовой спасительной Церкви…

ПОД КРЫЛОМ АНГЕЛА

Это произошло с автором в 1996 году в г. Санкт-Петербурге.

...После всего случившегося со мной я поняла много глубже, насколько дорого обходится вразумление Всевышнего тем, кто не внимает Его предупреждениям сразу... Быть может, ещё кто-то, прочитав этот рассказ, наконец осознает, у края какой погибельной пропасти стоим все мы...

Невольно соприкоснувшись с совершенно неведомым ранее бытием, я стала интересоваться чудесными происшествиями в жизни некоторых людей и прочитала ряд книг, связанных с посмертным опытом или выходом души из тела. И сразу обратило на себя внимание обстоятельство, что все описания внеземных опытов не похожи между собой. Возник вопрос: почему? Почему человек в результате общения с невидимым миром получает свои собственные впечатления о нем?.. Быть может, причина в том, что у каждого свой путь спасения и Господь открывает ему лишь то, что необходимо лично для него...

Прочитав немало книг (а литература на эту тему внезапно буквально обрушилась на меня), я осознала, что не вправе скры-

Батюшка Николай (Гурьянов) (фото автора)

вать происшедшее со мной, что подобные вещи должны быть достоянием верующих людей, как способствующие укреплению веры. Вскоре Господь благословил меня, через старца о. Николая (Гурьянова), опубликовать рукопись. Когда я работала над ней, то единственной моей задачей было как можно правдивее и выразительнее передать случившееся. Поэтому данный труд ни в коем случае не претендует на «литературность». Но прошло время, прежде чем мне удалось наиболее полно и предельно точно передать невыразимое, то, что очень трудно описать человеческим языком.

***

Раньше, когда я только пришла к Православной вере, мне казалось, что Господь, видя нашу греховную омраченность, не являет нам больше Свои чудеса. Но то, что произошло, заставило меня полностью изменить своё мнение… Впрочем, начну по порядку.

Мой путь к Православию оказался нелёгким и томительно долгим. Я родилась во времена активного строительства «рая на земле», когда упорно внушалось, что Бога нет, а сама религия – это «опиум для народа». Более всего очернялось Православие, и в моей душе к вере предков прочно утвердилось отношение

как к чему-то отсталому и примитивному, «поросшему мхом веков».

Но вопрос «в чём смысл земного бытия?» стал волновать меня довольно рано. С детства я пыталась постичь тайны природы, изучая её, но, потратив на это не один год, так и не нашла вразумительного ответа. Интуитивно я ощущала: за материальным проявлением жизни стоит жизнь неведомая и, возможно, более разнообразная и сложная. Я догадывалась, что внутренняя природа человека, его душа каким-то образом связана с этим невидимым миром, и в более зрелые годы обратилась к психологии – науке, как казалось тогда, способной многое объяснить. В результате появилось лишь ещё больше волнующих вопросов... Какое-то время прошло в увлечении философией, но и разнообразные «теории бытия» многочисленных мыслителей, вечно спорящих между собой, также не внушали доверия.

На тот момент в моём сознании уже витало понятие «Творец», «Создатель». Но я упорно избегала понятия «Бог», которое ассоциировалось для меня с фанатизмом (а стало быть, являлось самообманом). Сознание всё больше прельщали и очаровывали слова «Абсолют», «Космос», «Мировой Разум» и тому подобное. Я наивно рвалась постичь Истину «в её полноте, в её совершенном звучании».

И в результате со всей безоглядностью окунулась в безкрайнее множество восточных верований, столь заманчиво обещающих открыть Истину.

Осмысление мудреных трактатов оказалось делом не из лёгких. Их тщательное изучение лишь ещё больше запутывало меня – пока я не осознала вдруг, что хожу по замкнутому кругу. Возникла догадка: меня старательно водят за нос, чтобы навсегда увести от Истины. Странное чувство всё сильнее преследовало меня: будто я стучусь лбом в непреодолимую стену, воздвигнутую чьей-то властной рукой. Явственно ощущалось, что кто-то неведомый чинит мне препятствия из своего невидимого мира.

Многочисленные безплодные попытки самостоятельно постичь основы бытия вконец подорвали мои душевные силы, и я решила плыть по течению, приняв теорию «существования винтика в сложном социальном механизме». «Быть может, в этом попросту и состоит смысл жизни?!» – стала думать я, пытаясь обмануть себя. Но пришла к ещё большему разочарованию. Ощущение, что за земным бытием стоит что-то несравнимо большее, не давало покоя. И жажда познать Истину оказалась сильнее всего.

Не полагаясь больше на свои силы и осознав лишь полное ничтожество перед Непос-

тижимым, я взмолилась ко Творцу со всей искренностью и переполняющим меня отчаянием: «Господи, приведи меня к Себе! Укажи путь, ведущий к Тебе – Истине!..» Отныне я только жила и дышала этой внутренней мольбой-молитвой.

И Господь услышал мой крик души и открыл путь к Себе. Я покрестилась. Вскоре Православное вероисповедание, глубоко тронув меня, стало единственным смыслом моего существования. Я была потрясена тем, что всю жизнь ходила рядом с Истиной, совсем не подозревая об этом. Возможно, чтобы трепетнее относиться к вере предков, Господь и вёл меня столь тернистым путем.

На этом милость и щедрость Всевышнего ко мне не окончились. Вдруг я обрела необыкновенное состояние внутреннего покоя и умиротворённости, неведомое мне ранее. Вместе с этим моя давно нездоровая плоть чудесным образом освободилась от плена многочисленных болячек. Тело оживилось, ощутив давно позабытую юношескую свежесть… И мне казалось тогда, что все эти необыкновенные дары я получила навечно.

Так продолжалось не один месяц, пока я с усердием постигала церковную жизнь с её удивительными Таинствами.

Поначалу я совсем не осознавала, для чего даются мне эти новые силы, и вмес-

то того чтобы преумножать их и дорожить ими, принялась безоглядно их растрачивать. Постепенно, всё более предаваясь бренной суетности, стала пренебрегать службами, забывая о Таинствах, так питающих и очищающих душу…

К тому времени мне было уже немало – сорок лет. На руках поздний ребёнок, которому всего пять с половиной. Нужно заботиться о нём, кормить, одевать… Позабыв о самом главном, спасении души, я целиком окунулась в бытовую круговерть.

Моё существование без Бога вновь стало походить на безсмысленный суматошный бег, от которого лишь возникала неимоверная усталость.

И что же было результатом? Все дары, данные мне милостью Свыше, я так же неожиданно утратила, как недавно приобрела. Все мои прежние болезни вернулись ко мне, но с ещё большей силой. А внутренний покой сменило изнуряющее душу омрачение. Будто меня и вовсе не касалась благодать Божия.

Я жила как в тумане, подчиняясь всеобщему греховному бытию. Не находилось сил хоть сколько-то изменить зашедшее в тупик существование. Я словно была не вольна над происходящим. Меня преследовало ощущение стремительного и неотвратимого падения в чёрную бездну… Собрав воедино жалкие

капли угасших сил, вспоминая о благодати, столь безрассудно утраченной, я стала молить Господа о прояснении своего сознания, о том, чтобы Он помог мне вырваться из этого порочного бытия.

К счастью, Господь вновь призрел на меня и услыхал мой слабый, но отчаянный призыв. И на этот раз Он явил мне Свою безграничную милость. Милость, помогающую падшему снова и снова подниматься из греховной грязи. Мне было дано вразумление – испытание через боль. Через боль, которая сдвинула меня с мёртвой точки, вывела из состояния полной душевной окаменелости. И со мной случилось тогда невероятное…

Ещё за день до того я всё так же была поглощена житейскими заботами, работала на износ художником, разрешая финансовые проблемы семьи. Выполнив в срок большой заказ, я поняла, что следует, не откладывая, пойти к врачу, так как здоровье резко ухудшилось.

Я давно не обращалась за медицинской помощью, и сухие слова хирурга: «Завтра срочно на операцию», – явились для меня шоком. Вдруг вся моя жизнь – жизнь, в которой не было уже времени на то, чтобы остановиться и задуматься, неожиданно и резко остановилась, застыв перед ужасающей неизвестностью. «Как же я?.. Что же будет со мной? Что

будет с моими близкими, с моим маленьким ребёнком? – пронеслось у меня в голове. – Ведь операция предстоит под общим наркозом, это означает немалую вероятность моей грешной душе навеки покинуть тело! С чем предстанет она пред Господом?..»

Это произошло в конце первой недели Великого поста, в дни, когда верующие, отложив все дела, возносят усиленную покаянную молитву ко Господу, – в храмах читается Великий канон преподобного Андрея Критского. Я же более месяца уже не посещала храм, не исповедовалась и не причащалась Святых Христовых Таин. Накопившиеся нераскаянные грехи тяготили душу, но столь длительное непосещение храма я оправдывала перед своей ноющей совестью и перед Богом сложившимися обстоятельствами, усталостью и недостатком времени. Грядущее испытание мгновенно переменило всю мою жизнь с её ценностями. В ту длинную, мучительную ночь перед операцией я совсем не спала, думая о том, что единственно важным для меня осталось теперь спасение души. Сознание своей греховности приводило в жгучее отчаяние, внутри всё горело мучительным огнём.

С трудом дождавшись утра и отложив приготовления к больнице, я опрометью бросилась в знакомый монастырь, к священнику, у которого всегда исповедовалась. К моей

великой радости, батюшка оказался на месте. Более часа я провела в сердечном раскаянии и плаче по своим грехам. Господь был так милостив, что не отказал мне и в Причащении Святых Таин. Сразу стало легче, Таинства сняли с омрачённой души тяжкий груз, а наставления священника, который, ничуть не смягчая ситуации, мудро наставлял меня, не исключая «самого худшего», помогли справиться с почти животным страхом и правильно подготовить себя к предстоящему. Наконец-то, успокоившись, я предала себя воле Всевышнего.

Все время перед операцией я только и твердила Иисусову молитву. Стараясь не терять её, легла на операционный стол. Когда пошёл наркоз и во рту ощутился холодок, мысли стали расплываться, словно таять. И я успела произнести мысленно лишь: «В руце Твои, Господи...» Но потом, собравшись с силами, осознавая всю важность этой молитвы в столь ответственный момент своей жизни, всё же договорила: «...предаю дух мой».

До этого случая я не единожды переносила операции под общим наркозом. И каждый раз, когда приходила в себя, было ощущение глубокого сна без сновидений. А на этот раз...

Едва договорив молитву, я словно вылетела куда-то. (При этом сознание не покидало меня ни на долю секунды.) Я вынырнула в другом измерении и встала на исходные позиции, будто у порога чего-то неведомого...

Признаюсь сразу: то, что начало происходить со мной с того момента, было вне земных ощущений и понятий и из-за скудости человеческого языка не поддаётся полному описанию. Но я всё же дерзнула сделать это, ведомая волей свыше.

...Ничто во мне и вне меня и отдаленно не напоминало земное. Все человеческие ощущения мгновенно исчезли. Всё земное ушло, пропало без следа. Даже беспокойство о ребёнке в случае моей смерти, мучившее меня перед операцией более всего, и сама память о ребёнке – всё растворилось. Кто я и откуда, я не знала. Я попросту не задавалась этими вопросами. Но точно знала, что это я и что всё это происходит со мной. Ощущение себя было столь не по-земному ярким и цельным, что человеческому уму не представляется возможным оценить это. На земле же, отягощённое плотью, ощущение себя весьма ограничено и замкнуто на своем «я». К тому же человеческое сознание, постоянно раздираемое потоком мыслей и шквалом эмоций, не имеет цельности, как я поняла спустя время, оценив своё состояние ТАМ.

Итак, моё сознание было сконцентрированным, чётким и ясным. В следующее мгновение мне захотелось определить себя: что я есть, чем я являюсь? Это желание возникло само по себе, непроизвольно, и в ответ на него сознание вдруг незримо отделилось от меня. Я увидела себя со стороны. И смогла рассмотреть себя саму очень подробно. Поземному это звучит по крайней мере странно и неправдоподобно. Но ТАМ – своя реальность и свои законы бытия, абсолютно недоступные нашему пониманию…

То, что я увидела, и намёком не напоминало человеческую фигуру с ногами, руками и головой. Вся я (а у меня и сомнения не возникало, что это именно я), не имея телесных форм, представляла собой некое подобие шара без четких границ-очертаний. В центре было светящееся белое ядро, ослепительно яркое. Свечение от него будто искрами расходилось в разные стороны, создавая мерцание. Этот свет постепенно таял в окружающем пространстве, как бы сливаясь с ним и образуя очертаниями подобие шара. (Позже, на земле, довелось услышать, что, по свидетельству святых отцов Церкви, душа без тела выглядит именно так.)

Какое-то время я любовалась этим зрелищем. Но вот, удовлетворившись определением себя, моё сознание так же легко и не-

замедлительно соединилось со мной-шаром. (Необходимо отметить, что и временные понятия ТАМ тоже своеобразны. В той реальности время существует как бы во времени. И момент, когда я рассматривала себя со стороны, был самостоятельным и ёмким отрезком времени, но протекающим очень быстро в общем ходе мгновенных событий, не на миг не останавливающихся.)

В следующий момент я увидела перед собой огромное светлое пространство, вызывающее спокойную и столь же светлую радость. Эта необъятная светозарная даль простиралась до горизонта, который был отчётливо виден. А позади меня, я чувствовала, пролегала грань, за которой уже находилось что-то тёмное и глухое, – так я ощущала место, откуда только что «пришла». Незримая и неведомая плоскость, где я пребывала, отделяла гнетущую мрачную бездну от безкрайнего светлого пространства.

Ещё на земле, перед операцией, я отчаянно молилась, прося Господа дать мне хоть немного времени, хоть самую малость его, чтобы «раздать долги ближним» – примириться со всеми, попросить у всех прощения и принести максимальную пользу. Я истово молила Всевышнего дать мне такую возможность. И когда я оказалась ТАМ, всё во мне (все устремления и чаяния) было подчинено единой

цели, сконцентрировалось на ней. Это – непреодолимое, всеохватывающее желание попасть к Нему. К Нему, Который над всем и во всём, Которому подчинено всё сущее. Слово «Бог» в моём сознании на тот момент отсутствовало, но я чётко знала, что Это – Последняя Инстанция, Вершитель всего, Судия. Мне было необходимо попасть к Нему со своей **просьбой**. С просьбой, которую я принесла с собой ТУДА и важнее которой ничего не было. Но я там даже не осознавала (и не пыталась осознать), в чём именно состоит эта просьба. Однако только она и была единственным движущим фактором, заставляющим меня с непреодолимой тягой, всем своим существом стремиться к Нему.

После осознания своей цели следующие мои мысли-вопрошения были: «А как же я одна?!.»

На какое-то мгновение я ощутила себя совсем одинокой. Но лишь на мгновение. Потому что в следующий миг помимо моей воли вдруг началось движение, в котором я была уже не одна. И я сразу почувствовала чьё-то присутствие, хотя ещё и не увидела никого. Но нечто очень тёплое, большое, надёжное вдруг возникло рядом, опекая и сопровождая меня в начавшемся внезапно движении. Было ясно, что столь неожиданное появление *кого-то* дано с Высшего соизволения, из сочувс-

твия ко мне, попавшей в непривычные условия, чтобы поддержать и направить меня. Во мне сразу возникли уверенность и доверие к неведомому провожатому, и я попыталась передать ему свои намерения. Но это оказалось совершенно излишним, так как он и без моего уведомления всё знал. Безпрекословно подчиняясь моему главному желанию-цели, он увлёк меня за собой.

Сперва мы двигались по прямой в сторону горизонта. Потом, резко свернув направо, мой спутник направил меня во внезапно возникшую плотную туманность. Движение стремительно нарастало, и я поняла, что мы находимся внутри лабиринта, представлявшего из себя широкую полую трубу. И возникновение этого лабиринта было столь неожиданным, сколь и естественным для реальности, в которой я оказалась.

Стены трубы-лабиринта, я заметила, были гладкими и состояли будто из ярких разноцветных плиток, разнообразной вишнево-красной, а также изумрудно-зеленой цветовой гаммы тёплых тонов, различной геометрической формы и с резкими цветовыми границами. Эти плитки были выложены, словно искусная мозаика, которая завораживала и привлекала к себе внимание. Мне очень захотелось рассмотреть всё поближе. И в тот же момент, словно повинуясь моему

желанию, плитки, ясно и чётко сфокусировавшись, приблизились ко мне. Рассматривание их продолжалось ровно столько, сколько понадобилось для удовлетворения моего любопытства. Далее стена лабиринта самопроизвольно как бы отдалилась от меня. И стремительное движение по трубе-лабиринту возобновилось, будто и не прерывалось. Поворот следовал за поворотом. Один лабиринт плавно переходил в другой. Одна цветовая гамма сменяла другую...

Сделаю небольшое отступление, чтобы дополнить свой рассказ интересными сведениями. Спустя пару дней после операции меня навестила соседка. Я поведала ей, без каких-либо подробностей, что во время операции «путешествовала». Тут она вспомнила, что более семи лет назад тоже испытала подобное, когда её оперировали. Она принялась подробно описывать всё, и я поразилась удивительному сходству, вплоть до мелочей, её впечатлений с моими. Очутившись на плоскости, она так же сперва двигалась по прямой к горизонту, а потом, резко свернув направо, оказалась в плотной туманности и в лабиринтах, где началось её столь же стремительное движение, где она так же отчётливо ощутила, что лабиринтов было несколько и все они были как бы покрыты разноцветными плитками различных геометрических

форм. Но в её случае иными были цветовые гаммы этих плиток, они были коричневых, жёлтых и бежевых тонов. К тому же её путешествие внезапно прекратилось в лабиринтах, после чего она и очнулась. Была в наших с ней «путешествиях» и ещё одна, но очень значительная разница: мою знакомую ТАМ никто не сопровождал, и она испытывала чувство безмерного, гнетущего одиночества. Могу ещё дополнить, что она – верующий в Бога человек, но некрещёная и отрицающая Христа как Спасителя…

Теперь продолжу рассказ о своём путешествии. Спутник, который направлял наше движение, ощущался мною всё яснее и яснее. И я всё более осознавала, что он обязан с чьего-то Высшего соизволения показать мне всё это и я должна пройти весь маршрут, определённый мне свыше.

Движение по разноцветным лабиринтам было весьма увлекательным и завораживающим. Но мною всё же более всего владела одна цель – как можно скорее попасть к Нему. И я испытывала всё большее нетерпение, несмотря на то, что наше движение было и без того очень напряженным и подчиненным лишь моему желанию-цели. Мой спутник (провожатый, охранник – как я его ощущала), казалось, тут же улавливал всё то, что происходило во мне. Любое моё побуж-

дение сразу передавалось ему, словно при разговоре двух хорошо понимающих друг друга людей. (Но язык нашего с ним общения был явно не человеческий, а на уровне некоего осознания передающейся непостижимым образом информации.) Заметив моё нетерпение, провожатый ускорил движение до такой степени, что мы молниеносно пронеслись по ряду лабиринтов, и я даже не успела разглядеть их. Всё слилось воедино, с трудом различались и резкие повороты. Но я чётко поняла, что лабиринтов было несколько и что маршрут, заранее определённый для меня, не был сокращён нинасколько. В следующее мгновение, стремительно вылетев из последнего лабиринта, мы очутились в огромном пространстве, похожем на округлую комнату, в центре которой была воронка, напоминающая раструб музыкальной трубы. Она под наклоном уходила в другое какое-то неведомое пространство, будто внутрь его. Я в нерешительности остановилась совсем близко от воронки. Остановился и мой провожатый. Мы как бы чего-то выжидали, удерживаемые сознанием необходимости в этом. После столь стремительного движения, а более – из-за загадочной воронки, манящей в себя, я несколько растерялась и тут же отлетела в сторону, оказавшись на небольшой горке-возвышенности. Оттуда я стала наблю-

дать за своим провожатым.

Теперь мне представилась возможность разглядеть своего спутника во всех подробностях. Он был не мужчина, но и не женщина. Длинные волнистые волосы спадали с головы на распростёртые крылья, как бы сливаясь с ними воедино. Одеяние скрывало конечности. Его голова, лик, распущенные волосы, крылья и одежда – весь он словно мерцал, переливаясь цветовыми волнами нежных розовых, голубых, зеленоватых и желтоватых оттенков, что очень напоминало перламутровую поверхность морской раковины. Его тело не было похоже на грубую человеческую плоть, а будто состояло из непрозрачного плотного эфира. Необыкновенно чудное благоухание, подобного которому в земных условиях я не разу не ощущала, исходило от него.

Были у него и глаза, и нос, и уста, но всё это казалось единым, не имевшим чётких границ и очертаний. Прекрасный лик, излучая неземной покой, был мягким и невозмутимым. Позже, на земле, я пыталась понять, почему мой спутник своей внешностью так поразительно напоминал мне кого-то. Спустя время я вспомнила: да-да, несомненно, – «Троица» Андрея Рублева! В удивительных ликах иконы – те же невозмутимость и спокойствие, та же мягкость и прекрасная не-

Икона Ангела Хранителя

Живоначальная Троица. Икона письма прп. Андрея Рублева

земная умиротворенность. Да, облик моего спутника, даже сами пропорции тела очень походили на образы древнерусских икон. В молитвенном подвиге святым иконописцам открывалось истинное видение мира невидимого, сокрытого от грешных плотских глаз.

Пока я разглядывала своего проводника, он дал мне понять, что мы у моей желанной цели. Во время нашего общения я ясно ощутила, что мой спутник дан мне свыше. Не менее ясным было и то, что, подчиняясь мне, он был более управляем и всецело повиновался воле свыше, которая незримо руководила и управляла им всё это время. Так же ясно чувствовалось, что мой спутник знает то, во что я не была посвящена, но у меня почему-то не возникало и малейшего желания узнать более того, что было попущено.

В следующий момент я увидела, что такие же, как я (в виде шаров), со своими провожатыми вдруг возникают откуда-то, молниеносно устремляясь в воронку, и исчезают там, как бы втягиваются, засасываются в неё. Они, как маленькие прозрачные тени, мелькали один за другим. Провожатые держали своих подопечных между крыльями, заботливо прикрывая ими безценную ношу. То пространство, где я задержалась по неясной мне причине, было для них лишь кратким мигом на пути следования к их цели. Мой спутник,

провожая взглядом мерцающие тени, плавно повернул голову, и я увидела его прекрасный профиль. Какое-то время он невозмутимо наблюдал за происходящим, стоя у воронки на коленях. Но во мне вдруг возникла непреодолимая тяга-стремление – последовать, как и все, в эту воронку. Мой провожатый мгновенно уловил всё происходящее во мне и, наверное, чтобы остановить меня, тут же дал понять, чтобы я присоединилась к нему. Не раздумывая, я сразу же очутилась под его распростёртым правым крылом. И уже оттуда, как из надёжного убежища, продолжала наблюдение.

Моё нетерпение нарастало всё более и более, и я недоумевала: чего мы ждем? Меня так тянуло подчиниться общему движению и последовать в воронку! Но мой спутник, казалось, выжидал момент сообщить мне то, о чем я сама должна бы догадаться и не настаивать на своём. В конце концов он сказал:

– *Ещё не время.*

Он сказал это очень убедительно и твёрдо, и я тут же согласилась с ним, как будто мгновенно поняла: мне ТУДА не время.

С того мгновения я вдруг почувствовала, как начала двигаться вниз, уже совсем в другом пространстве. Я как будто выпала из прежнего измерения и, плавно спускаясь, летела уже одна, без своего провожатого. Но

его внезапное исчезновение ничуть не встревожило меня. Более того, всё, что происходило до этого, полностью исчезло, словно стёрлось из моего сознания.

Я медленно падала сквозь белый туман (скорее, это был белый свет), ощущая, что словно лежу на горизонтальной плоскости, и мне было безмятежно хорошо и покойно. Все мои желания, которые до этого заполняли моё существо, были самыми значимыми и важными, неожиданно растворились, не оставив и следа. Блаженство, которое я ощутила взамен, невозможно выразить, так как ничего хоть сколько-то похожего в своей жизни я не испытывала (да и вообще не подозревала о возможности подобного). Всё было исполнено *безконечной* и *безграничной* ЛЮБВИ!!!

Это была Всеобъемлющая ЛЮБОВЬ, любовь, исходящая от НЕГО, ЛЮБОВЬ, которая пронизывала и охватывала всё моё существо, отзываясь во мне детской преданностью и столь же безкорыстной любовью к своему Создателю. Блаженный трепет и безграничное счастье наполняли меня. Вся я словно существовала только ради этой трепетной любви к НЕМУ, одновременно всею собой впитывая ЛЮБОВЬ, излучаемую Всевышним. И не было ни границ, ни глубины этой всеобъемлющей и всепронизывающей ЛЮБВИ!.. Казалось, что есть только ЛЮБОВЬ и

более ничего…

Какое-то время я спускалась так, наслаждаясь неземным безмятежным счастьем и сладостным блаженством. Но когда я спустилась ниже и оказалась уже вне белого света, от состояния несказанной благодати не осталось и следа. И мною мгновенно овладел нечеловеческий крик-плач. Я словно опомнилась: ведь я не смогла передать (сказать) Ему самого главного, того, ради чего проделала весь внеземной путь. И осознание этого повергло меня в состояние непередаваемого ужаса.

Устремив «взор» ввысь, я стала взывать к Богу. В моём сознании каким-то образом уже появилось слово «Бог». Я взывала к Нему с отчаянием и плачем, непрестанно повторяя: «Господи, прости меня! Господи, спаси моего ребёнка!..» – но ещё не словами, а как бы всем своим существом. Ощущение невыносимой скорби было во мне безмерно глубоко. Я словно безвозвратно утратила что-то, что было единственным смыслом моего бытия, и состояла теперь лишь из нечеловеческой боли, безутешного вопля и непрерывающегося стенания по Богу!.. Да, ведь я лишилась той ЛЮБВИ, и это было мучительно скорбно и невыносимо для меня. Я, будто непрестанно сгорая, каждую секунду умирала вновь и вновь…

Позже, на земле, я то и дело мысленно возвращалась к воспоминаниям о той безгра-

ничной Божественной Любви и нестерпимой скорби… Наверное, не случайно мне была показана столь огромная разница между этими состояниями, между Богом и тьмой. Теперь это напоминает мне о смысле моего земного существования и о том, к чему я должна стремиться в этой жизни всеми силами… Боль и скорбь, которые пришлось перенести, навели на мысль, что, даже испытав это, я могу лишь смутно догадываться о той безысходности и тех страданиях, в которых томятся грешники в аду, безутешно взывая ко Господу. И страшная боль их велика не столько оттого, что они горят в адском огне, сколько оттого, что они оторваны от Бога, от Его безграничной Любви. Эта оторванность от Бога и есть горение в аду, а лютые и изощренные бесовские истязания – только следствие абсолютной незащищенности Божественной Любовью.

Теперь я поняла, что человеческое естество, всецело поглощённое мирскими играми, не в состоянии представить всего ужаса и безысходности грешника, изнывающего в аду. Мы живём на земле так, будто смерть с её неизбежными переменами в бытии не коснется нас лично. Мы, безпрестанно отдаваясь житейским заботам-попечениям, упорно отодвигаем от себя неминуемый конец пребывания нашего на земле…

Мой сокрушенный плач не прекращался и

всё более раздирал душу, заставляя гореть её нестерпимо мучительным огнём. Казалось, что происходящее никогда не окончится, что это стало теперь смыслом всего моего существования… Но вдруг в какой-то момент я отчетливо ощутила, что вижу ЕГО. И ЕГО присутствие тут же заполнило всё необыкновенно ярким белым светом. Он был Могущественным и Всеобъемлющим, не имеющим конкретных форм и заполняющим Собой всё сущее. Это был свет немеркнущего вечного Солнца.

Ослепительное величие Создателя вызвало во мне ещё больший трепет и рыдания. Я была потрясена и поглощена всем, что открылось мне. Потом я заметила, что рядом с Ним находится ещё кто-то, но много меньше. Своим силуэтом он сколько-то напоминал человека: голова, плечи, верхняя часть сложенных крыльев. Остальная часть тела была погружена в белый туман-свет. Лика я также не видела – и он растворился в белом свете. Я испытывала исходящие от него по отношению ко мне ранее знакомые чувства любви, теплоты и участия. Он обсуждал что-то с Ним (с Богом), и я отчетливо понимала, что беседа прямо касается меня. Он будто ходатайствовал за меня перед Богом. И в мой не прерывающийся ни на мгновение отчаянный плач вдруг невольно ворвалось неимоверной силы сокрушение о своей греховности.

Господь, казалось, внимал моему плачу. И то, что я наконец-то была услышана Им, начало действовать на меня успокаивающе, как будто ко мне снова стала возвращаться ЕГО утраченная мною ЛЮБОВЬ. Но, как ни странно, мой сокрушенный плач по-прежнему не прекращался, а наоборот, становился всё глубже и сильнее.

Постепенно белый свет и всё, что он содержал, стало исчезать, будто растворяясь. И я почувствовала, что спускаюсь в более плотные слои. От соприкосновения с этой плотностью ощущения стали меняться на более неприятные. Плач-молитва во мне по-прежнему не прекращалась, более того, усиливалась, но выражала уже вместе с раскаянием и глубокую благодарность Всевышнему.

Я спускалась всё ниже и ниже, пока вдруг не услышала голоса, звучащие уже по-земному, и обрывок фразы: «...она просыпается». Хотя телесных ощущений ещё не было, но каким-то образом я почувствовала, что меня куда-то перекладывают.

С какого-то момента я осознала, что взываю к Господу уже вслух, человеческим языком. Иногда я прерывала свою истовую молитву, чтобы задать вопросы, обращённые к ранее услышанным голосам:

– Где я?.. Я на земле?.. Я человек?..

В ответ я слышала мягкий голос медсес-

тры, успокаивающей меня утвердительными ответами. Постепенно я стала медленно осознавать, что это действительно я, что я на земле и что всё уже закончилось – всё, что должно было со мной произойти по Воле свыше.

Мой отчаянный плач, однако, не прекращался, и я ощущала, будто меня жгут раскаленным железом. Спустя время я поняла: это были слёзы. Они потоком лились из моих глаз – так, что вся одежда у шеи была мокрая. Вскоре постепенно всю меня стала наполнять ноющая боль, и я ощутила, как возвращаюсь в своё тело.

Процесс этот был медленным и неприятным, особенно в первый момент, момент осознания происходящего. Я почувствовала земную тяжесть, которая, как расплавленный свинец, вливалась в меня, сильное огорчение и глубокое разочарование от возвращения на землю.

Это можно сравнить с нелепой метаморфозой: лёгкий мотылёк, ещё мгновение назад радостно и безмятежно порхавший в лучах ласкового солнца, вдруг оказался во мраке, за пределами живительного света и стал падать вниз. При этом его хрупкое прозрачное тельце подверглось ужасающей трансформации: оно превратилось в омерзительную застарелую колбасу и со всего размаха шлёпнулось на землю…

По словам медсестры, я более полутора ча-

сов взывала к Богу, отчаянно и слёзно. Меня с трудом убедили не шуметь, ведь в палате были ещё больные, после чего я перестала молиться вслух, но продолжала делать это в мыслях ещё долго, пока не впала в сонное забытьё.

Меня оперировали около шести часов вечера. В два часа ночи я очнулась и всё вспомнила. Желание встать и записать то, что со мной произошло, едва возникнув, всё более укреплялось. Нарастала уверенность в том, что я должна это сделать не для себя. Всё происходило помимо моей воли, будто кто-то побуждал меня. Мне же самой казалось, что происшедшее со мной ТАМ так естественно и в этом нет ничего особенного, что любой человеческой душе близки и доступны все эти переживания… Но исходящее откуда-то свыше требование побуждало меня запечатлеть, зафиксировать то, что осталось в моей памяти, на бумаге. Недоумевая по поводу необъяснимых требований извне, я в конце концов с трудом встала с постели и записала всё.

До сих пор мне не приходилось заниматься писательским трудом. И первое, что поразило меня, – ощущение, будто моей рукой что-то владеет. В сознание легко «вливалось» то, что я должна была записать, и мне не составило большого труда сделать это. В какой-то момент мне словно открылся смысл этого делания. Вдруг подумалось: «Быть может, это

кому-то необходимо, и этот рассказ о внеземном путешествии поможет людям осознать, что наша жизнь – не просто краткий и бессмысленный миг на земле. Этот краткий миг так важен для будущей нетленной жизни! А главное, быть может, на моем примере кто-то обретёт веру в Бога, веру в истинного Бога!»

Ранее, до всего случившегося, меня часто мучило маловерие. А теперь я точно знаю – Бог есть! Но, как я поняла, все наши представления о Нём очень искажены, раздроблены и по-земному примитивны, загрязнены плотскими ощущениями. Ничего земного ТАМ не было. Там не было ничего лишнего, никакой человеческой мишуры… Но всё же самое главное, что я сейчас знаю точно, – **БОГ ЕСТЬ!**

Постепенно всё более опытно убеждаясь, что в жизни людей ничего случайного не происходит, я решила через некоторое время дополнить свои записи тем, что, надеюсь, может представлять некую ценность для верующего человека.

То, что случилось со мной во время операции, я уверена, не было сном. Несомненно – это была РЕАЛЬНОСТЬ! Впечатления от сновидений, как правило, быстро тускне-

ют и забываются. Даже самые яркие события жизни постепенно блекнут и стираются из памяти. А это... Я помню всё, до мельчайших подробностей, так ярко!..

Происходящее со мной первое время после операции также можно отнести к удивительному. Поистине, щедрость Господа не имеет границ. Он наказует грешника с великой любовью. Удостоив меня серьезного испытания, Он и щедро наградил, приоткрыв завесу таинственного и недоступного многим смертным. И то, что я приобрела за короткий миг испытаний, глубоко вошло в мою душу, став её принадлежностью в полном смысле этого слова.

После возвращения на землю ещё около трех месяцев сохранялось чувство, что я не совсем вернулась в тело. Было ощущение, будто я новорожденный младенец. Весь мир воспринимался мною совсем по-иному. Я словно была в другом качестве, и всё, относящееся к вопросам веры (что раньше было просто словами, на уровне ума), наполнилось истинным содержанием... Открывшийся смысл глубоко вошёл в меня и жил, питая душу с её новым отношением ко всему. Это было необыкновенное чувство единства с живущими на земле (словно я была единым телом со всеми людьми) и равенства с любым человеком, пусть с самым убогим и грешным. Я очень остро ощущала, что мы для Бога –

единое целое, и это рождало глубокое осознание ответственности за всех. Я всем существом знала: мы не вправе обижать ближних своих, нам необходимо жить только любовью друг к другу. Меня переполняла любовь ко всему земному – природе, растениям… Я наслаждалась каждым мигом бытия. Возникло чувство благодарности ко Всевышнему за всё, что со мной происходило, происходит и может произойти. Было искреннее желание больше не грешить.

В результате происшедшего совершенно исчез страх за участь ребёнка. Я осознала всем своим существом, как Господь безгранично любит всех нас и обо всех заботится. Только мы не всегда понимаем это и часто противимся Его благой воле. Пришла уверенность, что наша любая просьба к Нему, вне всякого сомнения, обязательно будет услышана.

Одним из наиболее значимых приобретений, с которыми я вернулась ОТТУДА (хотя все они несравнимо ценны), было полное отсутствие страха перед смертью. Раньше, до веры в Бога, я часто просыпалась по ночам, испытывая леденящий могильный ужас от мысли о неизбежной смерти. Жизнь со столь пугающим концом казалась мне тогда бессмысленной и никчёмной. Мне всё яснее виделось, что мы, люди, как примитивные насекомые, копошимся в земных заботах-страстях,

создавая свои хрупкие и недолговечные сооружения материальных ценностей. И я всё более понимала, что человек в процессе созидания занят неустанным поиском смысла жизни, придумывая в оправдание своему копошению многочисленные и сложнейшие теории бытия. Невозможно было уже скрыть от себя того, что всё это мгновенно рассыпается при таком неизбежном и неотвратимом факте, как смерть. Очевидно, не желая смириться с пугающей неизбежностью, я неотступно старалась найти более надёжное оправдание человеческого существования. Интуиция подсказывала: наверняка для каждой человеческой жизни есть более высокое предназначение. И вот благодаря Православию мне удалось коренным образом изменить своё отношение к земной жизни и смерти. Я поняла, что наше суетное бытие, за которое мы так отчаянно цепляемся, превращается лишь в пыль и прах у ног Господа. А данный мне свыше опыт реально показал, что смерти, как её понимает неверующий человек, попросту нет. Есть только избавление от всего лишнего, мешающего и обретение цельности истинного «я» в неразрывной связи с Богом. По возвращении на землю прочно вошло в сознание, что подлинная реальность – ТАМ, а наша земная жизнь – лишь мнимая действительность, не более чем шаткая иллюзия.

Теперь смерть стала для меня естественным фактом. Это уже не пугающая неизбежность, омрачающая рассудок, вызывающая животный страх перед неизвестностью, а освобождение, дар Божий. Земное существование после пребывания на Небесах оказалось таким безмерно тягостным и гнетущим, а незабываемые воспоминания о Белом Свете – столь сладостно реальными, что сменить земное прозябание на Небесную Обитель было бы для меня теперь счастьем и мечтой. Но… Ещё тогда, когда я была на пути ОТТУДА, мною вместо панического страха перед смертью овладел всепоглощающий ужас от осознания своей греховности. И когда моя душа вернулась в тело, боязнь того, что я не искупила перед Богом свои грехи, оказалась настолько велика, что заставила думать не о райском блаженстве, а о вечном горении в аду. Теперь я глубоко понимаю, что только смерть праведника – избавление, а смерть грешника ужасна из-за её безысходности и, быть может, неотвратимости. Я всё более стала осознавать, что Господу нужна лишь душа, омытая слезами покаяния.

Да, боль – это тяжкое испытание. Но, наверное, только болезнь или несчастье могут глубоко потрясти человека, заставить его изменить взгляд на своё земное существование и возродиться к новой жизни. Мы так не це-

Автор книги Наталья Цветаева

ним этот дар Господа – жизнь, забываем, что это лишь краткий миг…

Я отчетливо помню, что ТАМ у меня сохранились преобладающие черты характера: напористость, безпокойство, неумение ждать, – они руководили мною в моём внеземном путешествии. Теперь могу сделать вывод, что воспитывать свой характер нужно здесь, на земле. ТАМ будет поздно, ТАМ мы будем поставлены уже перед свершившимся фактом…

Необычным какое-то время после операции было отношение к еде. Не скрою: всю жизнь одним из моих грехов было чревоугодие. С ним я то успешно боролась, то снова впадала в него. Первое время, как я спустилась на землю, мне совсем не хотелось есть. Не то чтобы не было физического желания, а просто этот процесс – еда – вдруг потерял для меня своё значение, став просто непонятным. Мы, люди, часто потребляем продукты питания не для утоления настоящего голода, а для получения положительных эмоций и устранения душевного дискомфорта. Но ТАМ моя душа напиталась видением Господа, и более ей ничего не требовалось. В какой-либо замене пищи духовной она не нужда-

лась, насытившись неземной благодатью. Так мне было открыто совершенно удивительное состояние необыкновенной легкости, когда и плоть, и душа, не отягощённые грубой физической пищей, пребывали в полном блаженном комфорте…

Но душа моя всё же вернулась на землю, обратно в тело. От этого факта было не уйти, это пришлось принять как волю свыше. И тело в конце концов потребовало своей пищи… Сначала я очень скорбела оттого, что душа всё более приходит в сонное состояние, состояние отупения и невосприимчивости. Связь души с тем, что было ТАМ, из могучего потока превратилась постепенно в тончайшую нить. Нить, которая всё же связывает меня с Тем миром… И эта связь мне помогает выживать теперь в этом жестоком и равнодушном мире. Да, именно таким, холодным и чёрствым, безжалостным и равнодушным, видится мир земной по сравнению с Небесным…

Долгое время я умалчивала об одном поразительном для человеческого сознания факте. (Я понимала, что он способен вызвать у большинства людей потрясение с примесью тягостного уныния.) Но теперь, по прошествии времени, постепенно вернувшись к привычной мирской жизни, я полагаю, что не имею права его утаить. Он может раскрыть

глаза многим людям на наше истинное земное существование.

Первые три дня были особо тяжкими. То, что я, спускаясь, увидела и ощутила от соприкосновения с землёй, повергло мою душу в гнетущее состояние. Она предстала передо мной как огромная смердящая помойка, заваленная горами кишащих на ней черной склизкой жижей живых человеческих трупов. Их копошение и создавало мнимую видимость жизни на земле. (Так, наверное, мне было открыто подлинное духовное состояние людей.) От живых трупов исходило непередаваемое зловоние. Моя душа от этого кошмара, которого ранее я не замечала и о котором не подозревала, рвалась обратно на небо. Казалось, истинная родина – ТАМ, а здесь я вновь – по какой-то нелепой случайности, по странной ошибке.

Я вернулась с небес словно новорожденный безпомощный младенец и была совершенно беззащитна перед открывшейся мне страшной земной реальностью. Особенно сильно травмировало меня близкое соприкосновение с людьми. Во многих из них ощущалась скрытая агрессия. Казалось, что их гневное содержимое, с трудом сдерживаемое, вот-вот выплеснется наружу. Нечеловеческий взгляд горящих откуда-то изнутри как красные угли глаз причинял острую ду-

шевную боль. Было очень жалко этих людей, и я поначалу искренне оплакивала их греховность. Но чем больше я с ними соприкасалась, тем становилось всё труднее и труднее. В какой-то момент я почувствовала, что мой скорбный плач по ним прекратился. Внезапно появившееся чувство обиды за этих людей, за их столь бедственное положение стало невыносимо терзать мою душу. Я опомнилась и принялась молиться уже за себя. Но, видимо, вместе с этой обидой в меня вошло что-то тяжёлое и гнетущее. Оно после светлой, неземной радости, властно обволакивая всё внутри, вызывало тягостное омрачение.

Впоследствии тёмные силы самым безжалостным образом набросились на меня, мстя, как я поняла, за моё перерождение. Через близких и дорогих мне людей они пытались уничтожить меня и всё светлое во мне. С горечью ощутила я свою немощь и безпомощность. Земля действительно лежит во зле. И теперь спасает меня от этой нечисти только непрерывная связь с Богом – молитва и вера…

Прошло время, но моя душа всё так же тайно скорбит по своей истинной Родине. По Родине, на которой ей посчастливилось побывать, пусть хоть совсем недолго, хоть краткий миг. Этого мига ей не забыть до конца своего пребывания на земле… Но, наверное, моё возвращение было угодно Господу.

Мне пришлось претерпеть весь земной кошмар первые три дня, пока душа постепенно не огрубела и её чувствительность, невольно приобретенная, не притупилась. Но и до сих пор в моей памяти сохраняется то отвратительное смердение... И я стала ещё острее осознавать всю бедственность земного человеческого существования.

Как-то в монастырь, где я бываю на службах, зашёл совсем ещё не старый человек. Он очень опустился от пьянства, и от его одежды исходил неприятный терпкий запах. Я не заметила, как он оказался рядом со мной, и от запаха нечистот, внезапно ударившего в нос, невольно обернулась. Первое, что мне пришло в голову, было (не об этом человеке, а о нашей греховности): «Как же мы зловонны и не замечаем этого! И что же приходится терпеть от нас нашим Ангелам Хранителям?!» Второе, что подумалось: «Наверное, Господь привёл этого несчастного сюда, в храм, во время службы не зря. Это выразительное напоминание нам, грешным, о нашем плачевном состоянии». И Господь нередко указывает нам на него, посылая скорби и болезни.

Впоследствии выяснилось, что моё заболевание относится к онкологии, что хирургическое вмешательство в моё тело было вообще противопоказано. Но если до операции слово «рак» наводило на меня могильный ужас, то после случившегося ТАМ и эта

страшная болезнь тела перестала пугать меня. Болезнь души – вот что заставляло сознание содрогаться. Болезнь тела – лишь отражение болезни души, стала понимать я со всей ясностью. И в какой-то момент меня поразило тайное сходство в звучании двух слов – «рак» и «грех». Грех – это раковая опухоль души, поняла я. И если вовремя не очиститься от греха, то он может полностью овладеть душой и привести её к погибели. Тогда гибель тела будет естественным следствием гибели души. Именно с этой болезни и началось мое истинное – исцеление моей больной души, поражённой опухолью греховности. Я поняла, что операция была проведена более на душе, нежели на теле. Как будто устранили тяжёлую заслонку, отделявшую меня от Бога. Хоть врач и допустил ошибку, но досадовать по этому поводу или тем более ругать его – не помышляю, так как верю, что всё произошло с Высшего соизволения. И я очень благодарна Всевышнему. Не знаю, что было бы со мной, если бы я перед операцией не очистила свою душу покаянием. Мне даже страшно думать о вероятном исходе. Подозреваю, что, отягощённая многими грехами, моя душа не могла бы подняться ввысь. Скорее, она была бы обречена на падение в бездну…

Порой я задумывалась о том, почему удостоилась подобной милости. За какие заслуги мне было даровано испытать всё это воо-

Протоиерей Алексей Порфирьев (фото из архива)

чию?! И не находила ответа, потому что вся моя жизнь, по сути, была преступлением перед Богом. И я думаю, что только ходатайство моих глубоко верующих предков спасло меня от погибельной пропасти, к краю которой я так близко подошла. Да, только их сильная молитва перед Господом за неразумное погибающее чадо могла сотворить подобные чудеса. А молитва за меня, полагаю, была сильная, так как все мои предки, и по линии мамы, и по линии папы, как выяснилось, принадлежали к священническим родам. Страдальческая кончина одного из них, протоиерея Алексия Порфирьева, описана в недавно вышедшем двухтомнике иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века». Это обнаружилось, когда я пришла к вере и стала живо интересоваться, кем были мои родственники. Я смутно помнила, что ещё в детстве случайно узнала из разговора взрослых о моём прадеде, который был священником (позже из архивных данных выяснилось – уважаемым в Нижнем Новгороде протоиереем). Оставшиеся в живых родственники, имея в роду известных и за это поплатившихся жизнью служителей Православной Церкви, тщательно скрывали и от нас, детей, всю, порой очень горькую, правду, так как жили в невероятно тяжелых условиях гонений.

Икона Божией Матери «Державная»

...Да, наши верующие предки перенесли страшные испытания. И я думаю, у любого ныне живущего человека есть в праотцах хоть один истинный ходатай на Небесах, способный умолить Милостивого Судию о спасении живущего на земле грешника. Нам только нужно всеми силами желать своего спасения и верить в него.

Прооперирована я была в конце первой недели Великого поста, в 1996 году 14 марта, вечером, накануне празднования Православной Церковью иконы Божией Матери, именуемой «Державная». (Эта великая чудотворная икона была явлена русскому народу в дни страшных революционных потрясений в России. Тогда наша Отчизна по милости Божией обрела Небесную Защитницу.) В дальнейшем мне довелось по благословению старца о. Николая Гурьянова заниматься как писателю темой покаяния русского народа в грехах цареубийства, клятвопреступления и вероотступничества...

***

Изначально эта рукопись была лишь малым даром, знаком сердечной благодарности священнику, напутствовавшему меня перед операцией. Но по мере того, как батюшка всё чаще и чаще давал читать её людям и она стала оказывать благостное действие в укреплении их веры, у него возникла мысль донести это свидетельство до широкого круга читателей.

Как я уже упоминала, после «путешествия» на Небеса тёмные силы буквально обрушились на меня, нанося новые и новые удары, преследуя на каждом шагу. Очередные скорби каждый день поражали мою обновлённую душу.

Особенно сильный удар был нанесён, когда в одном из крупных православных издательств мне предложили издать рукопись. Стали раздаваться голоса, что, мол, всё происшедшее со мной во время операции – результат действия наркотиков или, более того, «от бесов»... Чтобы устранить внезапно возникшее препятствие, священник благословил меня на поездку к старцу, протоиерею Николаю Гурьянову.

Поездка протекала под удивительным покровом. Не успела я при встрече с батюшкой начать говорить о том, что со мной произошло, как лицо его озарилось светом и он радостно произнес:

– Ты видела Господа! Теперь ты знаешь, как ТАМ хорошо!..

В моей душе от слов старца и от света, которым просияло его лицо, вдруг со всей ясностью возникло ощущение того Белого Света. Казалось, я вновь на Небесах! Слёзы невольно заструились по лицу потоком светлой радости. И я с трудом произнесла в ответ:

– Батюшка, ТАМ так хорошо, что словами не выразить!..

Старец отец Николай (Гурьянов) (фото автора)

Вновь наслаждаясь несказанным счастьем, я не сразу спустилась на землю. Придя в себя, спросила старца, есть ли благословение от Господа поведать обо всём людям, издать рукопись. Отец Николай, продолжая светиться улыбкой, благословил меня, а потом рукопись со словами:

– Есть. Есть благословение. Обязательно обо всём поведай людям.

– Батюшка, – нерешительно сказала я ему, – меня прооперировали под общим наркозом. И кто-то может усомниться, что всё, что со мной было ТАМ, – от Бога. Решив, что всё это от бесов или от действия наркоза...

Лицо старца сразу изменилось, сделалось очень серьёзным, и он молвил:

– От Бога, от Бога. Всё, что с тобой ТАМ было, – несомненно от Бога... А сомнения – от искушений, – добавил батюшка. И, снова благословив меня, сказал:

– Пиши, пиши обо всём. Это твоё дело. Благословение свыше на всю твою жизнь.

И действительно, после того, что случилось со мной ТАМ, и после этого необычного благословения старца у меня словно открылся внезапно литературный дар. Я стала писать рассказы и статьи на православные темы под впечатлением от паломнических поездок и встреч с верующими людьми.

Господу нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЧУДО ОТ КРОВОТОЧИВОГО ОБРАЗА

...Сколько уже было описано случаев-свидетельств о фактах-чудесах, связанных с новоявленными в России святынями! А сколько их было не обнародовано по различным причинам! Лишь Господь ведает... Об одном таком, пусть не самом ярком, но красноречивом примере посещения нас, грешных, чудом Божиим хочется поведать подробнее, чтобы это стало достоянием современников, быть может, им в помощь и спасение.

Под Оренбургом, в селе Державино (бывшем родовом имении поэта Г.Р. Державина), в доме простой верующей женщины Ольги замироточило большое количество с виду обыкновенных литографических икон. А одна из них стала внезапно кровоточить. И теперь этот образ Спасителя путешествует по всей нашей Родине, некогда Великой Русской Державе.

О том, что кровоточивый образ доставлен в пригород Петербурга, мне сообщили верующие знакомые. К всеобщему огорчению православных людей, он должен был находиться в одном из небольших храмов всего лишь три дня, а затем проследовать далее по России, без заезда в северную столицу. И огромные толпы страждущих и почитателей чудотворной святыни отправились кто

Кровоточивая икона Спасителя

на электричках, кто на личном транспорте, кто в паломнических автобусах – словом, кто как мог – в посёлок Суйда. Он расположен недалеко от знаменитой Вырицы, где покоятся мощи ныне канонизированного святого – преподобного Серафима Вырицкого. В посёлке Суйда сравнительно недавно был выстроен красивый деревянный храм. В его-то стенах и пребывала недолгое время кровоточивая святыня, исцеляя своей благодатью души и тела многих людей.

Всем паломникам, приложившимся к иконе Спасителя, раздавались кусочки ваты, освящённой у этого чудотворного образа, бережно завёрнутые в маленькие бумажные кулёчки. И один пожилой мужчина, с волнением принимая в руки драгоценный дар, нечаянно выронил его, едва успев подхватить почти у самого пола, и очень расстроился. А служительница, раздававшая святыни, успокаивая его, рассказала следующее.

Однажды, в общей сутолоке у кровоточивого образа, кто-то нечаянно обронил кусочек освящённой ватки, и его затоптали ногами. А один верующий человек, обнаружив святыньку на полу, бережно поднял её и положил к себе в нагрудный карман. И эта ватка, к удивлению окружающих, вмиг замироточила. «Святыня поругаема не бывает», – заключила женщина свой краткий, но примечательный рассказ.

В это время моя дочь помогала сворачивать бумажные пакетики для святынек. Но что-то вдруг побудило её обернуться к царским вратам и посмотреть на икону Богородицы. И она неожиданно увидела, как из звезды на плече Пречистой и вдоль плата, обрамляющего Её светлый лик, двумя струйками истекало миро. Когда сообщили об этом священнику, только что отслужившему молебен у чудотворного Державинского образа, он, подойдя к иконе Божией Матери и обследовав её, засвидетельствовал факт мироточения храмовой иконы. Надо отметить, что сам чудотворный образ на тот момент не кровоточил и не мироточил. Подобные чудеса происходили со многими храмовыми иконами при посещении кровоточивой святыней и других храмов.

К сожалению, не всем моим верующим знакомым удалось посетить тогда державинский образ Спасителя в пригороде Санкт-Петербурга. И чтобы их как-то утешить, я попросила для них ещё несколько кусочков освящённой ватки.

Примерно через месяц ко мне домой приехала женщина, у которой в жизни были серьёзные трудности. После нашего общения я поделилась с ней кусочком ватки от кровоточивого образа. В её же присутствии я положила поверх оставшейся ватки, хранившейся у меня в стеклянном пузырёчке, небольшой

Храм в поселке Суйда (фото автора)

клочок бумаги с надписью, что это за святыня. И было хорошо видно, что вся вата там была совершенно сухая.

Через несколько дней мне позвонила близкая знакомая, глубоко верующий человек, для которой я также привезла святыньку. Вот уже не первый год она мужественно, с непрестанной молитвой, претерпевала все испытания и скорби, связанные с семьей. И я давно пыталась передать ей ватку от чудотворной иконы Спасителя, но она никак не могла со мною встретиться. А тут она, наконец, собралась зайти ко мне, но из-за очередных проблем всего на пару минут. И пока знакомая была в дороге, я решила заранее приготовить для неё святыньку.

Освободив кухонный стол, я тщательно его протерла. Потом достала пустой пузырёчек и баночку с освящёнными кусочками ваты. Невольно обратила внимание на бумажную этикетку, которая осталась от лекарства на баночке со святыней, она почему-то стала промасленной. Но тогда я этому значения не придала. Какое-то время я глядела на святыню, не решаясь открыть баночку. В душе ощущался трепет и неясный страх, будто перед чем-то Великим и Святым, чего я недостойна… Время шло, а я по-прежнему пребывала в нерешительности. Наконец, вспомнив, что вот-вот придёт знакомая, я

взяла в руки баночку с освящённой ватой и открыла крышку. Заглянув внутрь, увидела тот самый клочок бумаги с надписью, и от его необычного вида у меня затрепетало сердце. Он весь был пропитан чем-то маслянистым. Не доверяя своим глазам, аккуратно достав бумажку двумя кончиками пальцев, я в испуге тут же сунула её обратно. На моих пальцах поблёскивали маслянистые капли. В душе поднялось ещё большее смятение. В сознании теснились вопросы: «Неужели это мироточение?.. То самое, которое мне доводилось наблюдать на иконах в храмах?.. Но почему это происходит у меня в доме? У меня – недостойной такой милости?..»

Страх в моей душе всё усиливался. Это был священный трепет человека – малой песчинки – перед непостижимостью и величием Создателя. К этому чувству примешивался стыд – за своё недостоинство и греховность. И ещё многое, чего не выразить словами, наполнило в тот момент мою душу, которая, лишь краешком прикоснувшись к святости, испытала на себе, милостью свыше, смысл слов – «страх Божий»…

Более суток мне было даровано это удивительное состояние. Словно Господь, приоткрыв на время завесу, помог глубже осознать свою греховность. За это время я многое передумала и поняла, какая большая ответс-

твенность лежит на православном человеке не только за своё спасение, но и за праведное, евангельское отношение к ближним. «И как же было бы полезно, – подумалось в один из моментов, – если бы эта завеса, отделяющая нас от видения бездны своих грехов, никогда не закрывалась...» Но Творец, зная все наши немощи, нечасто посещает нас подобными откровениями. Что стало также более понятным, так как тогда я вся словно горела сжигающим душу и тело покаянным огнем. И вряд ли возможно грешнику выдерживать такое изо дня в день...

Раздался звонок, и я, потрясённая происшедшим, направилась к входной двери. Трясущимися от волнения руками с трудом открыла замок и осталась стоять на пороге, не в состоянии вымолвить ни слова. Наверное, вид у меня был непривычный, и знакомая испуганно спросила:

– Что-то случилось?

Пропуская её в квартиру, я только и смогла произнести заикаясь:

– У м-м-меня в доме п-п-произошло «страшное» ч-ч-чудо...

Пока знакомая торопливо раздевалась, я нерешительно сообщила ей, что у меня, наверное, замироточила вата, освящённая у кровоточивого образа Спасителя.

Мою знакомую звали Ольга. И она в свою очередь в растерянности молвила, что сегод-

ня её именины – день памяти равноапостольной княгини Ольги. Ещё нам вспомнилось, что имя женщины, у которой в доме закровоточил образ Спасителя, также Ольга.

Моё волнение быстро передалось знакомой. Дополню свой рассказ тем, что до её прихода у меня возникло необычное чувство: чьего-то незримого, но живого и всеобъемлющего присутствия рядом. Спустя время Ольга поведала мне, что испытывала тогда в моём доме подобное же ощущение.

Излагая всё в подробностях, преследую единственную цель – как можно достовернее засвидетельствовать происшедшее чудо. И вот что было далее.

Когда я вновь открыла пузырёк с освящённой ватой, то мы со знакомой увидели тот промасленный клочок бумаги, только на этот раз на нём появились ещё маслянистые шарики. И мы уже вдвоём замерли на месте, наблюдая, как эти «шарики» у нас на глазах стали превращаться в желтоватые, крупные капли и стекать вниз по неровной поверхности бумаги.

Через какое-то время, опомнившись, я предложила Ольге помазать крестообразно на её теле все места, где у неё были удалены опухоли (а операций было несколько) и где её ещё мучили боли. Потом, при очередной встрече, Ольга поведала мне, что ощущала при помазании, как некая приятная прохла-

да проникала внутрь её больного тела, будто обновляя его.

После помазания мы закрыли крышкой баночку со святыней и замерли на некоторое время в полном молчании, переживая встречу с чудесным явлением, пока я не вспомнила, что необходимо отложить для Ольги часть освящённой ваты. И мы снова открыли баночку. А когда аккуратно извлекли из неё кусочек ватки, предназначенный для Ольги, то увидели, что весь он был словно в росе – покрыт мельчайшими поблёскивавшими капельками, хотя ещё несколько дней тому назад я отрывала от него половину в присутствии другой знакомой и он был совершенно сухой. Мы бережно переложили эту часть святыньки в чистый пузырёчек. И неожиданно заметили ещё, что по всем краям баночки с оставшимися освящёнными кусочками ваты вдруг появились довольно крупные капельки маслянистой жидкости. И они были не только с внутренней стороны баночки, но и по внешним её сторонам. Также внезапно мы обнаружили мироточение и на внутренней части пластиковой крышечки, будто чудесная жидкость маслянистой росой вопреки законам физики поднялась кверху. Потом мы увидели, что и вся вата, оставшаяся внутри баночки, будто набухла, полностью пропитавшись желтоватой жидкостью, похожей на масло.

Вскоре Ольге из-за срочных дел пришлось уйти. После этого я почувствовала, как вместе с ней пропало и ощущение чьего-то невидимого благодатного присутствия. И мне подумалось, что происшедшее в моём доме было связано именно с Ольгой. Быть может, Господь таким чудесным образом утешил её в день именин, давая дополнительные силы на несение нелёгкого креста.

Закрыв за знакомой дверь, я поспешила вернуться на кухню. И ещё издали заметила, как около баночки с замироточившей ватой неожиданно что-то ярко сверкнуло, будто там была алмазная капелька воды. Это очень удивило меня, так как с водой мы дела не имели. Но, надев очки, я вдруг обнаружила на столе три переплетшиеся между собой микроскопические ватные ворсинки, длиной с полсантиметра, которые лежали… в маслянистой капельке жёлтого цвета. Наверное, ворсинки незаметно упали на стол при перекладывании освящённой ватки, а пока я ненадолго отлучалась, они чудесным образом обильно замироточили. В тот момент я поняла, насколько же аккуратно и бережно необходимо обращаться со святыней – даже от самой малой частички её исходит Божия благодать. Мне вспомнилось ещё об одном благоговейном священнике, который, обратив внимание на небрежное отношение неко-

торых верующих к освящённой в алтаре просфоре, с болью в сердце говорил прихожанам, что видит, как светится каждая крошечка, падающая на пол… Вспомнила я и об этикетке, которая внезапно стала промасленной, когда внутри баночки замироточила вата. Значит, благодать, источаемая святыней, не имеет никаких физических преград и способна проникать через любые материальные препятствия. Ведь мироточат как деревянные, так и металлические кивоты чудотворных икон. Мироточат на них также и стекла, находящиеся не вплотную, а на расстоянии от святыни, и это означает, что для всепроникающей благодати не существует препятствий и в расстоянии…

Позже я узнала, что Ольга по дороге домой почувствовала серьёзное недомогание. А дома слегла в постель с сильным жаром во всём теле и высокой температурой…

Вечером того же дня на православной радиоволне была передача о святой равноапостольной княгине Ольге. И я, памятуя о том, что не должно скрывать чудеса Божьи, позвонила в прямой эфир и сообщила о случившемся у меня дома чуде мироточения и о внезапной болезни Ольги. Священник, отвечавший на звонки радиослушателей, отметил в моём рассказе следующее.

Если бы у меня во время происходившего возникли эйфорическая радость и гордое са-

Равноапостольная княгиня Ольга (фрагмент настенной росписи, фото автора)

модовольство, что я удостоилась такого чуда, можно было бы считать, что это от лукавого. Но глубокое покаянное чувство и страх Божий свидетельствуют о благодатном посещении. А повышение температуры сопровождает подобные чудесные явления нередко, что ранее подтверждали и другие люди. Потом у них наступало или исцеление, или улучшение самочувствия, словно в благодатном жару перегорали телесные болезни.

Далее священник продолжил рассказ о великой княгине Ольге, её исторической роли для будущего всей Руси – Святой Руси, как впоследствии стали именовать свою Родину русские люди.

Во время этой передачи я вспомнила о необыкновенных совпадениях и сразу подумала о том, что у Господа просто так ничего не бывает – во всём происходящем заложен глубокий смысл. Место, откуда был явлен Кровоточивый образ Спасителя, носит непростое название – село Державино. А словом «Держава» некогда называли нашу Великую Родину – государство Российское. Прежний владелец земель села Державина Гаврила Романович Державин (1743–1816) был не только известнейшим русским поэтом, но и уважаемым государственным деятелем, ратовавшим за сильную и могущественную Россию. Не случайно, наверное, имя хранительницы

мироточивых икон и Кровоточивого образа Спасителя – Ольга, как звали и великую княгиню земель русских. Этой простой верующей женщине – нашей современнице – довелось испытать на себе неистовую ярость тёмных сил. На жизнь рабы Божией Ольги, путешествующей по всей Руси с чудотворными святынями, был совершён ряд дерзких кровопролитных покушений. По-видимому, её безкорыстное служение Господу не даёт покоя силам зла, непрестанно обрушивающимся на нашу Отчизну и стремящимся во что бы то ни стало погубить весь русский народ. Примечательно, что в день памяти равноапостольной княгини Ольги случаются чудеса – благодатные посещения Божии, подобные происшедшему у меня в доме. Сама княгиня Ольга, трагически лишившись любимого мужа и овладев кормилом государства, своим мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами. Ранее, до времен Ольгиных, великие князья воевали, она же – правила государством. При княгине Ольге Россия стала известной в самых отдалённых странах Европы. Будучи одарена необыкновенным умом, Ольга смогла увериться в святости Христова учения. И она, сделавшись ревностной христианкой, приуготовила торжество истинной веры в нашем Отечестве. А с принятием Пра-

Весь лик иконы Спасителя залит кровью (фото автора)

вославия некогда разрозненные, языческие племена объединились в Великий Русский Народ…

С помощью Божией, обращаясь к родным истокам и размышляя над происходящим в наши дни, неизбежно приходишь к выводу, что нам, ныне живущим на Русской земле людям, пора очнуться от духовной спячки и вспомнить о дарованном Господом предназначении – быть народом-богоносцем, хранителем Православной веры! Так обновим же, русские люди, свои сердца пламенной, соборной молитвой о спасении нашей любимой богоизбранной Отчизны и встанем на защиту своей Державы от яростных нападений сил адовой тьмы! Аминь!

ОБ АВТОРЕ

Наталья Олеговна Цветаева (Седова) родилась 7 января 1956 г. в городе Нижний Новгород. Училась с 1979 г. в Санкт-Петербурге и жила потом в северной столице на протяжении двадцати четырех лет. По образованию художник.

В 1995 г. пришла к Православной вере. А в 1996 г. перенесла онкологическую операцию, сподобилась чудесного явления и описала его. В том же году побывала у Псковоозерского старца – отца Николая Гурьянова, который благословил издать рукопись и в дальнейшем заниматься писательским трудом. С тех пор неоднократно посещала батюшку Николая и жила на острове, получая душеспасительные старческие советы.

По молитвам и благословению батюшки было опубликовано много рассказов и статей в православных газетах, журналах и книжных издательствах, в том числе в газетах «Православное слово», «Благовест», «Православный Санкт-Петербург», журналах «Духовный собеседник», «Лампада».

В 2000 г. издательством «Ковчег» была издана книга «Благодатный дар Государя – Икона Царя-Мученика от мироточения до схождения Благодатного огня» и в том же году издательство «Глагол» выпустило кни-

гу «Под крылом Ангела». Рассказы автора были также опубликованы в различных газетах, журналах и сборниках украинских и белорусских православных издательств.

В 2003 г. Наталья вернулась на родину, в Нижний Новгород. А в 2004 г. московское издательство «Глагол» выпустило, с тем же названием «Под крылом ангела», уже сборник рассказов.

В Нижнем Новгороде Божиим промыслом у автора произошло за короткий отрезок времени семь необычных встреч с людьми сложных, необычных судеб. Каждый из них в конечном итоге смог выбраться из жизненного омута и прийти к спасительной Православной вере. На основе рассказов этих верующих людей в 2007 г. в Нижнем Новгороде была выпущена книга «Благословляющая Рука». И вскоре на адрес автора стали приходить отзывы. Вот одно из таких писем:

«Уважаемая Наталья Олеговна!

Пишу Вам с благословения своего духовного отца.

Зовут меня Лариса Константиновна Иванова, мне 61 год. По образованию юрист и работаю в Государственной инспекции труда правовым инспектором с начала основания инспекции.

Десять лет назад в течение полутора лет похоронила всех своих близких – папу, маму,

дядю, крёстную тётю и даже любимую собаку. И в жутком состоянии депрессии не могла три года отойти от скорбей. Ни детей, ни мужа у меня нет. Живу одна в большой квартире. Подбираю бездомных, больных животных и выхаживаю их.

В состоянии скорби поползла к Богу. Стала читать Закон Божий. На последние гроши покупала православную литературу, которую три года читала взахлеб. Утром и вечером читала молитвенное правило. Узнала, что такое акафисты, каноны, Псалтирь. Но вера была слаба. А вернее, её и не было. Просто эти средства мне служили как психотерапия (в молодости я ходила в группу здоровья к известному в городе психотерапевту).

Через четыре года мне довелось найти духовного отца, иеромонаха с 30-летним стажем, который помог мне отойти от аутотренингов. «Пинками» заставляла себя молиться и ходить на воскресные службы (хотя всё церковное я очень люблю).

В этом году летом на православной ярмарке (которые очень жду) купила Вашу книгу. Нехотя купила, нехотя начала читать, после первого рассказа бросила – моя гордыня говорила мне, что зачем мне рассказы этих мирян, я столько о святых читала. И Ефрема Сирина, и Тихона Задонского, и т.д., а тут «простые смертные», такие же, как я. Но че-

рез неделю заставила начать читать снова, и два рассказа: «Господь не любит самоубийц» и «Моя душа всегда была христианкой» – перевернули мою жизнь. Оба рассказа про меня – вся судьба моя – с детства депрессивное состояние и падения в молодости, время препровождения с ухажёрами, жизнь в блуде, гулянках…

Генеральная исповедь состоялась только пять лет назад. Но пребывала часто в унынии. Спасибо вам за эту книгу – только после неё я стала по-настоящему верующей, вразумилась и разобралась со своими страстями.

В Православии я десять лет и опыт имею трудных лет. Захотелось написать о себе даже только потому, что кто-то сдвинется с места (как я), может, получит помощь. Представьте, что у меня глубокие знания жития святых, но их советы я на деле не применяла, а Ваша книга о простых мирянах сдвинула меня с мёртвой точки.

Большое Вам спасибо. Жду с нетерпением книг Вашей серии.

С уважением – Л.К. Иванова.»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Сложным и весьма запутанным бывает порой путь современного человека к Господу. Десятилетия безбожной жизни так далеко увели нас от веры предков, что часто скитаемся мы долгое время, как потерявшиеся, заблудшие овцы без своего Небесного Пастыря, нередко попадая в сети лжеучений, маскирующихся под Истину и умело использующих православную атрибутику... Но сколь же радостной бывает потом долгожданная встреча нашей бедной, изголодавшейся по Истине души со своим Создателем, щедро милующим и всепрощающим Своё вернувшееся чадо!..

Надеемся, что эти рассказы из реальной жизни наших современников и соотечественников помогут кому-то пересмотреть свою жизнь, глубже вдуматься в неё и вспомнить те сокровенные моменты, когда Господь посылал Свою помощь. Не каждый, к прискорбию, смог разглядеть её за повседневной земной суетой... Но пока Милостивый Всевышний Судия продлевает земные дни, у нас есть безценная возможность начать свой путь ко спасению.

Если эти рассказы пробудили в вас искреннее желание поведать о своём духовном опыте в назидание и помощь ближним, вы можете обратиться по адресу:

603106, г. Нижний Новгород, почтовое отделение № 603106, до востребования – Цветаевой Наталье Олеговне.

СОДЕРЖАНИЕ

Цветаева Наталья Олеговна

«Милость Твоя на мне»

О путях человеческих
и путях Божиих

Дизайн, верстка Б. В. Прудентов
Редактор, корректор Е. К. Солоухина

Формат 84 х108 $\frac{1}{32}$ Гарнитура «Таймс».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 12 печ. л. Тираж 10000.
Подписано в печать 10.10.08.
Заказ № 4815013

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603950, Нижний Новгород, ул.Варварская, 32

...Сложным и весьма запутанным бывает порой путь современного человека к Господу. Десятилетия безбожной жизни так далеко увели нас от веры предков, что часто скитаемся мы долгое время, как потерявшиеся, заблудшие овцы без своего Небесного Пастыря, нередко попадая в сети лжеучений, маскирующихся под Истину и умело использующих православную атрибутику... Но сколь же радостной бывает потом долгожданная встреча нашей бедной, изголодавшейся по Истине души со своим Создателем, щедро милующим и всепрощающим Своё вернувшееся чадо!..

